И 225
583

ИСТОРІЯ

СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ

ВЪ ГЕРМАНІИ.

2007081568

ИСТОРІЯ

СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ

ВЪ ГЕРМАНІИ,

съ 1756 по 1763 годъ.

СОЧИНЕНІЕ

І. В. Архенгольца,

Служившаго капитаномъ въ арміи Фридриха Великаго.

Перевелъ Алексѣй Мартосъ.

« Исторія свидѣтель истины. »

Цицеронъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,

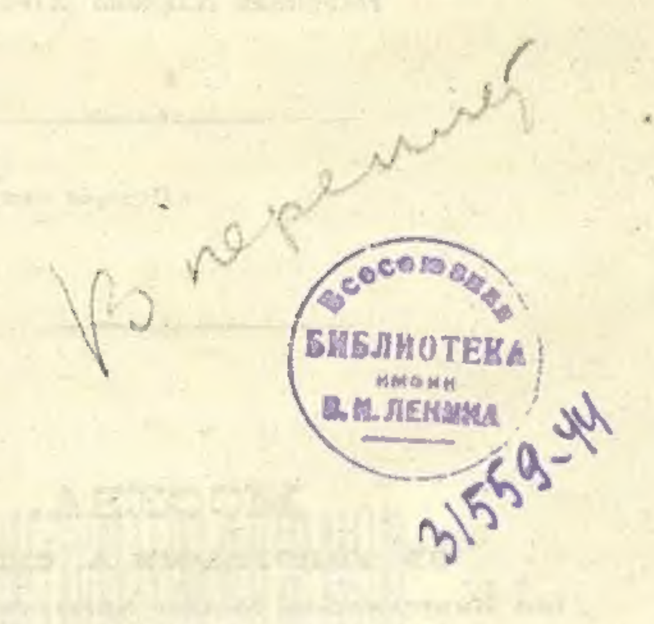
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги. С. Петербургъ. Мая 5 дня, 1836 года.

Цензоръ С. Куторга.



ИСТОРІЯ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

КАМПАНІЯ 1756 ГОДА.

Союзы Европейскихъ Державъ противу Пруссіи. Фридрихъ вноситъ войну въ Саксонію. Сраженіе при Ловозицѣ Сдача Саксонской арміи. Пруссаки занимаютъ зимнія квартиры въ Саксоніи и Силезіи.

По возвращеніи Ахенскимъ миромъ спокойствія всѣмъ народамъ Европы, изнуреннымъ продолжительною войною, снова начали процвѣтать искуства, друзья мира, и кровавыя сцены, долгое время опустошавшія сію часть свѣта, казались быть отдаленными. Но въ самое это время, ея могущественные государи помышляли снова ввергнуть свои народы въ прежнія бѣдствія, которыя были еще столь для всѣхъ памятны, и кабинеты старались пріуготовлять новыя жертвы злому духу войны. Виды ихъ слишкомъ хорошо были исполнены.

Въ это время составлялись новые союзы, основанные не столько на правилахъ здравой политики, сколько на личныхъ страстяхъ: не

жажда къ завоеваніямъ или желаніе увеличить себя оными, но вражда и мщеніе были главнымъ основаніемъ ихъ. Двѣ повелительницы многочисленныхъ народовъ думали быть лично оскорбленными монархомъ, на котораго были обращены взоры всѣхъ народовъ, который со славою окончилъ двѣ войны, своими великими во всѣхъ родахъ талантами возбудилъ къ себѣ общее удивленіе, и царскими доблестями своими заставилъ признавать себя образцомъ всѣхъ государей. Такимъ образомъ были составлены планы, наилучшимъ образомъ соображенные, чтобы уничижить его или даже уничтожить самое его политическое существованіе.

Вотъ источникъ войны, которую, по числу разныхъ армій, по числу народовъ, въ оную завлеченныхъ, военачальниковъ и ихъ подвиговъ, по тому усовершенствованію, на которое въ продолженіе оной достигла тактика, по кровопролитнымъ битвамъ на твердой землѣ и на морѣ происходившимъ, по чудесному разнообразію событій и по объемѣ оною прочихъ частей свѣта, поставляютъ на чреду войнъ самыхъ чрезвычайныхъ, обагрявшихъ когда либо поверхность нашего шара.

Императрица-королева Марія Терезія не могла забыть потерю Силезіи, провинціи прекрасной, населенной трудолюбивыми жителями, которою Фридрихъ II-й овладѣвъ вскорѣ по

вступленіи своемъ на престолъ, удержалъ за собою по Бреславскому и Дрезденскому трактатамъ. Она видѣла себя поставленную въ необходимость уступить сію землю побѣдителю, который, изъ непріязненныхъ ей принцевъ, первый наступая войною предъявилъ свои неожиданныя требованія. Не прежде могли оцѣнить важность Силезіи, какъ увидѣли на опытѣ ту пользу, которую завоеваніе сіе приносило Фридриху. И такъ, не труднымъ казалось исторгнуть изъ рукъ его сію провинцію, противупоставивъ ему страшные союзы. Августъ III-й король Польскій, курфирстъ Саксонскій, однажды изгнанный изъ своей столицы симъ могущимъ сосѣдомъ, надѣявшійся въ уничиженіи его обезопасить себя въ будущемъ, и пріобрѣсти новыя области, первый вступилъ въ сей союзъ; за нимъ послѣдовала Императрица Россійская Елисавета; послѣ Лудовикъ XV, король Французскій, и Швеція, за вспомогательныя суммы, состоявшія въ совершенной зависимости Версальскаго Двора.

Сей союзъ между Австріею и Франціею, удивившій всю Европу и считаемый образцомъ совершенства политики, былъ не что иное, какъ случайное стеченіе обстоятельствъ. Франція вправду никогда не желала уничтоженія Державы Прусской. Версальскій Дворъ имѣлъ главнымъ предметомъ Англію. Франціи хотѣ-

лось взять Ганноверъ, дабы выполнить въ Америкѣ намѣренія гораздо важнѣйшія. Союзъ съ Австріею давалъ ей благовидную причину ввести свои войска въ Германію, и потому она обѣщала Вѣнскому Двору двадцать тысячь вспомогательныхъ войскъ. Разныя обстоятельства, новыя побудительныя причины, перемѣнившіеся планы, разныя интриги Двора, и оборотъ военныхъ происшествій, потомъ увеличили сіи вспомогательныя силы болѣе 200,000 человѣкъ.

Гибель Фридриха, которую онъ умѣлъ отвести великими изворотами ума своего и своимъ счастіемъ, была неизбѣжна, если бы вѣроломство не объяснило ему столь опасный союзъ. Его провинціи, отдѣленныя, по большой части открытыя со всѣхъ сторонъ, его беззаботность, все призывало союзниковъ начать военныя дѣйствія, которыя, вмѣсто войны тягостной, указывали имъ легкое торжество ихъ оружія. Но открытіе сихъ политическихъ злоумышленій убавило опасности у государя, всегда готоваго къ войнѣ доселѣ еще невиданнымъ образомъ, и который обладалъ въ величайшей степени талантами великаго генерала, который, при большихъ сокровищахъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи арміи изъ двухъ сотъ тысячь человѣкъ. Его могущественный геній умѣлъ пользоваться сими преимуществами, и когда Вѣнскій Дворъ отказалъ ему въ подтвержденіи, котораго онъ

требовалъ относительно его миролюбивыхъ расположеній, онъ первый тотчасъ принялся за оружіе.

Союзныя Державы едва только тогда начали свои пріуготовленія: всѣмъ имъ недоставало души войны, денегъ, и арміи, назначенныя къ военнымъ дѣйствіямъ, еще были разсѣяны по гарнизонамъ отъ Пиренеевъ до береговъ Балтики, какъ король Прусскій въ Августѣ 1756 года, подобно исполину вступилъ на ратоборство съ 60,000 человѣкъ, ударивши на Саксонію. Ему нужно было предварительно занять сіе курфиршество, чтобы послѣ проникнуть въ Богемію. Онъ имѣлъ тогда одного союзника, Англійскаго короля Георгія II (*), который, опасаясь утратить Ганноверъ, заключилъ съ Фридрихомъ союзъ, коего польза представлялась еще вдалекѣ. Настоящее спасеніе Прусскаго короля единственно зависѣло отъ быст-

---

(*) Сей государь имѣлъ великія свойства сердца и разума, но притомъ непомѣрно пылкія страсти. Онъ былъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ, болѣе скупъ, нежели бережливъ, расположенъ къ труду, нетерпѣливъ, горячъ, храбръ, но онъ управлялъ Англіею примѣняяся къ выгодамъ курфиршества, владѣя мало самимъ собою, и потому не довольно былъ способенъ управлять такимъ народомъ, который боготворитъ свою вольность.—*Фридрихъ II.* Исторія моего времени.

роты и силы его военныхъ операцій. Вступленіе въ Саксонію было произведено тремя колоннами: подъ начальствомъ короля, принца Фердинанда Брауншвейгскаго и герцога Беверискаго; они должны были соединиться подъ Дрезденомъ.

Извѣстіе о вторженіи Фридриха привело Саксонскій Дворъ въ чрезвычайный ужасъ. Тамъ немедленно собрали тайный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ графа Брюля, министра, не столь глубокаго политика, сколько знавшаго развеселять короля и неограниченно управлять имъ.

Совѣтъ сей, въ положеніи толико критическомъ, принялъ самыя несообразныя мѣры: немедленно онъ собралъ курфиршеское войско, которое могло состоять изъ 14,000 человѣкъ, въ лагерь близъ Пирны, что на Богемской границѣ. Конечно, мѣстность лагеря, сама собою крѣпкая, помощію искуства содѣлала оный неприступнымъ; но, помышляя предохранить себя отъ Прусскаго оружія, было забыто еще о страшнѣйшемъ непріятелѣ, который, въ продолженіе толикихъ столѣтій торжествовалъ надъ многими арміями, обращалъ великихъ генераловъ въ бѣгство, исторгалъ часто плоды блестящихъ побѣдъ, или мгновенно оканчивалъ самыя продолжительныя войны. Слово: голодъ, и страшныя дѣйствія сего попущенія Божія,

было неизвѣстно министру, изнѣженному Азіятскою роскошью, и который не зналъ предусматривать ни какихъ недостатковъ. Онъ принялъ самыя недостаточныя мѣры для продовольствія своихъ храбрыхъ войскъ. При всемъ томъ, во время гибельнаго положенія, до котораго они доведены были, онъ не преставалъ имѣть роскошный столъ (*).

Между тѣмъ, Саксонская армія имѣла у себя продовольствія только на 15 дней. Ее укрѣпили отовсюду палисадами, но упустили снабдить хлѣбомъ. Здѣсь надѣялись на императорскія войска, которыя весьма поспѣшно собирались въ Богеміи, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Бровна.

Въ сей промежутокъ времени, Фридрихъ вторгнувшійся въ Саксонію, принялъ всѣ возможныя средства удержаться въ оной, удостовѣряя впрочемъ, что онъ только занимаетъ сію провинцію, въ видѣ охраненія—изворотъ новой по-

---

(*) Сей министръ, говоритъ Фридрихъ II о Брюлѣ, зналъ токмо хитрости и пронырства, составляющія политику малыхъ Государей. Онъ былъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, имѣлъ у себя превеликое множество платья, часовъ, кружевъ, сапоговъ, башмаковъ и туфлей. Цезарь причислилъ бы его къ тѣмъ разубраннымъ и благовоніями умащеннымъ головамъ, которыхъ онъ не боялся. *Исторія моего времени.*

литики, дабы выставить нашествіе вооруженною рукою не такимъ какимъ оно было, но что неприятели не упустили именовать по надлежащему. Для содержанія Прусской арміи были вытребованы большіе запасы хлѣба, множество скота и фуража. Король укрѣпилъ городъ Торгау, куда доставили артиллерію изъ разныхъ мѣстъ Саксоніи. Нѣсколько тысячь гражданъ и сельскихъ жителей воздвигали тамошнія укрѣпленія, получая съ начала заработныя деньги. Въ Торгау былъ учрежденъ кригсъ коммисаріатъ и главное казначейство; сюда же должна была поступать и контрибуція, съ земли собираемая.

10 Сентября, король прусскій вступилъ въ Дрезденъ, тогда очищенный отъ войскъ; безъ сопротивленія онъ ввелъ свою армію въ этотъ городъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ поведеніе короля и его войскъ характеризировали духъ текущаго столѣтія, въ которое, во время военное, среди сценъ самыхъ жесточайшихъ, стремились оказывать состраданіе, очищенную нравственность и вѣжливость. Фридрихъ избралъ для себя квартиру въ одномъ саду на форштатѣ, по близости котораго стояла лагеремъ его армія. Онъ принялъ всѣ мѣры смягчить въ глазахъ еще изумленныхъ Саксонцевъ грозную картину войны, стараясь ихъ очаровать своимъ привлекательнымъ обхожде-

ніемъ; онъ желалъ дабы они видѣли въ немъ ихъ друга, ихъ будущаго союзника, и нынѣ только гостя. Сообразно чему онъ обходился со всѣми чрезвычайно милостиво; давалъ иностраннымъ посланникамъ аудиенціи, исполненныя веселости и остроумія. Почти всѣ знатнѣйшіе люди, остававшіеся въ Дрезденѣ, и городовой магистратъ представлялись ему. Всѣ были приняты имъ наилучшимъ образомъ. Король кушалъ открыто, и Саксонцы стекались во множествѣ находиться при томъ. Онъ послалъ привѣтствовать королевскую фамилію, до того простирая ей свою вѣжливость, что приглашалъ оную къ своему столу, предлагалъ камергеровъ для услугъ ея; что однако же не было принято. Не смотря на сію привѣтливость, канцеляріи въ Дрезденѣ были опечатаны, нѣкоторые гражданскіе чины уволены отъ должностей, коллегіи и департаменты заперты, изъ городскаго арсенала вся артиллерія и снаряды вывезены въ Магдебургъ; всюду была секвестрована курфиршеская казна. Также прервано было всякое сообщеніе между Дрезденомъ и Саксонскимъ лагеремъ; впрочемъ по сей дорогѣ не задерживали транспортовъ съ провизіею, для стола короля польскаго слѣдующихъ, а также курьеровъ и трубачей, которыхъ оба короля другъ къ другу посылали.

Фридрихъ, имѣя въ рукахъ своихъ копіи,

многихъ важныхъ бумагъ по секретнымъ переговорамъ, отчасти проникалъ ихъ, но нѣкоторые пункты тамъ все еще не были ясны. Но для сохраненія его они были совершенно необходимы. Къ сему обстоятельству присовокуплялась и обязанность, принятая политикою, оправдать самыми ясными доводами его вторженіе въ Саксонію, удивившее всѣ Европейскія державы. По симъ причинамъ, король былъ поставленъ въ необходимость овладѣть архивомъ Дрезденскаго Двора. Но какъ предусмотрѣли его рѣшимость, то и перемѣстили ихъ на половину польской королевы (*). Она имѣла ключъ отъ этихъ архивовъ, наблюдала цѣлость ихъ, какъ наидрагоцѣнное сокровище. Сія принцесса, явная непріятельница Фридриха, рѣшительно отказала въ требованіи прусскаго короля отдать ему архивъ. Съ симъ порученіемъ былъ посланъ къ ней генералъ Винтерфельдъ, столь же отличный воинъ, какъ и тонкій при-

---

(*) Королева, супруга Августа II, была внука императора Леопольда и сестра супруги курфирста Баварскаго. Главное духа ея отличіе была угрюмость; высокомѣріе и суевѣріе составляли ея свойство; она охотно бы привела всю Саксонію къ католическому исповѣданію, но сіе не было дѣло одного дня.

Фридрихъ II, въ Исторіи моего времени.

дворный человѣкъ. Всѣ представленія его были тщетны. Королева оставалась непреклонною, не взирая что Винтерфельдъ палъ предъ нею на колѣна, дабы убѣдить ее къ исполненію воли своего государя. Наконецъ генералъ удалился. Въ слѣдъ за нимъ явились другіе депутаты, которые дѣйствовали уже болѣе по военному, и хотѣли помощію инструментовъ отворить шкафъ; но королева льстилась, что особа ея будетъ достаточнымъ оберегателемъ сего хранилища: она стала впереди шкафа и протянула свои руки. Упорство ея въ семъ случаѣ навлекло ей только новыя оскорбленія. Ее оттащили, не смотря на крики и сопротивленіе, и Фридрихъ получилъ бумаги, имъ желаемыя.

Хотя обстоятельства сіи не могли извинить неуваженія, или сего мнимаго посягательства на особу королевы, но ихъ изображали такою лютостію, каковой не бывало примѣровъ. Обиженная старуха, она дала знать о этомъ случаѣ всѣмъ иностраннымъ Дворамъ, съ большими преувеличиваніями, и поступки Фридриха въ Саксоніи, описываемыя черными красками, равномѣрно не мало служили къ увеличенію его непріятелей; даже многіе изъ его друзей начали охладѣвать къ нему. Извѣстно, что покойная дофина, мать нынѣшняго Французскаго короля, въ слезахъ бросилась къ ногамъ Лудовика XV, умоляя его спасти съ ея отчизною и виновни-

ковъ ея жизни. Отселѣ при Версальскомъ Дворѣ были забыты основательныя правила политики, и Франція начала принимать въ сей войнѣ важное участіе, столь противное государственнымъ пользамъ ея.

Съ другой стороны, между тѣмъ, ревностно старались положить основаніе миру между королями Прусскимъ и Польскимъ. Англійскій министръ лордъ Стормонтъ и Голландскій Г. Калькенъ дѣйствовали съ большимъ усердіемъ, чтобы достигнуть сей спасительной цѣли. Фридрихъ требовалъ отъ Августа строгаго неутралитета, въ удостовѣреніе чего Саксонскія войска должны были раздѣлиться и занять ихъ обыкновенныя квартиры. Августъ хотя и обѣщалъ сіе, но отказалъ всякое ручательство въ томъ. Онъ побуждалъ манифестомъ свою армію сохранить честь короля ихъ и защищаться до послѣдней капли крови. Вѣрные Саксонцы, коихъ отличительною чертою есть безпримѣрная любовь къ своимъ государямъ, явили на опытѣ, сколь готовы они исполнить ожиданіе Августа. Но голодъ усиливался въ ихъ лагерѣ, почему и вынуждены были уменьшить третьею долею продовольствіе людямъ и конницы. Не взирая на эти недостатки, они неунывали духомъ, какъ получили извѣстіе о приближеніи къ нимъ изъ Богеміи Австрійской арміи, уже составившейся слишкомъ въ семьдесятъ тысячь человѣкъ.

Бровнъ получилъ отъ своего Двора повелѣніе, во что бы то ни стало непремѣнно освободить Саксонцевъ. Соединеніе двухъ армій, подъ начальствомъ сего опытнаго генерала, дало бы другой оборотъ войнѣ. Фридрихъ, убѣжденный въ томъ, началъ гораздо дѣятельнѣе блокировать лагерь Саксонскій, дабы пресѣчь всякой подвозъ въ Пирну, и между тѣмъ, чтобы наблюдать операціи Австрійцевъ, онъ послалъ въ Богемію фельдмаршала Кейта съ значительнымъ корпусомъ. Уже фельдмаршалъ графъ Шверинъ проникнулъ съ тридцатью пятью тысячами человѣкъ изъ Силезіи въ Богемію, и расположился близъ Кенигсгреца. По плану Фридриха, сіи обѣ Прусскія арміи должны были столько занимать непріятелей въ ихъ собственой землѣ, чтобы имъ нѣкогда было помышлять о Саксонцахъ. Самъ онъ убѣждалъ ихъ каждый день къ сдачѣ, прежде которой ему казалось опаснымъ податься въ Богемію, не имѣя тамъ магазейновъ; сверхъ того, сіе движеніе оставило бы Саксонцевъ господствовать на Эльбѣ, и они были бы въ тылу у него. При всемъ томъ, у короля не было ни достаточнаго числа повозокъ, ни судовъ, для перевозки провіанта; а ужасныя дефилеи, со всѣхъ сторонъ затрудняющія входъ въ Богемію, принудили его опять обратиться къ другимъ распоряженіямъ.

Чтобы выручить Саксонцевъ, Бровну сначала

слѣдовало переправиться чрезъ Егеръ, но у него еще не было понтоновъ. Они и нужная артиллерія прибыли къ нему только 30-го Сентября, съ котораго числа фельдмаршалъ началъ свои движенія. Тогда Фридрихъ составилъ планъ, дать ему сраженіе, чтобы его принудить къ ретирадѣ; для чего, 30-го Сентября, въ тотъ день, когда Бровнъ переправился чрезъ Егеръ, король выступилъ въ походъ; на слѣдующее утро обѣ арміи встрѣтились близь Богемскаго селенія *Ловозицъ*. Австрійское войско состояло изъ пятидесяти двухъ баталіоновъ и семидесяти двухъ эскадроновъ, и имѣло девяносто восемь орудій. Пруссаки были въ числѣ двадцати шести баталіоновъ и пятидесяти шести эскадроновъ, и имѣли сто двѣ пушки. Въ это время, туманъ былъ столь густъ, что, въ самомъ ближайшемъ разстояніи, невозможно было различать предметовъ. Какъ Бровнъ не занялъ Лобошскія и Радостицкія высоты, то Фридрихъ выводилъ изъ сего, что Австрійцы переправились за Эльбу, и что предъ нимъ былъ только одинъ ихъ аррієргардъ. Нѣсколько тысячъ Кроатовъ и Венгерскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ виноградникахъ у подошвы горы Лобошъ, и открывшихъ ничтожный огонь противу Пруссаковъ, которые подавались впередъ, утвердили еще болѣе короля въ его мнѣніи, ибо Австрійцы обыкновенно прикрываютъ свои мар-

ши этими легкими войсками. Императорская конница, подверженная огню Прусской артиллеріи и твердо державшаяся, какъ бы желая своею стойкостію выполнить другое какое намѣреніе, довершила заблужденіе короля. Въ густотѣ тумана дрались, не видя одинъ другаго. Король однако же велѣлъ занять упомянутыя высоты.

Центръ и лѣвый флангъ позиціи Бровна былъ прикрытъ отъ всякой атаки болотами и другими неодолимыми препятствіями. Австрійскій главнокомандующій, видя важность деревни Ловозицъ, прикрывающей его правое крыло, поставилъ въ ней отборную пѣхоту и много пушекъ. Впереди селенія, онъ выдвинулъ сильную батарею и устроилъ редуты.

Въ полдень туманъ разсѣялся и обѣ арміи могли видѣть взаимно другъ друга. Тогда Прусская кавалерія произвела правильную атаку и опрокинула Австрійскую конницу; но въ горячности преслѣдуя ихъ подъ пушки Ловозица, она была удержана сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, тамъ поставленныхъ, и претерпѣла большой уронъ. Послѣ того, Пруссаки бросились, чтобы выгнать изъ виноградниковъ Кроатовъ, коимъ тамошніе плетни и заборы служили вмѣсто ретраншаментовъ. Сіе удалось, но съ великимъ трудомъ.

Тогда Бровнъ атаковалъ высоты своею отборною пѣхотою. Пруссаки, занимавшіе ихъ, за-

щищались какъ львы и какъ нѣкоторые ихъ полки разстрѣляли всѣ свои патроны, они бросились въ штыки, били атакующихъ прикладами. Страшный бой здѣсь прекратился не прежде, какъ Пруссаки прогнали непріятеля на низъ горы и въ самый Ловозицъ. Они воспользовались безпорядкомъ Австрійцевъ, зажгли селеніе и вытѣснили оттуда непріятеля. Это рѣшило напослѣдокъ участь сего дня. Бровнъ произвелъ отступленіе, достойное великаго полководца. Онъ уступилъ королю поле сраженія, не уступая ему однакожъ своего притязанія на побѣду. Впрочемъ, она была несомнѣнна, хотя армія Прусская понесла большой уронъ, и хотя обѣ сражавшіяся стороны имѣли плѣнныхъ.

Такова картина перваго сраженія, въ сію достопамятную войну даннаго, и продолжавшагося отъ 7-ми часовъ утра до 3-хъ по полудни. Оно было какъ бы образчикомъ храбрости Прусской для битвъ послѣдующихъ. Уронъ побѣдителей убитыми, ранеными и плѣнными, состоялъ изъ трехъ тысячъ трехъ сотъ человѣкъ. Австрійцы потеряли нѣсколькими стами человѣкъ менѣе.

Бровнъ, принужденный отступить за Егеръ, долженъ былъ принять совершенно другіе планы къ освобожденію Саксонцевъ. Онъ положилъ ночью 11 Октября союзникамъ перейти близъ Кенигсштейна за Егеръ и въ одно время, съ обѣихъ сторонъ, атаковать Пруссаковъ. Но время,

чрезвычайно дождливое и бурное, затрудняло переправу, которую отложили на два дни. Фридрихъ употребилъ въ пользу это случайное обстоятельство: свои посты на Эльбѣ онъ укрѣпилъ ретраншаментами и засѣками. Правый берегъ сей рѣки, близъ Пирны и Кенигсштейна, гористъ и покрытъ густымъ лѣсомъ. Рытвины, отдѣляющія сіи горы, неудобопроходимы для арміи, особливо когда сильный непріятель находится не подалеку и владѣетъ тѣми высотами. Саксонцы, переправившись чрезъ Эльбу, по крайней мѣрѣ надѣялись знать о приближеніи Австрійцевъ; но они не открывали никакого слѣда своихъ союзниковъ, которые были удержаны однимъ Прусскимъ корпусомъ. Напротивъ того, Саксонцы увидѣли Пруссаковъ, владѣющихъ дефилеями, чрезъ которыя имъ должно было проходить къ Богеміи. Не взирая на это, они хотѣли было выстроиться при подошвѣ горы Лиліенштейна, но тѣсное мѣсто въ томъ воспрепятствовало имъ. Напослѣдокъ они заняли позицію, въ безпорядкѣ и въ большомъ уныніи духа, ожидая своего несчастнаго жребія. Ихъ настоящее положеніе, столь дурное, объясняло, что ни Австрійцы, ни сами Саксонцы не знали мѣстности края, и что они составляли свои планы просто на удачу.

Пруссаки заняли лагерь у Пирны, оставленный Саксонцами, и напали на ихъ аррієргардъ.

Они учинили его плѣннымъ и захватили большую часть обозовъ и артиллеріи. Это былъ важный транспортъ, который не могъ присоединиться къ своему войску, по той причинѣ, что мостъ былъ разрушенъ.

Никогда армія хорошо устроенная, никогда защитники народа мужественнаго, не находились въ столь несчастнѣйшемъ положеніи. Это было возобновленіе Кавдійскаго зрѣлища и если въ настоящемъ случаѣ не видали ярма Самнитянъ (*), тѣмъ обязаны были симъ правиламъ

(*) Въ горахъ Кавдійскихъ, Римляне, воюя съ Самнитянами, были уловлены хитростію непріятеля и должны были принять условія, самыя для себя унизительнѣйшія. Побѣдители потребовали, дабы легіоны Римскіе здѣсь прошли *подъ яремъ.* Они повиновались. Сіе событіе произошло въ консульство Тита Витурія Корвина и Стурія Постумія, отъ основанія Рима въ 433 годѣ, и за 319 лѣтъ до Р. Х. Два копья, водруженныя въ землю, и третіе сверхъ ихъ положенное по перегъ, называлось *яремъ,* и проходить подъ оный было величайшимъ безславіемъ. Титъ Ливій оставилъ въ своемъ твореніи, къ сожалѣнію еще на отечественный языкъ не переведенномъ, неподражаемое описаніе Кавдійскаго дня. Сіе смѣлое и самое умѣстное уподобленіе настоящаго несчастнаго положенія Саксонцевъ положенію Римлянъ въ ущеліяхъ Кавдійскихъ, объясняетъ глубокія познанія Архенгольца въ наукѣ исторической. Наполеонъ любилъ у мѣста употреблять выраженіе: Кавдійскій яремъ, Fourches Caudines.

Переводч.

и симъ чувствованіямъ, которыя, въ теченіе двадцати двухъ вѣковъ, только измѣнились между народами! Голодъ свирѣпствовалъ въ Саксонской арміи; къ сему бѣдствію присоединилось холодное время и потеря ихъ багажа. Саксонцы цѣлые три дни и три ночи стояли подъ ружьемъ, безъ всякой пищи; у нихъ не оставалось болѣе ни патроновъ, ни пороху. Они были подъ открытымъ небомъ, всюду окружены непріятелемъ, безъ средствъ, безъ всякой надежды спасти себя. Такимъ образомъ жребій ихъ зависѣлъ отъ воли побѣдителя, которому они, съ согласія Августа, наконецъ предложили капитуляцію. Изъясненныя въ оной условія были жестоки для Саксонскихъ войскъ и короля ихъ. Вся армія должна была положить оружіе; офицеры распускались; унтеръ-офицерамъ и рядовымъ не предоставлялось никакого выбора: ихъ заставили присягнуть на вѣрность службы королю Прусскому.

Король Польскій въ сіе время поставленъ былъ въ такое уничижительное состояніе, каковаго въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій не испыталъ ни одинъ Европейскій государь (*).

(*) Августъ II-й былъ кротокъ по хладнокровному сложенію своему, расточителенъ изъ тщеславія, покоренъ своему духовнику безъ вѣры, и волѣ своей супруги не

Вдругъ онъ лишился цѣлой Саксонской арміи, ему вѣрной: при его особѣ въ Кенигсштейнѣ оставалась только малая часть гвардіи и не большая свита. Всѣ старанія его преклонить побѣдителя къ умѣреннѣйшимъ условіямъ, были напрасны. Фридрихъ самъ давалъ отвѣты на пункты сего примѣчательнѣйшаго договора. Нѣкоторые изъ оныхъ, по предмету главныхъ потребностей арміи, были совершенно лаконическіе и заключались въ одномъ словѣ: *хорошо*; но всѣ прочіе показывали голосъ побѣдителя, который склоняется давать болѣе, сколько имѣли право ожидать отъ него. Августъ убѣждалъ покрайней мѣрѣ при немъ оставить Его гвардію, сформированную изъ самыхъ видныхъ людей. Но отвѣтъ Фридриха былъ оскорбителенъ до чрезвычайности, и явно выказывалъ право сильнаго. Онъ заключался: «что эта гвардія «должна имѣть одинакую участь съ прочими «войсками, потому что не хотятъ трудиться «брать ее въ другой разъ.»

Десять Саксонскихъ пѣхотныхъ полковъ остались въ ихъ прежнемъ составѣ, съ тою только разницею, что имъ дали Прусскіе мундиры,

---

чувствуя къ ней любви, былъ прилѣпленъ къ своему любимцу графу Брюлю, который управлялъ имъ.

Фридрихъ II, въ Исторіи моего времени.

знамена и командировъ. Остальныя войска и вся вообще конница были разбиты по Прусскимъ полкамъ.

Таковой поступокъ Фридриха, принудившаго цѣлую армію, какъ она есть полками, поступить на службу своего побѣдителя, можетъ быть не имѣетъ примѣра въ исторіи. Впрочемъ, въ распоряженіи семъ не была принята во вниманіе врожденная любовь Саксонцевъ къ своему королю и отечеству, что вскорѣ обнаружилось, къ немалому удивленію Фридриха. Конечно, полагали, что явятся дезертиры въ войскѣ силою взятомъ, но вовсе не ожидали видѣть цѣлые полки, ретирующіеся съ твердостію и въ порядкѣ. Большая часть ихъ правильно, со всѣми воинскими почестями, уходила въ Польшу, для присоединенія тамъ къ Французской арміи. Король Прусскій многихъ Саксонскихъ унтеръ-офицеровъ повысилъ въ офицерскіе чины, дабы привязать ихъ къ своей службѣ, но это было напрасно: сіи добрые и вѣрные патріоты сами-то и были начинщиками неповиновенія! Прочіе офицеры, не желавшіе за ними слѣдовать, принуждены были отъ нихъ удаляться.

Крѣпость Кенигштейнъ была объявлена неутральною на все время войны. Король Польскій, на этотъ каменный утесъ удалившійся, въ ожиданіи чѣмъ кончится судьба его, получилъ,

для себя и своей свиты, паспорты къ безопасному слѣдованію въ Варшаву, куда тотчасъ и отправился. Сей государь до крайности былъ убитъ своими несчастіями. Отъ 14-го Октября онъ писалъ своему фельдмаршалу графу Рутовскому (*): «Должно покориться Провидѣнію. «Я король независимый: хочу жить и умереть «имъ. Я ввѣряю вамъ жребіи моей арміи. Вамъ «военный совѣтъ да рѣшитъ: должно-ли ей «здаться, или предпочесть смерть; все равно «отъ голода или отъ меча.»

Во время своего пребыванія въ Кенигштейнѣ, Августъ велъ частую переписку съ Прусскимъ королемъ, который, отъ предложенія о неутралитетѣ, перешелъ къ предложенію взаимнаго союза. Но, видя, что Августъ былъ къ тому непреклоненъ, Фридрихъ распрощался съ нимъ 18-го Октября весьма вѣжливымъ письмомъ. При отъѣздѣ королю Польскому было оказываемо величайшее уваженіе, всѣ полки были отдалены отъ дороги, по которой ему слѣдовало ѣхать, дабы отъ сего несчастнаго госу-

---

(*) Рутовскій, побочный сынъ Августа I, ознаменовалъ себя на сраженіи при Тимокѣ, но былъ слишкомъ эпикуреецъ и лѣнивецъ для главноначальствованія надъ арміею.

Фридрихъ II, въ Исторіи моего времени.

даря удалить предметы, толико для него непрі-
ятные.

Такъ кончилась первая компанія наступившей войны. Армія Австрійская заняла квартиры въ Богеміи, Прусаки расположились по Саксоніи и Силезіи. Фридрихъ провелъ зиму въ Дрезденѣ, щитая теперь свое *депо* провинціею завоеванною во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ часто давалъ аудіенціи Саксонскимъ министрамъ, объявляя имъ приказанія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Онъ вытребовалъ еще отъ земскихъ чиновъ десять тысячъ рекрутъ.

КАМПАНІЯ 1757 ГОДА.

Прагская баталія. Осада Праги. Сраженіе подъ Коллинымъ. Фридрихъ исключенъ изъ членовъ Имперіи. Французы покоряютъ Вестфалію. Гастенбекское дѣло. Конвенція въ Клостеръ-Зеевенѣ. Маршалъ д'Этре покровительствуетъ Геттингенскій Университетъ. Генералъ Гаддикъ занимаетъ Берлинскія предмѣстья. Битвы при Гросъ-Егерсдорфѣ и подъ Розбахомъ. Разрывъ конвенціи Клостеръ-Зеевенской. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгской, главнокомандующимъ отдѣльною Прусскою арміею. Смерть Винтерфельда. Генералъ Надасти беретъ штурмомъ Швейдницъ. Бреславская баталія. Знаменитое сраженіе подъ Лейтеномъ. Послѣдствія онаго.

Вооруженія Державъ, въ настоящей войнѣ участвующихъ, для предъидущей кампаніи, были чрезвычайны. Французы, Шведы, Трансильванцы, Миланцы, Валленцы, Козаки и Калмыки, тронулись въ походъ; а какъ почти у всѣхъ сторонъ, не смотря на ихъ добрую волю, недоставало денегъ, то и старались получать ихъ посредствомъ займа, или убѣждая капиталистовъ въ долгъ производить поставки. Король Прусскій, противъ всѣхъ непріятелей своихъ, имѣлъ преимущество въ томъ, что могъ обойтись безъ сихъ изворотовъ. Его наличныя суммы и богатое депо, доставили возможность Прус-

скимъ войскамъ, снабженнымъ всѣми потребностями, открыть настоящую компанію. Саксонцы всѣхъ сословій, которыхъ религія, языкъ, нравы и чувства, влекли болѣе къ Пруссакамъ, нежели къ Австрійцамъ, желали, ибо имъ уже необходимо слѣдовало было быть въ войнѣ, чтобы король ихъ соединился съ первыми; еще ихъ не обремѣняли никакими тягостями: доставленіе продовольствія арміи, впрочемъ не отяготительное; обѣды, которые они дѣлали солдатамъ всякую недѣлю, у себя въ квартирахъ, и другія малыя непріятности, только въ сіе время и лежали на нихъ обязанности. Впрочемъ они жили съ Пруссаками на самой дружеской ногѣ. Въ Дрезденѣ давали спектакли, балы, маскерады и концерты, въ коихъ монархъ, отовсюду угрожаемый толико сильными непріятелями, акомпанировалъ музыкантамъ на флейтѣ.

Сіе душевное спокойствіе, послѣдствіе его философическихъ чувствованій, и увѣренности въ своихъ силахъ, между тѣмъ, было возмущаемо разнымъ образомъ. Въ эту зиму, въ числѣ другихъ, было произшествіе, котораго особенныя обстоятельства извѣстны не многимъ, и которое, до девятнадцатаго столѣтія, ни одинъ Нѣмецкій историкъ, можетъ быть, не дозволилъ-бы себѣ передать потомству. Фридриха положили отравить. Камеръ-лакей Глазау, пользовавшійся особенною довѣренностію своего государя, кото-

рый, не рѣдко, даже позволялъ ему спать у себя въ кабинетѣ, былъ подкупленъ на погубленіе короля. Весьма немногіе знали о семъ злоумышленіи и потому, навѣрное полагали, что оно исполнится. Но одинъ случай, въ самую минуту произведенія онаго въ дѣйство, открылъ королю умыселъ на его жизнь. Глазау палъ къ ногамъ государя, умоляя о прощеніи, которое однакоже не могло быть ему явлено. Онъ былъ арестованъ, допрошенъ судебнымъ порядкомъ въ присудствіи Короля и на другой день въ оковахъ отправленъ въ Шпандау. Въ тамошней темницѣ онъ бѣдственно окончилъ свою жизнь и королю казалось толико важнымъ сохранить сію тайну, что онъ воспретилъ лекарю подать помощь злодѣю, въ его послѣднія минуты.

Правила умѣренности, королемъ Прусскимъ еще соблюдаемыя въ Саксоніи, происходили отъ надежды его—преклонить Августа къ миру, на который онъ подавалъ ему руку. Но уязвленіе было слишкомъ жестоко, а тѣсный союзъ Августа съ Россіею и Австріею и ожиданіе щастливыхъ перемѣнъ, были столь сильны, что онъ не могъ склониться на предложенія Пруссіи. Съ другой стороны, жалобы отъ посланниковъ его на Ратисбонскомъ сеймѣ и при всѣхъ Европейскихъ Дворахъ, подкрѣпляемыя сильными союзниками, не имѣли предѣловъ. Взаимная вражда, устраняла всякое разсужденіе, и столь осла-

била сужденія писателей и ученыхъ, что, во многихъ политическихъ сочиненіяхъ, нападеніе на Саксонію представлено было какъ неслыханное насиліе. Такимъ образомъ, виды непріятелей Фридриха возымѣли свой успѣхъ. Всѣ союзные Дворы съ жаромъ увеличили свои вооруженія, и сеймъ Германической республики снова принялся за свои перуны, забытые уже нѣсколько поколѣній, чтобы ими поразить короля Прусскаго. Онъ торжественно былъ осужденъ на изгнаніе изъ Имперіи и объявленъ лишеннымъ всѣхъ своихъ провинцій и сана. Для подкрѣпленія опредѣленія Амфиктіоновъ Нѣмецкой земли, не смотря на прекословіе друзей Пруссіи, которое являлось на всѣхъ засѣданіяхъ, собрали войско изъ всѣхъ округовъ Имперіи, которому, подъ именемъ исполнительной Имперской арміи, слѣдовало подкрѣплять опредѣленія судилища. Такимъ образомъ новая армія присоединилась къ многочисленнымъ когортамъ, которыя должны были поразить Фридриха; уже назначено было впередъ и время, когда война сія кончится.

Фридрихъ, которому не оставалось теперь инаго средства, какъ всюду отражать бурю своими арміями, приступилъ къ преобразованію финансовыхъ операцій въ Саксоніи. Для чего жалованье у курфиршескихъ офицеровъ было или уменьшено, или совсѣмъ имъ не выдаваемо. Рас-

ходы, на содержаніе судебныхъ мѣстъ и канцелярій, доселѣ простирались до 190,000 рейхсталеровъ; сумма сія уменьшена до 30,000; тѣмъ еще неограничились. Сіе преобразованіе финансовъ коснулось до всѣхъ частей. Духовникъ королевы и директоръ театра, бывшіе до сихъ поръ важнѣйшими лицами при Дрезденскомъ Дворѣ, получали жалованья, первый 12,000, другой 15,000 ефимковъ, нынѣ каждый изъ нихъ принужденъ былъ удовольствоваться только 2,000 ефимковъ. Чрезвычайно большое количество фарфоровъ, которое нашли въ Дрезденѣ и Мейсенѣ, было продано, какъ призъ, въ пользу Пруссаковъ. Одинъ Саксонскій купецъ пріобрелъ онаго на 200,000 гульденовъ, и тѣмъ положилъ основаніе своимъ безчисленнымъ богатствамъ, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ содѣлался крезомъ. Въ послѣдствіи, онъ достигъ въ Даніи до степени государственнаго министра, и умеръ однимъ изъ богатѣйшихъ частныхъ людей въ Сѣверныхъ державахъ.

Но Фридрихъ ни до чего не касался въ королевскомъ дворцѣ: онъ часто посѣщалъ тамошнюю знаменитую картинную галлерею, не присвоивая себѣ ничего изъ оной. Умѣренность сія, однакоже ни сколько не соблюдалась въ отношеніи графа Бриля, котораго король считалъ виновникомъ союза Саксоніи съ его непріятелями. Великолѣпный дворецъ сего министра,

и садъ, служившій наилучшимъ украшеніемъ города, открытый для удовольствія публики, были опустошены и понынѣ развалины одного превосходнаго павильона, служатъ памятникомъ таковаго мщенія, котораго вовсе не льзя было ожидать отъ коронованнаго философа. Тогда, для наполненія Прусскихъ полковъ, онъ потребовалъ снова рекрутъ изъ Саксоніи. Наслѣдникъ Саксонскаго курфиршества вошелъ, противу сего распоряженія, съ убѣдительными представленіями, но Фридрихъ, отвѣчая ему, просилъ его не вмѣшиваться въ дѣла подобнаго рода.

Всѣ области Германіи, съ безпримѣрною дѣятельностію, готовились выступить на поле брани. Въ войнахъ новѣйшихъ, даже при Карлѣ V и Густавѣ Адольфѣ, когда Германцы убивали другъ друга изъ ревности къ религіи, вооруженія не были столь страшными, какъ въ сію эпоху, когда всѣ народы Нѣмецкой земли, великіе и малые, вступали въ ряды, сражаться подъ орлами двуглавымъ или одноглавымъ. Имперская армія, о которой нами упомянуто, представительница Германской конфедераціи, впрочемъ толико властная, собралась въ видѣ смѣху достойномъ. Сіи войска чуть-ли не походили на древнихъ крестоносцевъ. Изключая участковъ Баваріи, Палатината, Виртемберга и еще нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ владѣній, все прочее войско сіе, было скопище не устроенныхъ

ордъ, раздѣленныхъ на корпуса, которое, въ цѣломъ составляло презабавную пестроту. Въ Швабіи и Франконіи многіе округи выставили только по одному солдату. Нѣкоторые обязаны были дать офицера безъ солдатъ и офицеръ сей, не рѣдко, былъ крестьянинъ, взятый отъ сохи; иные ставили барабанщика, которому давали ящикъ, отысканный въ какомъ нибудь старинномъ арсеналѣ. Свинари повышались въ флейщики, а старыя упряжныя лошади были отдаваемы подъ драгунъ. Прелаты Имперіи, тщеславясь видѣть себя союзниками толь великихъ Монарховъ, посылали въ армію монастырскихъ служекъ, снявши съ нихъ парусинники; не было единообразія ни въ оружіи, ни въ одеждѣ, ни въ обозахъ, словомъ, ни въ чемъ, въ войскѣ, собранномъ изъ людей со всѣхъ сторонъ, которыхъ называли солдатами и отъ коихъ ожидали величайшихъ подвиговъ.

Между тѣмъ, со стороны Пруссаковъ были приняты мѣры самыя дѣятельныя, чтобы благовременно открыть компанію и предупредить союзниковъ. Страшнѣйшіе изъ нихъ были Австрійцы. На нихъ то рѣшился Фридрихъ ударить всѣми своими соединенными силами, прежде нежели войска другихъ Державъ могутъ настигнуть его. Императорскій Дворъ принялъ противную систему: онъ желалъ оставаться въ оборонительномъ положеніи дотолѣ, пока, соединившись

со всѣми союзниками, самъ получитъ возможность атаковать, со всѣхъ сторонъ, короля Прусскаго и совершенно истребить его. Въ слѣдствіе чего Бровнъ, для прикрытія Богеміи, раздѣлилъ свою армію на четыре большіе корпуса. Не смотря на это, Фридрихъ проникъ въ сіе королевство четырмя колонами. Одна изъ нихъ, въ числѣ шестнадцати тысячъ, подъ начальствомъ принца Беверискаго, вскорѣ встрѣтила двадцати-тысячный непріятельскій корпусъ графа Кенигзеска, окопавшійся близъ Рейхенберха. Австрійцы немедлѣнно были атакованы и прогнаны, лишившись 1,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными. Послѣ сего дѣла, принцъ продолжалъ идти впередъ и соединился потомъ съ арміею фельдмаршала Шверина, проникшаго въ Богемію чрезъ Траутенесу.

Въ слѣдъ за симъ, Фридрихъ перешелъ чрезъ Молдаву въ виду непріятеля, сосредоточившаго всѣ свои силы, но который упустилъ самый дорогой случай, съ видимою для себя пользою, атаковать его малыя и раздѣленныя войска. Между главными Императорскими генералами тогда царствовало несогласіе, которое явнымъ образомъ обнаруживалось въ разныхъ случаяхъ Тогда Бровнъ былъ подчиненъ принцу Карлу Лотарингскому, наименованному главнокомандующимъ арміею.

Утромъ 6-го Мая, болѣе ста тысячъ Прусса-

ковъ сближались къ Прагѣ. Они сосредоточились окрестъ сей столицы, кромѣ корпусовъ Кейта и Морица, оставленныхъ на томъ берегу Молдавы, и чрезъ нѣсколько часовъ началось сраженіе самое достопамятнѣйшее, какое видимъ въ лѣтописяхъ войнъ. Армія Прусская, находившаяся въ дѣйствіи, состояла изъ шестидесяти восьми тысячъ. Австрійцы, въ числѣ семидесяти шести тысячъ, занимали позицію на горахъ, укрѣпленныхъ ретраншаментами; болотистые луга, высохшіе пруды, у коихъ топкое дно было покрыто тиною и заросло травою, узкія плотины и тропинки, по коимъ солдатамъ пробираться было можно только по одиначкѣ, вели на тѣ возвышенія. Австрійская пѣхота спокойно стояла въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, а конница была на фуражировкѣ, когда Фридрихъ пошелъ въ дѣло. Принцъ Карлъ тотчасъ воротилъ фуражировъ, часть коихъ и сражалась въ кителяхъ. Не смотря на невыгоду мѣстоположенія, Прусская пѣхота устремилась въ атаку съ твердостію самою удивительною и достойною величайшей похвалы. Солдаты, по узкимъ плотинамъ, шли плутонгами и крайніе ряды почти на каждомъ шагу вязли въ тинѣ. Нѣкоторые полки погрязли въ болотахъ по колѣни и съ большимъ трудомъ могли оттуда выдти. Одинъ помогалъ другому и каждый взаимно ободрялъ своего товарища. Въ сихъ обстоятельствахъ мно-

іе баталіоны принуждены были оставить пушки, сколь онѣ тутъ ни были необходимы. Въ часъ по полудни Пруссаки преодолѣли всѣ затрудненія и начали выстроиваться въ ордеръ баталіи. Ни сколько не отдыхая, послѣ жестокой усталости, они неустрашимо бросились на непріятеля, встрѣтившаго ихъ страшнымъ огнемъ изъ пушекъ. Король приказалъ, не стрѣляя на ружейномъ выстрѣлѣ, броситься въ штыки, но огонь Австрійской артиллеріи, выхватывавшій кучами людей, былъ столь смертоносенъ, что положилъ предѣлъ человѣческой храбрости. Пруссаки обратились въ бѣгство.

Между тѣмъ, конница вступила съ обѣихъ сторонъ въ ручной бой. Командовавшій Прусскою Кавалеріею принцъ Шенейхъ, атаковалъ частію своею, всю Австрійскую, но открывъ у себя оба фланга, былъ прогнанъ за вторую линію. Кавалерія Прусская вновь выстроилась и, получивъ подкрѣпленіе, опять ударила на непріятеля. Эта атака была рѣшительная. Австрійская конница, разстроившись, была отброшена на свою пѣхоту, которую, привела въ безпорядокъ. Прусскіе гусары, воспользовавшись сею минутою, напали на нее и увеличили ея смятеніе.

Въ это время фельдмаршалъ Шверинъ приводилъ въ порядокъ разстроенную пѣхоту; верьхомъ впереди своего полка, съ знаменемъ въ рукѣ, которое должно было указывать путь къ

побѣдѣ, онъ пошелъ въ дѣло. Пруссаки слѣдовали за нимъ, но благородный вождь ихъ палъ, сраженный тремя пулями. Тѣло его покрыли королевскимъ знаменемъ. Многіе Прусскіе генералы, подражая сему примѣру, впереди вели въ дѣло свои бригады. Принцъ Гейнрихъ Прусскій соскочилъ съ лошади и бросился на приступъ къ одной непріятельской батареи. Тогда всѣ силы Пруссаковъ устремились на Австрійцевъ, уже весьма растроенныхъ, и у коихъ оба крыла нѣсколько другъ отъ друга были отдѣлены. Фридрихъ тотчасъ воспользовался симъ: онъ бросился въ интервалы и раздѣлилъ непріятеля. Австрійцы такимъ образомъ составили изъ себя двѣ арміи: одна изъ нихъ побѣжала полями, другая бросилась въ Прагу. Сіе убѣжище было избрано въ торопяхъ, ибо тогда не подумали о послѣдствіяхъ; но какъ, чрезъ нѣсколько часовъ, увидѣли всю опасность положенія онаго, то въ тотъ-же день покушались было выдти изъ Праги, однако Пруссаки уже заняли всѣ выходы изъ города и принудили Австрійцевъ возвратиться въ свои окопы.

Таковы были событія сего достопамятнаго дня, который, пролитою кровію, мужествомъ обоими войсками оказаннымъ и уныніемъ побѣжденныхъ послѣ ихъ разбитія, не мало сходствовалъ со днемъ битвы при Каннахъ. Сія рѣшила участь всей Италіи, кромѣ одного Рима;

сраженіе подъ Прагою могло-бы кончить эту войну, если-бы одно самое ничтожное обстоятельство, именно, — недостатокъ двухъ понтоновъ не имѣлъ вліянія на жребій толико многихъ народовъ. Армія принца Морица-Дессау находилась выше Праги, на противномъ берегу Молдавы, гдѣ хотѣли учредить мостъ, дабы принять непріятеля съ тыла. Въ рѣкѣ вода возвысилась. Сего случая не предусмотрѣли и не доставало нѣсколькихъ судовъ, чтобы докончить мостъ. Такимъ образомъ тѣ храбрые Пруссаки оставались въ отдаленіи простыми зрителями сраженія. Только два понтона содѣйствовали-бы совершенному пораженію Австрійцевъ; этотъ день, пребылъ незабвеннымъ въ исторіи — не произошлобы ни Коллинскаго, ни Гохкирхенскаго сраженій, словомъ повѣствованія войны сей былибы со всѣмъ иныя, какія станутъ читать въ лѣтописяхъ восемнадцатаго столѣтія. Принцъ Морицъ, въ толь обидномъ для Героя положеніи, не могъ предпринять инаго, какъ только производить канонаду по Австрійцамъ, ретирующимся къ арміи Дауна.

Уронъ со стороны Пруссаковъ, въ сей день, состоялъ: ранеными и убитыми одинадцати тысячахъ человѣкъ и тысячѣ пяти стахъ плѣнными (*). Австрійцы потеряли двенадцать тысячъ

(*) Пруссаки потеряли въ Прагской баталіи, пишетъ

убитыми и ранеными; сверхъ того восемь тысячь у нихъ взято въ плѣнъ, шестдесять пушекъ, военная казна и множество обоза. Съ мѣста сраженія, король писалъ своей матери: «я и мои братья здоровы. Компанія потеряна «для Австрійцевъ, а у меня руки свободны со «сто пятидесятью тысячами человѣкъ. Мы те-«перь полные господа королевства, которое «намъ дастъ денегъ и людей. Я отправлю часть «моихъ войскъ поздороваться съ Французами, а «съ прочими стану преслѣдовать Австрійцевъ.»

Сколь ни кровопролитна была битва сія, но, послѣдствія оной, однако же не соотвѣтствовали ожиданію Европы. Это страшное пораженіе учинилось еще достопримѣчательнѣйшимъ тѣмъ, что не влекло за собою никакихъ послѣдствій. Всѣ полагали, что Австрійская армія будетъ преслѣдуема и уничтожена, и что запертыя въ Прагѣ войска, оружіемъ и голодомъ принуждены будутъ здаться. Но фортуна скоро уничтожила надежды Пруссаковъ и оживила мужество ихъ непріятелей.

Фридрихъ, 18,000, не считая фельдмаршала Шверина, который одинъ могъ замѣнить собою десять тысячъ воиновъ. Смерть Шверина, заключаетъ король, помрачила лавры сей побѣды, полученной пролитіемъ весьма драгоцѣнной крови.

Переводч.

Въ Прагскомъ сраженіи, каждая изъ обѣихъ армій лишилась по одному превосходному генералу. Фридрихъ соболѣзновалъ о смерти Шверина, своего учителя въ военномъ искуствѣ, которому, по заключеніи мира, онъ воздвигнулъ статую въ Берлинѣ. Фельдмаршалъ Бровнъ умеръ отъ полученныхъ на сраженіи ранъ: умирая, онъ, съ прискорбіемъ, еще могъ видѣть стѣсненное положеніе Праги.

Сей обширный городъ тогда вмѣщалъ въ себѣ цѣлую армію. Сверхъ гарнизона въ Прагѣ находилось пятьдесятъ тысячъ войска съ главнѣйшими Австрійскими генералами; Саксонскіе принцы, герцогъ Моденскій и самъ принцъ Лотарингскій Карлъ. Со времени осады Алезіи, ни въ одномъ Европейскомъ городѣ, не видывали толико многочисленныхъ ополченій (*). Всѣ Европейскіе народы, союзные и неутральные, здѣсь ожидали явленія самыхъ кровавыхъ зрѣлищъ.

Фридрихъ не отлагательно обложилъ обширную Прагу, имѣющую въ окружности почти двѣ Нѣмецкія мили и всѣ выходы заградилъ батареями. Въ Вѣнѣ сначала думали, что

(*) Цезарь производилъ осаду Алезіи. Она описана симъ великимъ человѣкомъ въ VII книгѣ его комментаріи.

Переводч.

столь сильная армія Императрицы, легко расторгнетъ ту ограду. Но покушенія самыя смѣлыя, возобновляемыя часто съ искусными соображеніями и съ тою храбростію, какую внушаетъ отчаяніе, были безуспѣшны. Батареи останавливали Австрійцевъ, принуждали ихъ возвращаться въ городъ, и ѣсть тамъ лошадиное мясо, коимъ, по необходимости, кормилась вся запертая Прагская армія; еще сначала осады убивали для нее лошадей артиллерійскихъ и въ конныхъ полкахъ и мясо сіе продавалось прежде по 2, а потомъ по 4 крейцера за фунтъ. Тамъ во все не пріуготовились на такой чрезвычайный случай: городскіе магазейны были ничтожны, войска нуждались во всемъ и восемьдесятъ тысячъ жителей страшились погибнуть голодною смертію.

Прага была осаждена по правиламъ и стѣснялась все болѣе и болѣе. Городъ бомбардировали калеными ядрами, метали въ него бомбы, которыя сожгли множество строеній и причиняли безпрерывные пожары. По ночамъ стонъ и вопль жителей былъ слышенъ въ лагерѣ Пруссаковъ.

Двенадцать тысячъ жителей были выгнаны изъ города на тотъ конецъ, дабы уменьшить въ немъ голодъ, но ядры осаждающихъ опять вогнали ихъ въ прежнее мѣсто. По трехнедѣльной осадѣ весь новый городъ и Жидовской

кварталъ, были превращены въ пепелъ: нѣкоторые магазейны съ жизненными припасами были равномѣрно сожжены. Множество жителей старцевъ, женъ, дѣтей были убиты бомбами или задавлены въ развалинахъ домовъ ихъ.

Чрезмѣрно было безпокойство въ сей злополучной Прагѣ: всѣ тамошнія улицы были загромождены лошадьми и повозками, церкви наполнены ранеными и больными и смерть здѣсь похищала людей и животныхъ, какъ въ дни самой лютой моровой язвы. Духовенство, градоначальники, граждане, умоляли принца Карла о состраданіи, къ которому его сердце было не нечувствительно; но онъ не могъ явить имъ испрашиваемаго благотворенія. Онъ предложилъ капитуляцію, требуя свободнаго выхода своимъ войскамъ; но Фридрихъ не хотѣлъ и слышать о ней, предлагая, съ своей стороны, условія, которыя не могли быть приняты. Изчезла надежда Австрійцевъ очистить себѣ оружіемъ выходъ изъ города, а съ ней ослабѣла и надежда ихъ на армію фельдмаршала Дауна, стоявшую въ Коллинѣ. Осажденнымъ оставалось только предаться на произволъ ихъ жребія.

Таково было критическое положеніе Маріи Терезіи. Она видѣла, что всѣ проходы изъ Богеміи въ Лузацію, въ Войгтландъ, въ Саксонію и Силезію, находились во власти Пруссаковъ; что лучшія ея арміи, съ главными

генералами, были заперты въ Прагѣ и что прочія войска побитыя, упавшія духомъ, разсѣянныя отрядами, нуждались во всемъ во владѣніяхъ своей государыни и голодъ и непріятельское оружіе довели Прагу до послѣдней крайности и что армія, которая должна защищать ее, была въ необходимости отдаться военноплѣнною и цѣлое королевство, съ сосѣдственными провинціями, почти зависѣло отъ воли побѣдителя. Всякая помощь изъ Саксоніи была пресѣчена, всѣ наслѣдственныя земли Императрицы были открыты для непріятеля: сама Вѣна не была въ безопасности отъ осады; щитали неодолимыми Пруссаковъ, которые, съ 1741 года, выиграли уже восемь сраженій, думая, что для короля ихъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ достиженіи его цѣли. Въ сей столицѣ толикихъ Императоровъ царствовалъ неизъяснимый ужасъ, уже полагали навѣрное видѣть побѣдителя у воротъ Вѣны и были въ готовности предложить ему большія пожертвованія.

Фридрихъ, въ столь щастливомъ положеніи находившійся, самъ разрушилъ оное, дѣломъ до излишества торопливымъ, въ чемъ, только угрожаемая опасность, можетъ извинить его. Осада Праги, продолжалась долѣе нежели онъ предполагалъ: ему было извѣстно, что Русскіе, Шведы, Французы и Имперскія войска, шли

со всѣхъ сторонъ къ его государству. Всякій день для него былъ дорогъ; не проигравъ въ полѣ ни одного сраженія, съ трудомъ онъ хотѣлъ вѣрить возможности быть побитымъ. Съ этими мыслями, оставивъ большую часть арміи продолжать осаду Праги, съ тридцатью двумя тысячами, онъ выступилъ атаковать фельдмаршала Дауна, и дабы тѣмъ лишить осажденныхъ ихъ послѣдней надежды.

Даунъ, съ сильнымъ войскомъ, шелъ изъ Моравіи на соединеніе съ большою арміею Императрицы. Въ день Прагскаго сраженія, онъ былъ только въ четырехъ миляхъ отъ этого города. Близкое разстояніе сіе доставило ему возможность собрать, разсыпавшихся Австрійцевъ. Генералъ присоединилъ ихъ къ себѣ и такимъ образомъ, имѣя въ строю шестдесятъ тысячъ человѣкъ, расположился на горахъ Коллинскихъ, съ великимъ тщаніемъ укрѣпленныхъ имъ. Осторожность, характеризующая сего генерала и его таланты, ограничивающіеся оборонительною системою, заставляли съ большимъ основаніемъ думать, что онъ не предприметъ ничего важнаго, покрайней мѣрѣ ничего смѣлаго для освобожденія осажденныхъ. Причемъ солдаты его потеряли духъ мужества и одного имени Пруссаковъ было довольно, чтобы устрашить ихъ. Герцогъ Беверискій, который, съ двадцатью тысячами человѣкъ, былъ посланъ

впередъ, воспользовался сими выгодами и завладѣлъ нѣкоторыми большими магазейнами, такъ сказать въ глазахъ Дауна. Король, съ многочисленнымъ отборнымъ корпусомъ, напослѣдокъ присоединился къ арміи принца Бeвернскаго и 18 Іюня пошелъ на непріятеля.

Между тѣмъ, Даунъ перемѣнилъ свою позицію. Онъ поставилъ одну свою линію на скатѣ высотъ горъ, прочія на вершинахъ ихъ. Фронтъ арміи его былъ закрытъ деревнями, рытвинами и пригорками обрывистыми, на которые по большей части не было возможности достигнуть. Многочисленная артиллерія, производящая страшный огонь, казалось, должна была заставить отложить всякое нападеніе. Но послѣ того, какъ король обозрѣлъ сію позицію, атака учинена была съ неустрашимостію, которая удивила непріятелей и въ каковой не превзошелъ никто изъ народовъ.

Сей великій день, по всѣмъ отношеніямъ, долженъ именоваться *Прусскимъ*. Можетъ быть отъ Арбельской битвы, когда тактика Грековъ, на поляхъ Персіи, рѣшила участь толикихъ царствъ, никогда героизмъ не былъ толь тѣсно связанъ съ учеными маневрами. Пруссаки атаковали семь разъ непріятеля, въ чрезвычайно выгодной позиціи расположеннаго, и когда страшный градъ картечь нисировергалъ цѣлые баталіоны, вынуждая ихъ удаляться, Пруссаки

неудалялись, но производили отступательныя движенія, чтобы устроиться и возобновить нападеніе. Одушевленные величайшею неустрашимостію, они шли по грудамъ тѣлъ, все равно какъ по холмамъ.

Не храбрость, не тактика, но случайныя происшествія, рѣшили участь сего достопамятнаго дня. Пруссаки получили важныя выгоды: непріятельскій правый флангъ былъ побитъ; его кавалерія, тамъ же помѣщенная, опрокинута, и уже Даунъ помышлялъ объ отступленіи. Его адьютанты лѣтали съ одного крыла на другое съ приказаніями ретироваться, какъ щастіе, властелинъ людей и государствъ, неожиданно склонилось на сторону непріятелей Фридриха. Мудрыя распоряженія короля не были выполнены: одинъ изъ его генераловъ, воспламененный воинскимъ жаромъ, разорвалъ линію и съ своими полками, нетерпѣливо желавшими сразиться, остановился въ то самое время, когда ему слѣдовало продолжать спокойно движеніе, сообразуясь съ прочимъ войскомъ; отъ этого явился интервалъ въ Прусской арміи, которая получила фальшивую дирекцію; въ эти минуты нѣкоторые полки Саксонской конницы, подступившіе къ Дауну и горѣвшіе нетерпѣніемъ схватиться съ Пруссаками, двинулись безъ приказа и напали на непріятеля.

Если конница успѣетъ врубиться въ пѣхоту,

то сей послѣдней не остается иного средства какъ броситься въ бѣгство, иначе она не избѣжитъ смерти или плѣна. Сіе было аксіомою у всѣхъ воюющихъ народовъ до Коллинской битвы, въ которой, превосходная дисциплина Пруссаковъ не уступала ихъ мужеству. Они пропустили цѣлые эскадроны Саксонской кавалеріи и среди сей подавляющей массы конныхъ, несущихъ смерть, Прусскіе баталіоны, съ рѣдкимъ присудствіемъ духа, смыкались въ каре и въ правильномъ устройствѣ, подобно какъ наученые, плутонгами стрѣляли по непріятелямъ. Люди и лошади, заключенные между сими живыми стѣнами, изрыгающими смерть, падали другъ на друга, навалились громады труповъ среди этой ограды. Сіи рѣшительные кавалеристы, заключивши сами себя въ эту черту, неминуемо должны были погибнуть; но примчалась на помощь имъ другая кавалерія, она отаковала Пруссаковъ вдругъ съ фронта и въ тылъ столь сильно, что послѣднимъ слѣдовало изнемочь въ бою толико неравномъ. Саксонскіе драгуны дышали однимъ мщеніемъ.

Пораженіе ихъ, обще съ Австрійцами, за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ въ Силезіи, было у нихъ въ свѣжей памяти. Почему при всякомъ сабельномъ ударѣ, наносимомъ ими, кричали они несчастнымъ жертвамъ, *это за Штригау.* Все

что только сія кавалерія могла настигнуть было или изрублено или взято въ плѣнъ. Гвардія Фридриха, состоящая изъ тысячи самыхъ видныхъ людей, большею частію иностранцевъ, но образованныхъ въ военной Потсдамской школѣ и исполненныхъ духомъ мужества, первая подверглась сей участи. Честь заступила у нихъ мѣсто патріотизма, они сражались до послѣдняго дыханія и поле битвы, наводненное кровію, было устлано мертвыми тѣлами; каждый лежалъ на томъ мѣстѣ, которое занималъ въ рядахъ по своему чину. Подобно Пирру, въ первый разъ побѣдившему Римскіе Легіоны и съ удивленіемъ взиравшему на убитыхъ Римлянъ, генералы Маріи Терезіи, смотрѣли на гвардію короля Прусскаго. Весьма не многіе изъ оной пережили день сей.

Пруссаки уступили Австрійцамъ поле битвы. Вечеромъ та часть арміи, которая побѣдила непріятеля, готовилась стать лагеремъ и торжествовать побѣду, а нѣкоторые конные полки разсѣдлывали лошадей, какъ получили странную новость, что сраженіе съ ихъ стороны потеряно, и что слѣдовало ретироваться. Фридрихъ съ тягостями и артиллеріею совершилъ отступленіе съ толикою осторожностію и въ такомъ порядкѣ, которое увѣнчало великіе подвиги онаго дня. Непріятели, для коихъ ретирада Пруссаковъ съ поля сраженія пред-

ставляла зрѣлище совершенно новое, оставались мирными зрителями сего неожиданнаго случая, почему собственно король и могъ ретироваться въ порядкѣ и не быть обезпокоеннымъ. Уронъ его въ сей день простирался до одинадцати тысячь человѣкъ. Австрійцы потеряли девять тысячь убитыми и ранеными: они взяли только сорокъ три пушки.

Вскорѣ послѣ сего сраженія Фридрихъ писалъ лорду маршалу (*) достопримѣчательное письмо, выражающее чувствованія, какими онъ тогда былъ преисполненъ: «Фортуна, говорить онъ, часто внушаетъ намъ, любезный «лордъ, пагубную къ себѣ довѣрчивость. Двадцати трехъ баталіоновъ было недостаточно,

(*) «Васъ весьма желаетъ видѣть одинъ маршалъ. Онъ Англичанинъ, котораго коротко называютъ милордомъ маршаломъ, потому что прежде онъ былъ великій маршалъ Шотландіи; онъ мятежникъ и философъ, преданный дому Стюартовъ, давно осужденный въ своей землѣ, и послѣ службы въ Гишпаніи удалившійся въ Берлинъ. Братъ его, маршалъ Кейтъ, за нѣсколько годовъ предъ симъ, предводительствуя Русскими, ходилъ бить добрыхъ мусульманъ. Напослѣдокъ здѣсь оба брата и милордъ маршалъ объявленъ чрезвычайнымъ посланникомъ короля Прусскаго во Франціи.»

Волтеръ въ письмѣ своей племянницѣ Г-жѣ Денисъ изъ Потсдама отъ 24-го Августа 1751 года.»

Переводч.

«прогнать шестьдесять тысячь человѣкъ изъ «выгодной позиціи. Въ другой разъ будемъ дѣ«лать наши дѣла лучше. Въ этотъ день фор«туна оборотилась ко мнѣ спиною. Я долженъ «былъ сего ожидать отъ нее: она женщина, а я «человѣкъ не влюбчивый. Она расположена къ «тѣмъ дамамъ, которыя воюютъ со мною. Что «вы скажете объ этомъ союзѣ противу Брандер«бурскаго маркиза? Сколь удивился бы вели«кій Фридрихъ Вильгельмъ, ежели бы увидѣлъ «своего правнука въ войнѣ съ Русскими, Ав«стрійцами, со всею Германіею и противъ ста «тысячь Французовъ? Стыдно ли будетъ мнѣ, «если я потерялю, это неизвѣстно, но, я знаю, »что не будетъ большой чести и побѣдить меня.»

Сіи философическія чувствованія, при такомъ измѣненіи фортуны, обезоружили критику и увеличили число почитателей Фридриха. Одинъ день учинилъ ужаснѣйшимъ положеніе его; великія надежды его на будущее, мгновенно разрушились и теперь паденіе его казалось не избѣжнымъ.

Коллинское сраженіе рѣшило участь Праги. Осада тотчасъ была снята, но отступленіе произведено правильно и открыто. По утру оставили траншеи и укрѣпленные посты, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, хотя не безъ урону. Часть раненыхъ и нѣсколько пушекъ были оставлены непріятелямъ,

которые спѣшили выступить изъ города и ударили на Пруссаковъ во время ретирады ихъ. Впрочемъ благоразумныя распоряженія Фридриха, содѣйствовали произвести ее въ лучшемъ порядкѣ. Король составилъ изъ арміи нѣсколько отдѣльныхъ корпусовъ, и такимъ образомъ поставилъ непріятеля въ неизвѣстность на щетъ своего настоящаго положенія. Сіи то распоряженія въ особенности облегчили очищеніе гористой Богеміи.

Фридрихъ помышлялъ теперь прикрыть свои собственныя владѣнія. Коллинская битва служила какъ бы сигналомъ для Французовъ, Русскихъ, Шведовъ и Имперскихъ войскъ къ нападенію, съ возможною скоростію, на провинціи сего государя, исключеннаго, постановленіемъ надворнаго суда, изъ членовъ Имперіи. Французы, подъ Начальствомъ маршала д'Этре, овладѣли Вестфаліею и оттѣснили Ганноверскія войска, командуемыя герцогомъ Кумберландскимъ. Болѣе ста тысячь Русскихъ проникли въ Прусское королевство, защищаемое фельдмаршаломъ Левальдомъ съ тридцатью тысячами. Принцъ Субизъ, съ другою Французскою арміею, присоединился къ Имперскимъ войскамъ, чтобы войти въ Саксонію, а Шведы переплыли Балтику чтобъ напасть на Померанію.

По смерти Бровна, войска Австрійскія находились въ повелѣніяхъ принца Карла и Дауна.

Сіи генералы проникли въ Лаузицъ. Корпусъ принца Бевернскаго, оставленный для защиты сей провинціи, былъ слишкомъ слабъ сопротивляться обоимъ силамъ, почему и принужденъ былъ тотчасъ отступить. Австрійцы преслѣдовали сію часть Прусскаго войска чрезъ Лаузицъ, Силезію до воротъ Бреславля. Между тѣмъ другая Императорская армія осаждала Цитау, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Германіи, славившійся своими мануфактурами. Озлобленіе непріятелей простиралось до того, чтобы овладѣть симъ городомъ не укрѣпленнымъ и защищаемымъ нѣсколькими баталіонами Пруссаковъ, они бросили въ оный множество бомбъ и каленыхъ ядръ такъ что, въ нѣсколько часовъ Цитау былъ превращенъ въ груды пепла; на сіе варварство, они были возбуждаемы принцемъ Ксаверіемъ Саксонскимъ, который находился при ихъ арміи. Прусскій гарнизонъ пробился сквозь непріятеля, его окружавшаго, причемъ только малая часть онаго была взята въ плѣнъ.

Еще весною сего же года сформировалась въ Сѣверной Германіи обсерваціонная армія изъ Ганноверцевъ, Гессенцевъ, Бруншвейцевъ, разныхъ баталіоновъ войскъ Саксенъ-Готскихъ и Бюкебургскихъ, къ ней присоединены были нѣсколько баталіоновъ Пруссаковъ; такимъ образомъ армія сія составила почти пятдесятъ

тысячъ человѣкъ. Впрочемъ она была не въ силахъ противустоять многочисленнымъ войскамъ Франціи, которыя перешли чрезъ Везеръ, взяли Эмбденъ, наложили на Ганноверъ контрибуцію и маршалъ Д'Этре, въ сраженіи близъ Гастенбека, разбилъ герцога Кумберландскаго. Впрочемъ эта побѣда, сама по себѣ не значительная, и не навлекла бы худшихъ послѣдствій, если бы опасность утратить архивы, въ Ганноверѣ находящіеся и другіе дорого стоющіе предметы, для безопасности помѣщенные въ Штадѣ, не побудили герцога болѣе податься къ Сѣверу, дабы закрыть сей послѣдній городъ. Но Французы скоро заперли его; лишенному всякаго собщенія съ Эльбою ему не оставалось иного средства, какъ только сдаться. 8-го Сентября, близъ Клостеръ-Зеевена, была составлена капитуляція подъ ручательствомъ Датскаго короля. Главныя статьи условій заключались въ распущеніи Ганноверскихъ, Гессенскихъ, Брауншвейгскихъ войскъ, что и состоялось. Солдаты возвратились въ домы свои, а начальникъ ихъ отправился въ Англію. Такимъ образомъ Фридрихъ потерялъ цѣлую вспомогательную армію, дослѣ занимавшую Французовъ, которые, владѣя городомъ Везелемъ, оставленнымъ Пруссаками, утвердившись и укрѣпя оный, могли противу его одного обратить всѣ свои силы.

Французы, сверхъ Ганноверской области, владѣли и Гессеномъ. Ихъ военный комисаръ Фулонъ въ Касселѣ дѣйствовалъ совершенно какъ Турецкій великій визирь. Ландграфъ, не желая быть свидѣтелемъ тираніи, въ его столицѣ производимой, выѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ и оставался почти во все время сей войны.

Впрочемъ, поступки Французовъ еще были умѣренны при главноначальствованіи маршала Д'Этре. Во всѣхъ случаяхъ, онъ ознаменовалъ себя великодушіемъ и воинскими талантами. Геттингенскій университетъ испрашивалъ его покровительства. Данный отъ маршала отвѣтъ заслуживаетъ быть помѣщеннымъ въ исторіи:

Милостивые Государи!

«Университетъ Геттингенскій слишкомъ знаменитъ множествомъ великихъ людей, имъ образованныхъ, которые запечатлѣли славу его и я пользуюсь симъ случаемъ изъявить оному мое особенное уваженіе. Университетъ можетъ быть спокоенъ отъ всѣхъ непріятностей въ войнѣ не избѣжныхъ. Я удалю оныя, сколько сіе отъ меня зависитъ. Я знаю, сколь онѣ вредятъ наукамъ и особенно озабочусь, чтобы войска, проходомъ, не обезпокоили университетъ, толико славящійся и толико знаменитый.

«Въ сихъ искреннихъ чувствованіяхъ пребываю

«*Милостивые Государи*

«Преданнѣйшимъ слугою

«Маршалъ д'Этре.»

«16 Іюня 1757 г.

«Гольцмюнденъ.»

Того-же мѣсяца д'Этре получилъ изъ Версаліи королевскій указъ, повелѣвающій ему: сдать главное начальство герцогу Ришелье, покровительствуемому маркизою Помпадуръ. Въ указѣ было упомянуто, что Его Величество съ удовольствіемъ увидитъ маршала при арміи. Д'Этре повиновался воли своего государя, но, не сообразуясь съ его желаніемъ, онъ тотчасъ выѣхалъ изъ арміи, по прибытіи своего преемника.

Ришелье такимъ образомъ пожалъ плоды мудрыхъ распоряженій своего предшественника, принудивъ союзниковъ, въ ихъ крайности, сдаться на капитуляцію, о которой мы уже говорили. Тогда онъ принялъ главноначальствованіе надъ большою Французскою арміею и взялъ Брауншвейгъ. Отсюда онъ послалъ значительный корпусъ лучшихъ войскъ, между коими находились и жандармы, къ арміи принца Субиза, который, соединившись съ войсками Имперскими, шелъ въ Саксонію. Ришелье, съ прочими силами, вторгся въ Прусскія провинціи; онъ приказалъ раззорять и грабить города и мѣстечки, угрожая все предать огню и мечу, дабы вынудить у беззащитныхъ жителей непомѣрную контрибуцію. Обиды Французовъ сходствовали съ ужасными поступками Козаковъ. Французы, по приказаніямъ именно своихъ офицеровъ, били людей богатыхъ, принуждая ихъ вносить контрибуцію за прочихъ граждан; насиловали

женъ и дѣвицъ, и такъ сказать, наругались надъ жизнію людей. Вѣшать невинныхъ по подозрѣніямъ мнимымъ, неимѣющимъ даже тѣни доказательствъ, будто-бы тѣ служили шпіонами, было, для сихъ войскъ, дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Многіе Нѣмцы, не взирая на ихъ званія, лѣта или отношенія, въ оную войну подверглись такой несчастной участи.

Изторженіе угрозами былъ девизъ новаго Французскаго генерала, не столько для службы королевской, сколько для собственной пользы своей. Величаясь покровительствомъ любимицы короля, Ришелье позволялъ себѣ дѣла самыя низкія и устроивалъ военныя операціи соразмѣрно потребностямъ его личнаго интереса. Никто изъ генераловъ разныхъ націй, въ сію войну командующихъ, не обогатился болѣе его. Онъ самъ столь мало скрывалъ это, что, еще прежде окончанія войны, построилъ въ столицѣ огромный отель, который назвали Парижане Ганноверскимъ павильономъ.

Теперь Фридрихъ составилъ изъ своей арміи нѣсколько корпусовъ, чтобы удерживать различныя непріятельскія войска, которыя шли къ Саксоніи и въ средину его государства. Однако же онъ не ограничился простою оборонительною войною. При всякомъ благопріятномъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ наступательно: полковникъ Мейеръ вторгся въ Палатинатъ, со-

биралъ контрибуціи, быстро прошелъ Франконскій округъ, угрожалъ Нипренбергу и сей городъ прибѣгнулъ къ чинамъ округа, спрашивая ихъ заступленія. Франконскій ареопагъ въ семъ случаѣ явилъ всю свою мудрость. Потребовали отъ Мейера, чтобы онъ оправдалъ себя во вторженіи своемъ на Франконію и вознаградилъ-бы всѣ убытки имъ причиненные. Прусскій полковникъ, который запасся не бумагою для отвѣтовъ, но порохомъ и ядрами, котораго сопутствовали солдаты, жаждущіе добычи, улыбаясь показалъ ихъ депутатамъ и спросилъ ихъ, хотятъ-ли они еще лучшаго оправданія? Напослѣдокъ, уступая просьбамъ, онъ вышелъ изъ Франконіи, но взялъ съ собою заложниковъ, въ числѣ коихъ находились двое Нипренбергскихъ патриціевъ.

Австрійцы воспользовались раздѣленіемъ силъ Прусскихъ и генералъ Гаддикъ, съ четырьмя тысячами человѣкъ, смѣло подступилъ къ Берлину. Сія столица, отвсюду открытая, имѣла гарнизонъ, состоящій изъ двухъ тысячь человѣкъ милиціи, нѣсколькихъ сотъ солдатъ и рекрутъ. Королевская фамилія, при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля, выѣхала въ Шпандау. Въ семъ положеніи, нечего было страшиться летучаго корпуса, у котораго не было никакихъ способовъ встревожить столицу, и который безпрестанно опасался быть отрѣзан-

нымъ; Гаддикъ требовалъ сдачи города и почти въ тоже время атаковалъ Копеникскія и Котбусскія ворота. Палисады, прикрывающіе первые, тотчасъ были сбиты пушками и по нихъ Австрійцы взошли въ прилегающее предмѣстье. Жители показали себя достойными имени Бранденбургцевъ; всѣ мастеровые хотѣли собраться съ предложеніемъ вытѣснить неприятеля. Но малодушный комендантъ, генералъ Роховъ, не согласился на таковое предпріятіе. Только и произошла небольшая сшибка, ни на чью сторону не склонившаяся, между отрядами Пруссаковъ и Австрійцевъ на Копеникскомъ форштатѣ. Извѣстіе о приближеніи принца Морица Ангальтъ Дессаусскаго, весьма обезпокоило неприятелей. Гаддикъ, постигая всю опасность замедленія сдѣлался, умѣреннѣе въ требованіяхъ своихъ, которыя и были приняты не столько изъ боязни, но болѣе, дабы не возмутить порядка и возстановить совершенное спокойствіе между жителями. Неприятелямъ было заплачено двѣсти тысячь ефимковъ и они отретировались съ поспѣшностію.

Театръ войны, между тѣмъ, былъ внесенъ въ самую Пруссію. Сто тысячь Русскихъ, подъ начальствомъ Генерала Апраксина, вступили въ сіе королевство и взяли Мемель. Легкія ихъ войска, состоящія изъ Козаковъ, Калмыковъ и Татаръ, опустошали всю землю огнемъ и ме-

чемъ. Множество Пруссаковъ удалились въ Данцигъ, куда перевезли изъ Кенигсберга государственные архивы.

Прусскій фельдмаршалъ Левальдъ не могъ противупоставить непріятелю болѣе тридцати тысячь человѣкъ; 30-го Августа, онъ атаковалъ Русскихъ въ ихъ укрѣпленной позиціи у Гроссъ-Егерсдорфа. Сначала счастіе благопріятствовало малочисленному войску, вступившему въ бой съ народами варварскими, не для удовлетворенія тщеславія своего государя, но чтобы защищать свои домы, свою жизнь и для спасенія своего. Уже Пруссаки отняли нѣсколько пушекъ у Русскихъ, кавалерія сихъ была опрокинута, одно крыло было совершенно разбито,—какъ вдругъ побѣда исторглась изъ рукъ ихъ. Русскіе зажгли нѣкоторыя деревни на полѣ сраженія лежащія. Пруссаки въ дыму сбились съ прямаго пути, разстроились и тогда-то непріятель ударилъ въ флангъ Пруссаковъ (*). Левальдъ, оди-

---

(*) Великій Фридрихъ, описывая Гроссъ-Егерсдорфское сраженіе, заключаетъ: генералъ Румянцовъ (въ послѣдствіи Фельдмаршалъ Задунайскій) изъ 2-й линіи выступилъ на подкрѣпленіе разбитыхъ гренадеръ, съ двадцатью баталіонами зашелъ во флангъ и съ тылу Прусской пѣхотѣ, принудилъ ее уступить мѣсто и отступить назадъ. Въ семъ сраженіи, 19-го Августа, убиты: командовавшій лѣвымъ флангомъ генералъ Василій Абрамовичъ Лопу-

наково какъ и Фридрихъ въ Коллинѣ, не былъ тревожимъ на отступленіи. Пруссаки имѣли въ семъ дѣлѣ убитыми и ранеными пять тысячь семь сотъ человѣкъ, Русскіе потеряли семь тысячь человѣкъ. Но, побѣда сія не принесла имъ никакой пользы: имъ нечѣмъ было продовольствовать свои многочисленныя войска въ землѣ, превращенной въ пустыню. Посему Апраксинъ оставилъ десятитысячный корпусъ удерживать Мемель и чрезъ нѣсколько времени послѣ сраженія, выступилъ обратно съ прочею арміею. Отступленіе сіе двумя колоннами, имѣло видъ бѣгства, и производилось такъ, что непріятель оставилъ позади себя пятнадцать тысячь раненыхъ и больныхъ, восемьдесять пушекъ и значительное количество снарядовъ.

Фридрихъ отозвалъ тогда Левальда, приказавъ ему слѣдовать въ Померанію противу Шведовъ. Сіи союзники Французовъ, въ числѣ двадцати двухъ тысячь, щитая между ими четыре тысячи кавалеріи, уже прибыли въ Померанію. Ихъ храбрость угрожала Пруссакамъ, открыть въ нихъ грознаго себѣ непріятеля. Но никогда столь намѣренно не насмѣхались надъ честію

хинъ, генералъ-порутчикъ Зыбинъ и Малороссійскихъ Козаковъ бригадиръ Капнистъ.

Переводч.

государства, надъ славою мужественныхъ войскъ, какъ при семъ случаѣ. Составъ Шведской арміи, прибывшей въ Германію, былъ сущая сатира на нашу тактику и наши новѣйшія правила военной науки. Хотя Шведскіе солдаты были хорошо обучены, соблюдали порядокъ и имѣли духъ и охоту драться, но у нихъ всего недоставало: не было ни коммисаріата, ни магазиновъ, ни понтоновъ, ни легкихъ войскъ, ни субординаціи; къ сему слѣдуетъ присовокупить и то, что опытные въ военномъ дѣлѣ начальники, получали отъ Шведскаго Сената, всякой разъ и для всякаго движенія, повелѣнія одно другому противурѣчущія, и что они, рѣшившись на какое предпріятіе, подвергали себя за успѣхъ онаго полной отвѣтственности. Вотъ почему браноносные Шведы, оружіе коихъ нѣкогда рѣшало судьбу Германіи, которые на Вестфальскомъ мирѣ предписывали законы цѣлой Европѣ, не утративъ и нынѣ своего прежняго мужества, возвратились въ отечество, послѣ пяти компаній, безъ славы, осмѣянные своими союзниками, непріятелями и даже соотечественниками.

Шведы, не имѣя достаточнаго числа легкихъ войскъ, очень часто должны были отказываться отъ выполненія плановъ наилучшимъ образомъ соображенныхъ. Горсть Прусскихъ солдатъ всюду тревожила ихъ, безпрерывно отбивая транспорты, подвозящіе имъ продовольствіе.

За недостаткомъ магазиновъ и понтоновъ, Шведы не могли ни проникнуть въ Прусскія области, ни соединиться съ Французскою, Русскою или Австрійскою арміями, чего они всегда домогались, но безуспѣшно. Театръ войны съ Швеціею такимъ образомъ былъ сжатъ въ одномъ углу Сѣверной Германіи. Сіи войска въ Помераніи и въ одной части Мархіи теряли понапрасну время, и не произвели ничего особеннаго. Такъ точно шло и во все продолженіе этой войны.

Тогда Фридрихъ старался вынудить на сраженіе Французовъ, соединившихся съ Имперскими войсками и пошелъ на нихъ. Положеніе его было дѣйствительно гибельное. Онъ видѣлъ вблизи себя и вдали непріятелей, коихъ число ежедневно возрастало. Самыя его побѣды были ему безполезны: онъ обрѣталъ въ нихъ гидру всегда оживляющуюся. Разбиваетъ-ли онъ одну армію; другія двѣ идутъ на него. Имперскимъ декретомъ онъ былъ объявленъ лишеннымъ всѣхъ владѣній и самаго курфиршескаго сана. Стремленіе непріятелей, чтобы совсѣмъ низвергнуть его, было чрезвычайно; способы ихъ давали имъ въ томъ несомнѣнную надежду. И точно никогда надежды сего принца не были толико не тверды, какъ въ настоящее время, но тогда-то, онъ имѣлъ столько присудствія духа, что написалъ Французскими стихами свое завѣ-

щаніе. Сколь ни основателенъ былъ страхъ его наноследокъ изнемочь въ неравной борьбѣ предъ многочисленностію, но онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы побѣдить. Армія его, ослабленная сраженіями, простиралась не свыше двадцати двухъ тысячь; непріятельская имѣла въ строю шестьдесятъ тысячь человѣкъ. Близъ Готы они испытали въ первый разъ отважность Пруссаковъ. Французскіе генералы, состоящіе подъ начальствомъ Субиза, ввели восьмитысячный отрядъ въ сей городъ, назначивъ его мѣстомъ увеселеній, которыя могли-бы услаждать ихъ, въ трудностяхъ войны. При Дворѣ герцога производились весьма значительныя пріуготовленія къ тому чтобъ наилучшимъ образомъ принять сихъ почетныхъ военныхъ гостей. Въ самое обѣденное время, когда уже собирались идти къ столу и генералы Французскіе показывали, что имѣютъ аппетитъ весьма хорошій, вдругъ является у городскихъ воротъ Прусскій генералъ Зейдлицъ съ полутора тысячью конницы. Восемь тысячь Французовъ не думали ни сколько сопротивляться, отказались отъ праздника и поспѣшали выдти изъ города. Здѣсь было взято въ плѣнъ мало солдатъ, но напротивъ того много камердинеровъ, лакѣевъ, поваровъ, парикмахеровъ, любовницъ, полковыхъ священниковъ и комедіантовъ, людей необходимѣйшихъ въ каждомъ Французскомъ войскѣ. Пруссаки отбили

экипажи многихъ генераловъ, въ которыхъ были найдены цѣлые ящики съ эссенціею и благовонными помадами, множество пудрениць, накладныхъ кошельковъ, парасолей, шлафроковъ и париковъ. Зейдлицъ отдалъ своимъ гусарамъ всю пріобрѣтенную туалетную добычу, а щеголеватыхъ воиновъ отпустилъ безъ выкупа.

Французы, получивъ нѣкоторыя вещи, безъ коихъ они почти не могли жить, и которыя они щитали вовсе утраченными, столь были тому обрадованы, какъ бы выиграли сраженіе. Горячность ихъ сразиться возрастала болѣе и болѣе; они собственно только и тревожились тѣмъ, что король можетъ ускользнуть отъ нихъ. Нѣкоторые изъ маршей Фридриха и разныя позиціи, которыя, одну послѣ другой, занималъ онъ, подтвердили эту догадку. Они знали о быстротѣ его движеній, о его маневрахъ и его общей тактикѣ по простымъ рапортамъ, но и сіи донесенія, дѣлали надъ ними столь мало впечатлѣнія, что они рѣшились атаковать его въ одной изъ тѣхъ позицій, на коихъ онъ могъ развить всю свою тактику. Они надѣялись не токмо побить короля, но и захватить всю его армію. Въ лагерѣ Французскомъ возникъ вопросъ: принесетъ-ли честь и самое пораженіе войска столь малочисленнаго? Никогда надмѣнность храбрецовъ не сопровождалась боль-

шими насмѣшками какъ нынѣ и никогда она не была лучше наказана.

5-го Ноября въ Саксоніи, близъ деревни Розбахъ, въ одной милѣ отъ Люцена, гдѣ палъ великій Густавъ-Адольфъ, защищая свободу Германіи, произошло сраженіе самое чрезвычайное въ своемъ родѣ. Король отступательнымъ движеніемъ выманилъ Французовъ изъ ихъ выгодной позиціи. Думая, что онъ старается уйти отъ нихъ, они старались ударить ему въ тылъ. Фридрихъ, расположившись на новомъ мѣстѣ, надѣясь на ту быстроту, съ которою его войска строятся въ боевой порядокъ, пребывалъ спокойнымъ зрителемъ непріятельскихъ движеній, даже не подвигая впередъ своихъ линій. Лагерь Пруссаковъ такимъ образомъ оставался неподвиженъ и какъ наступилъ полдень, то бо̀льшая часть солдатъ стали обѣдать. Французы изъ дали, примѣтя сіе, съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ: они полагали это знакомъ совершенной безнадежности, когда уже и не думаютъ о какой либо защитѣ. Ожиданіе сіе, достигшее до высочайшей степени, не мало способствовало къ слабому сопротивленію и паническому страху, которые ознаменовали сей день. Генералъ Зейдлицъ съ Прусскою кавалеріею неожиданно вдругъ явился изъ одной долины и, искусно маневрируя, устремился съ быстротою молніи на непріятелей, упоенныхъ безразсудны-

ми надеждами. Чего не бывало ни въ одномъ полевомъ сраженіи, то теперь произошло здѣсь: легкая конница атаковала и смяла тяжелую кавалерію, гусары отважно устремились на Французскихъ жандармовъ. Ни мужество, ознаменовывающее сей благородный корпусъ, ни его большія лошади, подобныя великанамъ, не могли ничего сдѣлать. Все было опрокинуто. Субизъ подвинулъ свой резервъ, но не успѣлъ тотъ явиться какъ тотчасъ былъ опрокинутъ. Въ самое это время Прусская пѣхота, недавно спокойная, въ боевомъ порядкѣ пошла впередъ и привѣтствовала Французовъ страшнымъ залпомъ изъ пушекъ; за нимъ открылся правильный ружейный огонь, подобно какъ на ученьѣ. Тогда Французская пѣхота была оставлена своею кавалеріею и взята во флангъ непріятелемъ. Напрасно Субизъ употреблялъ Французскую тактику: его Фолардовы колонны скоро были разсѣяны и оставалось только предаться всеобщему бѣгству. Французы и Имперскія войска бросали оружіе, чтобы убѣгать поспѣшнѣе. Только нѣкоторые Швейцарскіе полки еще сражались нѣсколько времени, которые и оставались послѣдними на полѣ битвы. Сія побѣда была рѣшена такъ скоро, что побѣжденные не присвояли себѣ чести должнаго сопротивленія. Они извиняли себя паническимъ страхомъ, который разлился между ними. Однакоже Францу-

зы не упустили сложить всю вину пораженія ихъ на Имперскія войска.

Смерть, похитивъ Шверина за нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ, лишила его наслажденія видѣть торжество Прусскихъ армій. Онъ часто говаривалъ, что одна побѣда, надъ Французами выигранная, запечатлѣетъ военную славу Пруссаковъ.

Многія частныя произшествія еще болѣе дѣлаютъ примѣчательнымъ сей день. Король встрѣтилъ на полѣ сраженія одного Французскаго гренадера, который съ бѣшенствомъ защищался противъ трехъ Прусскихъ кавалеристовъ, не желая имъ здаться. Фридрихъ, приказавъ имъ остановиться, спросилъ у гренадера: «развѣ онъ щитаетъ себя непобѣдимымъ? былъ-бы «непобѣдимъ, государь! отвѣчалъ гренадеръ, «подъ вашимъ предводительствомъ!» объѣзжая поле битвы, король утѣшалъ тѣхъ Французскихъ офицеровъ, которые были ранены; тронутые его великодушіемъ, они привѣтствовали его какъ полнаго побѣдителя не токмо ихъ самихъ но и ихъ сердецъ. Пруссаки получили большую добычу; ихъ гусары отбили между прочимъ множество крестовъ Св. Людовика. Семьдесятъ двѣ пушки, двадцать два знамя и 6,220 человѣкъ плѣнныхъ, было взято побѣдителями. Соединенная армія имѣла убитыми и ранеными 3,560 человѣкъ. Уронъ Пруссаковъ

не превышалъ трехъ сотъ человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ находились: принцъ Генрихъ Прусскій и генералъ Зейдлицъ.

Побѣда толико совершенная и столь легко одержанная надъ симъ воинственнымъ народомъ, не имѣетъ примѣра въ новѣйшей исторіи. Краткость дня, въ толь позднее время года, спасла армію, бегущую въ большомъ разстройствѣ, отъ совершеннаго истребленія.

Всѣ народы Нѣмецкой земли, великіе и малые, не взирая на то за чью сторону они сражались, не взирая на свои собственныя выгоды, узнали съ удовольствіемъ о Розбахской побѣдѣ, считая оную своимъ національнымъ торжествомъ. Чувствованія сіи обнаруживались всюду на самомъ полѣ сраженія. Одинъ Прусскій кавалеристъ, въ ту минуту какъ хотѣлъ полонить Француза, примѣтилъ позади себя Австрійскаго кирасира, который уже занесъ надъ нимъ саблю. *Братъ Нѣмецъ!* вскричалъ ему Пруссакъ, *позволь мнѣ этого Француза? бери его!* отвѣчалъ Австріецъ, удаляясь отъ него во весь опоръ

Изъ всѣхъ дѣяній человѣческихъ конечно ни одно не бываетъ важнѣе сраженій, гдѣ люди умерщвляются тысячами и потому всѣ образованные народы приняли за правило: съ умѣренностію взирать на потери и неудачи въ войнѣ,

случающіяся съ самыми отличными генералами и храбрѣйшими войсками. Но друзья и непріятели считали Розбахскую баталію военною шуткою, въ чемъ сами Парижане не были послѣдними. Субизъ публично былъ освистанъ и забавники Парижскіе не упустили слагать на счетъ его пѣсни и эпиграммы. Но какъ въ этой столицѣ страстно только желаютъ новизнъ, то другія происшествія смягчили жребій униженныхъ генераловъ; нечувствительно забыли въ Парижѣ о семъ, смѣху достойномъ пораженіи, но оно всегда пребудетъ въ памяти у Нѣмцевъ.

Особенное пристрастіе Фридриха къ Французскому народу, которое обнаружилось и въ настоящихъ обстоятельствахъ, не могло укромить этихъ насмѣшниковъ. Нѣсколько сотъ Французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, были отправлены на жительство въ Берлинъ. Тамъ имъ дозволено было являться ко Двору. Изъ нихъ очень немногіе вблизи знали Дворъ Версальской, а потому бо̀льшая часть ихъ бывала въ Берлинскомъ королевскомъ дворцѣ все равно какъ въ странѣ для нихъ во все чуждой. Къ сему присоединялась идея о *Бранденбургскомъ Маркизѣ*, которому, по выраженію Парижанъ, оказывали честь *имѣть съ нимъ родъ войны*. Это заставляло Французскихъ офицеровъ забывать и Розбахъ и свой плѣнъ и они

вели себя толь неприлично, что скоро принуждены были перевести ихъ въ Магдебургъ.

Здѣсь прилично упомянуть объ одномъ изъ тѣхъ случаевъ: одна статсъ-дама Прусскаго Двора, разговаривая въ комнатахъ королевы съ плѣннымъ Французскимъ полковникомъ, спросила его, нравится ли ему Берлинъ? *онъ походитъ на большую деревню,* отвѣчалъ полковникъ. Дама, обидѣвшись столь неожиданною грубостію, нашлась однакоже отвѣчать ему: *Вы правы, государь мой, въ томъ, что Берлинъ сталъ походить на деревню, но только съ тѣхъ поръ какъ появились въ немъ Французскіе мужики. Впрочемъ онъ очень хорошій городъ.*

Извѣстіе о Розбахскомъ сраженіи столь сильно подѣйствовало надъ Польскою королевою, что, на другой день по полученіи онаго, она скончалась. Здоровье ея ослабѣвало съ давняго времени, однако же не до такой степени, чтобы можно было ожидать скорой кончины. Погруженная въ самую глубокую печаль, накапунѣ она отпустила своихъ приближенныхъ и когда тѣ явились по утру, ее уже не было на свѣтѣ. Фридрихъ потерялъ въ ней самаго непримиримѣйшаго себѣ врага. Ослѣпленная ложными понятіями о вѣрѣ, сія государыня, охотно жертвовала всемъ своему фанатизму и много способствовала возжечь сію войну, погрузившую ея подданныхъ въ толь великія злополучія.

Въ Саксоніи и въ областяхъ ей сопредѣльныхъ не оставалось слѣдовъ побитыхъ армій Франціи и Имперіи. Онѣ разрушили всѣ мосты, чтобы не быть преслѣдуемыми и такъ разсѣялись, что бо̀льшая часть бѣгущаго войска остановилась близъ Рейна, всегда думая быть преслѣдуемыми королемъ. Однако успѣхи Австрійцевъ отозвали сего государя въ Силезію; конечно, что онъ оставилъ Французскую армію, начальствуемую маршаломъ Ришелье, на предѣлахъ своего государства, но онъ надѣялся противупоставить операціямъ его другую армію, которая, сверхъ чаянія, начинала формироваться.

Французы сами подали королю Георгу II-му наилучшій предлогъ расторгнуть Клостеръ-Зеевенскую конвенцію. По силѣ оной надѣялись, что Ганноверъ останется неутральнымъ, но всѣ въ томъ чрезвычайно ошиблись. Съ сею областію поступали одинаково, какъ съ завоеванною провинціею, которая такъ и называлась въ указахъ Французскаго короля. Не смотря на то, что Ришелье обложилъ оную большими контрибуціями и разными поставками для своихъ войскъ, а для себя большими суммами, изъ Парижа былъ присланъ главный откупщикъ для введенія тамъ откуповъ по образцу Французскому и чтобы грабить методически цѣлое курфиршество Ганноверское. Сей откупщикъ имѣлъ назначеніе

ввести откупы и въ тѣхъ областяхъ Германіи, которыя надѣялись завоевать. Предположенія сіи находились въ Указѣ короля Французскаго, данномъ 18-го Октября 1757 года и во исполненіе коего Французъ Готье учредилъ въ Ганноверѣ правленіе откуповъ. Всѣ обстоятельства сіи довели Ганноверцевъ почти до отчаянія. Георгъ любилъ сіе курфиршество болѣе своихъ королевствъ, и, вспомоществуемый Британскимъ Парламентомъ, обратился къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ Англіи щитали Клостеръ-Зеевенскую конвенцію прерванною, а баталія подъ Розбахомъ утвердила Дворъ еще болѣе въ семъ мнѣніи. Начали собирать распущеныя Ганноверскія войска, къ коимъ Ландграфъ Гессенскій, имѣвшій столь много причинъ жаловаться на Французовъ, присоединилъ свои полки. Сначала онъ желалъ исполнить условія капитуляціи и потому отозвалъ назадъ свои войска. Уже составили и росписаніе маршей ихъ, но Ришелье отмѣнилъ положеніе. Онъ требовалъ неотмѣнно, чтобы войска сіи были обезоружены, иначе возбранялъ имъ путь. Напрасно предъявлялъ ландграфъ, что его солдаты, какъ свободные, съ оружіемъ, снабженные всѣми потребностями для войска самостоятельнаго, не должны считаться военноплѣнными, у коихъ однихъ только произвольно отбирается оружіе. Герцогъ Кумберланскій, по сему предмету, отнесся къ Француз-

скому генералу, въ главную квартиру котораго отправился и Датскій посланникъ графъ Линаръ, подъ ручательствомъ коего была заключена капитуляція. Дабы вывести Французскій Дворъ изъ безпокойства, онъ предложилъ занять Гессенскимъ войскамъ кантонпръ-квартиры въ Голштейнскомъ герцогствѣ. Ландграфъ утвердилъ сіе и Ришелье писалъ о томъ въ Версаль. Но министры сего Двора, не приняли сего предложенія, требуя, чтобы Гессенцы именно были обезоружены.

Лондонскій Дворъ положилъ конецъ симъ прѣніямъ, объяснивъ, что онъ болѣе не считаетъ себя обязаннымъ содержать Гессенскія войска, буде ландграфъ не отдастъ ихъ въ полное распоряженіе короля Великобританскаго. Тогда сей принцъ не долго колебался: онъ предоставилъ своихъ 12,000 Гессенцовъ распоряженію Георга II-го, и за сіе навлекъ на себя большое гоненіе Французовъ. Онъ получилъ изъ ихъ главной квартиры курьера съ самыми ужаснѣйшими угрозами; « что его дворецъ въ Кас« селѣ будетъ взорванъ на воздухъ, что весь « городъ превратится въ пламень и всѣ обла« сти его будутъ преданы огню и мечу такимъ « образомъ, что нѣсколько столѣтій онѣ будутъ « представлять пустыню. »

Ландграфъ ни во что вмѣнилъ сіи угрозы и удалился. Тогда начались страшныя грабитель-

ства. Всего страннѣе было видѣть, что Австрійскій коммисаръ Христіани не замедлилъ пріѣхать въ Кассель, дабы раздѣлить контрибуціи съ коммисарами Французскими. Они приказали жителямъ въ 24 часа представить все ихъ золото и серебро безъ остатка. Французы опустошили Кассельскій арсеналъ и сожгли знамена, литавры и другіе трофеи, пріобрѣтенные храбрыми Гессенцами въ протекшихъ войнахъ.

Не смотря на сіе, союзники формировали армію, къ нимъ присоединились Брауншвейгскія войска, сначала противу желанія герцога, страшившагося за свои области, но послѣ изъявившаго на сіе свое согласіе. Но какъ въ новой арміи число конницы было вовсе не соразмѣрно пѣхотѣ, то ее усилили нѣсколькими кавалерійскими полками. Фридрихъ не могъ удѣлить въ эту армію значительнаго числа своихъ войскъ, но назначилъ главнокомандующимъ надъ оною герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, который одинъ стоилъ цѣлой арміи, обладая талантами въ высочайшей степени человѣка великодушнаго и которые родятся, ежели смѣю выразить, для украшенія рода человѣческаго. Напрасно Ришелье угрожалъ истребить огнемъ и мечемъ всѣ Ганноверскія области, превратить всѣ королевскіе дворцы въ груды развалинъ, если непріятели начнутъ малѣйшія военныя дѣйствія. Фердинандъ отвѣчалъ лакониче-

ски: «что онъ подождетъ этого, а за тѣмъ уже, «посредствомъ своей арміи, онъ вступитъ съ «нимъ въ дальнѣйшія объясненія.» Въ слѣдъ за симъ союзники открыли непріятельскія дѣйствія. Два Французскіе корпуса были атакованы и обращены въ бѣгство. Ришелье, получивъ донесеніе о томъ, въ бѣшенствѣ приказалъ разграбить городъ Целль и сжечь его предмѣстія. Напрасно его просили пощадить домъ призрѣнія сиротъ: оный также былъ преданъ пламени. Наступившее суровое время, напослѣдокъ, заставило обѣ арміи разойтись на зимнія квартиры.

Между тѣмъ Фридрихъ устремился въ Силезію. Принцъ Бевернскій съ 25 тысячнымъ корпусомъ, стараясь прикрыть оную, не могъ противустоять всѣмъ соединеннымъ силамъ Австрійскаго Дома, назначеннымъ снова отнять сію провинцію. Прусскій корпусъ генерала Винтерфельда, содержащій коммуникацію между Саксоніею и Силезіею, послѣ сильнаго сопротивленія, былъ разбитъ, оставилъ свой постъ и былъ принужденъ ретироваться. Къ бо́льшему несчастію Винтерфельдъ въ семъ дѣлѣ смертельно раненъ. Онъ былъ любимецъ Фридриха и офицеръ съ отличными способностями; къ симъ качествамъ онъ присоединялъ благородное сердце. Его коронованный другъ,

армія и все государство оплакивали смерть Винтерфельда какъ общую потерю.

Послѣ того Австрійскій генералъ Надасти подступилъ къ Швейдницу и, по 16-ти дневной осадѣ, взялъ приступомъ сію крѣпость, которую принцъ Беверискій не могъ освободить. Шеститысячный гарнизонъ ея былъ взятъ военноплѣннымъ; кромѣ великаго множества запасовъ продовольствія, артиллеріи и снарядовъ, непріятель получилъ въ добычу деньгами 200,000 гульденовъ. Овладѣніе Швейдницемъ облегчило Австрійцамъ коммуникацію съ Богеміею и Надасти присоединился къ своей большой арміи близъ Бреславля, гдѣ стояли Пруссаки.

22-го Ноября принцъ Лотарингскій и фельдмаршалъ Даунъ атаковали Пруссаковъ въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ, прежде нежели прибылъ Фридрихъ съ своими побѣдоносными полками. Послѣ сильной канонады изъ взятыхъ въ Швейдницѣ большаго калибра орудій, Австрійцы учинили приступъ къ Бреславлю вдругъ съ пяти сторонъ. Наступившая ночь разлучила сражающихся съ большею храбростію, и сей день не былъ еще рѣшительнымъ. Принцъ Беверискій, ожидая съ разсвѣтомъ снова быть атакованнымъ весьма превосходными силами, ночью очистилъ городъ и посему оставилъ неожиданно поле сраженія принцу Карлу Лота-

рингскому, главноначальствующему Австрійцевъ. Въ день сраженія армія ихъ состояла изъ восьмидесяти тысячь человѣкъ; Пруссаки находились въ числѣ двадцати пяти тысячь. Австрійцы лишились пяти тысячь восьми сотъ человѣкъ выбывшими изъ строя. Пруссаки имѣли шесть тысячь двѣсти убитыми и ранеными и три тысячи шесть сотъ человѣкъ плѣнными. Спустя два дни самъ принцъ Беверискій, во время рекогносцированія, былъ взятъ въ плѣнъ. При немъ тогда не было конвоя, почему и подозрѣвали, якобы онъ добровольно отдался, избѣгая отвѣтственности за случившіяся не удачныя дѣла.

Генералъ Цитенъ тогда принялъ командованіе и привелъ къ королю остатки побитой арміи. Взятіе Австрійцами Бреславля, здавшагося безъ сопротивленія, было послѣдствіемъ сей баталіи; три тысячи Прусскаго гарнизона получили позволеніе выдти изъ города. Фридрихъ былъ столь недоволенъ дѣйствіями коменданта генерала Лествица, что заключилъ его въ крѣпость. Австрійцы также взяли здѣсь большіе запасы продовольствія, множество пушекъ и въ особенности военныхъ снарядовъ.

Тогда казалось, что король Прусскій лишался Силезіи и Австрійцы ожидали щастливѣйшихъ для себя событій. Они выиграли

баталію, завладѣли двумя крѣпостями, взяли главный областный городъ, сверхъ того имѣли сильную армію для удержанія своихъ завоеваній и слѣдственно самые прекрасные виды окончить войну въ непродолжительномъ времени и такъ, какъ имъ хотѣлось. Въ столь счастливомъ положеніи были дѣла ихъ въ исходѣ Ноября мѣсяца. Наступившая зима, по видимому, остановила военныя дѣйствія и уже войскамъ въ скоромъ времени слѣдовало выступить на зимнія квартиры, какъ, къ удивленію Европы, зрѣлище скоро перемѣнилось: маршъ Фридриха щитали послѣднею слабою попыткою отчаянія и малая армія его была проименована *Берлинскою гвардіею*. Силезцы, преданные Пруссіи, были безъ надежды, а партія Австрійская предалась спокойствію.

Побѣдители уже учинили различныя постановленія, къ управленію Силезіею относящіяся, и бóльшая часть обитателей ея присягнули на вѣрность Маріи Терезіи въ то время какъ прозванная *Берлинская Гвардія* приближилась къ Бреславлю. Фридрихъ притянулъ къ себѣ бѣжавшее войско принца Беверискаго, но становилъ ихъ лагеремъ нѣсколько отдѣльно отъ своей арміи, дабы не ослабить мужества въ своихъ побѣдоносныхъ когортахъ. Онѣ шли впереди прочихъ на непріятеля, окопавшагося близъ Бреславля. Тогда король собралъ гене-

раловъ и офицеровъ генеральнаго штаба и сказалъ имъ рѣчь краткую, но весьма сильную. Онъ изобразилъ имъ свое бѣдственное положеніе, привелъ имъ на мысль мужество ихъ предковъ, кровь воиновъ ихъ соотечественниковъ, за которыхъ они должны отмстить, а на послѣдокъ и славу имени Прусскаго. Онъ выразилъ имъ сколь твердо онъ полагается на ихъ неустрашимость, рвеніе къ его службѣ и на ихъ любовь къ отечеству, чего онъ ожидаетъ отъ нихъ при на паденіи на непріятеля, у коего онъ исторгнетъ выгоды, имъ пріобрѣтенныя. Рѣчь его воспламенила сихъ воиновъ до изступленія: нѣкоторые изъ нихъ проливали слезы, всѣ были тронуты. Старшіе генералы отвѣчали, отъ имени сего сонма героевъ, обѣщая королю побѣдить или умереть. Одинаковое чувство скоро разлилось по цѣлой Прусской арміи и когда узнали, что Австрійцы оставили свою выгодную позицію и что идутъ на Пруссаковъ, сіи считали на вѣрное, что разобьютъ непріятеля.

5-го Декабря, близъ деревни Лейтенъ, произошла одна изъ величайшихъ битвъ нашего вѣка; обѣ арміи во всемъ не сходствовали между собою. Силы Пруссаковъ состояли изъ тридцати тысячь человѣкъ, Австрійцы имѣли восемьдесятъ тысячь. Послѣднія были преисполнены довѣренности къ числу сражающихся

на ихъ сторонѣ, къ своимъ мощнымъ союзникамъ, владѣли одною половиною Силезіи, ими завоеванною. Пруссаки полагались на свою ученую тактику и на великаго героя, вождя своего. Въ одной изъ армій, имѣвшей свободный подвозъ изъ Богеміи, царствовало изобиліе во всѣхъ потребностяхъ; другая нуждалась во многихъ необходимыхъ вещахъ; одна наслаждалась продолжительнымъ спокойствіемъ; другая была утомлена отъ продолжительныхъ форсированныхъ маршей. Въ сей достопамятный день, Австрійцы были одушевлены своимъ обыкновеннымъ мужествомъ; у Пруссаковъ простиралось оное до высочайшей степени энтузіазма.

Обѣ арміи встрѣтились на одной равнинѣ, удобнѣе которой Фридрихъ не могъ желать для своихъ маневровъ. Австрійцы стояли въ линіяхъ, коихъ глазъ не могъ усмотрѣть оконечности и едва вѣрили сами себѣ, увидя, что малое войско Пруссаковъ тронулось впередъ атаковать ихъ. Здѣсь то явилась вся великость генія Фридриха: онъ избралъ сей косвенный ордеръ баталіи, который даровалъ толикія побѣды Грекамъ и помощію коего Эпаминондъ разбилъ неодолимыхъ Спартанцевъ. Поставить на главный пунктъ атаки болѣе войскъ, чѣмъ тамъ у непріятеля и тѣмъ, такъ сказать, исторгнуть у него побѣду, есть главное въ семъ распоряженіи, признанномъ образцо-

вымъ въ военномъ искуствѣ. Фридрихъ дѣлалъ фальшивыя движенія противу праваго непріятельскаго крыла, тогда какъ настоящее намѣреніе его клонилось на ихъ лѣвый флангъ. На тотъ конецъ, онъ произвелъ особый маневръ, который въ послѣдствіи приняли прочія войска примѣромъ подражанія, но который доселѣ одни Пруссаки могли выполнять въ порядкѣ и съ нужною быстротою. Для этой эволюціи раздѣляютъ линіи на многіе плутонги, сближаютъ весьма близко одну къ другой и такъ двигаютъ эту массу людей. Фридрихъ ввелъ сей маневръ, служащій подражаніемъ фалангѣ Македонской, которая двигалась и сражалась, раздѣленною на шестнадцать рядовъ и которая нѣсколько вѣковъ щиталась непобѣдимою, до колѣ оружіе Римскихъ легіоновъ не сокрушило ее; до насъ дошло только одно имя оной. Солдаты въ этомъ построеніи занимаютъ, по своему числу, малое пространство земли и издали кажутся толпами или кучками людей, собравшимися безпорядочно. При малѣйшемъ же знакѣ начальника, сіи толпы развертываются въ величайшемъ устройствѣ и съ быстротою потока.

Такимъ образомъ Фридрихъ атаковалъ и опрокинулъ лѣвое крыло Австрійцевъ. Туда безпрестанно приходили свѣжіе полки, чтобы подкрѣпить пораженныхъ, но имъ не давали

времяни строиться какъ должно, ибо лишь только они появлялись, какъ тотчасъ были обращаемы въ бѣгство. Одинъ Австрійскій полкъ такъ сильно потѣснилъ свои другіе полки, что ихъ линія разорвалась отъ того и безпорядокъ явился неописанный. Нѣсколько тысячь Имперскихъ войскъ не могли учинить ни одного ружейнаго выстрѣла. Наибо́льшее сопротивленіе было въ селеніи Лейтенѣ, усѣянномъ войсками и артиллеріею; къ нимъ присоединилось чрезвычайно много бѣжавшихъ и они заняли всѣ домы и закаулки жилья. Напослѣдокъ и они были принуждены уступить. Но сколь ни было чрезмѣрно растройство побѣжденной арміи, ее лучшія войска пытались еще удерживаться на одномъ выгодномъ мѣстѣ. Прусская артиллерія однакоже скоро обратила и ихъ въ бѣгство, а конница, врубившаяся въ оба фланга, отбивала тысячами плѣнныхъ. Въ Коллинѣ не столько храбрость войскъ, или искусные маневры, но болѣе сильный огонь съ батарей, поставленныхъ на неприступныхъ высотахъ, рѣшилъ битву; подъ Лейтеномъ одна тактика и храбрость даровали побѣду (*). На мѣстѣ

(*) въ Пятницу (3-го Сентября 1800 года) послѣ обѣда, мы выѣхали изъ Бреславля, говоритъ Киней-Адамсъ, бывшій въ послѣдствіи президентомъ Сѣверо-Американ-

сраженія Пруссаки взяли 21,500 плѣнными; пять тысячь Австрійцевъ было убито и ранено и послѣ баталіи шесть тысячь дезертировъ перешли на сторону побѣдителей. Пруссаки считаютъ свой уронъ убитыми и ранеными въ пять тысячь человѣкъ.

Осада Бреславля, который предоставила побѣжденная армія его собственному жребію и куда былъ введенъ сильный гарнизонъ, была слѣдствіемъ сего пораженія. Хотя въ немъ были постав-

---

скихъ штатовъ, и сдѣлавши четыре Нѣмецкія мили, прибыли въ городъ Неймаркъ. На половинѣ дороги мы проѣхали деревню *Лейтенъ*, въ близи которой, 5-го Декабря 1757 года, происходило знаменитое сраженіе и до нынѣ извѣстное подъ симъ именемъ. Изъ тринадцати правильныхъ баталій, одержанныхъ Фридрихомъ II-мъ въ его царствованіе, сія есть самая рѣшительная и самая славнѣйшая лично для него. Событія Лейтенскаго дня содѣйствовали болѣе всего другаго, къ упроченію Пруссіи ея существованія и власти независимой. Фридрихъ одержалъ полную побѣду надъ непріятелемъ, число коего было болѣе нежели въ два раза противу его войска и сіе преимущество толико одолжено превосходству тактики Фридриха, что Жиберъ полагаетъ, что солдаты короля едвали имѣютъ право здѣсь раздѣлять съ нимъ славу.

Lettres sur la Silésie, écrites en 1800 et 1801, par J. Quincy-Adams. traduites de l'anglais par J. Dupuy. Paris, 1807. pag. 255—256.

Переводч.

лены висилицы для дерзнувшихъ говорить о сдачѣ, но, по прошествіи пятнадцати дней, городъ здался на капитуляцію, когда уже Пруссаки готовились взять его приступомъ. Тринадцать генераловъ, семь сотъ офицеровъ, осьмнадцать тысячь нижнихъ чиновъ, составляющихъ гарнизонъ Бреславля, положили оружіе. Въ городѣ найдены большой магазейнъ, знатное число аммуниціи, и военной казны 144,000 флориновъ. Генералъ Цитенъ, преслѣдующій непріятеля, взялъ еще двѣ тысячи плѣнными и отбилъ три тысячи повозокъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько недѣль, Австрійцы лишились до шестидесяти тысячь человѣкъ и остатокъ арміи ихъ, не давно столь многочисленной, былъ одинъ бѣгущій корпусъ, безъ пушекъ, безъ знаменъ, безъ обозовъ изнуренный голодомъ, замерзающій отъ стужи; въ такомъ то положеніи онъ шелъ въ свою землю идучи чрезъ Богемскія горы.

Прусскій король имѣлъ особый даръ исправлять свои погрѣшности и извлекать величайшую пользу изъ своихъ успѣховъ. Завоеваніе Силезіи, почти имъ потерянной, и слишкомъ сорокъ тысячь военно-плѣнныхъ, взятыхъ имъ, не удовольствовали бы сего неутомимаго государя; конечно онъ не остановился бы на пути побѣдъ своихъ, если-бы наступившая зима и глубокіе снѣга не представили, для продолженія

военныхъ операцій, неодолимыхъ затрудненій. Должно было отложить самую осаду Швейдница до будущей весны. Послѣднимъ дѣломъ его было, въ настоящую компанію, обратное взятіе Лигница. Тамошній гарнизонъ, изъ 3,500 человѣкъ состоящій, получилъ свободный выходъ. Пруссаки нашли въ Лигницѣ большіе запасы продовольствія и множество военныхъ снарядовъ.

Съ окончаніемъ сей компаніи Фридрихъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что почти всѣ его владѣнія были очищены отъ непріятелей; Австрійцы спѣшили вступить въ наслѣдственныя области Императрицы Королевы, чтобы устроить себя послѣ ихъ ужаснаго пораженія; Россійскія войска очистили королевство Пруссію. Французы удалились отъ границъ Бранденбургскихъ и владѣли нѣкоторыми областями въ Вестфальскомъ округѣ. Имперскія войска были распущены по домамъ, а генералъ Левальдъ выгналъ Шведовъ изъ Прусской Померанiи. Шведская Померанія была во власти королевскихъ войскъ, которыя напослѣдокъ завладѣли Мекленбургскимъ герцогствомъ и послѣ безпрепятственно расположились на зимнихъ квартирахъ въ Саксоніи.

Такимъ образомъ совершилась компанія, доселѣ безпримѣрная въ исторіи. Въ продолженіи одного года произошло семь главныхъ ба-

талій и множество кровопролитныхъ дѣлъ, изъ коихъ многія, въ прошедшихъ столѣтіяхъ, щитались генеральными сраженіями. Великіе полководцы Фридрихъ и Фердинандъ явились въ одно время на театрѣ сей войны и своими дѣйствіями образовали воиновъ для временъ будущихъ. Генрихъ, наслѣдный принцъ Брауншвейгскій, Лаудонъ, открыли начало своихъ прекрасныхъ способностей. Другіе, хотя менѣе великіе, но кои впрочемъ въ другую эпоху могли бы одни утвердить въ потомствѣ воинскую славу цѣлаго народа, какъ: Зейдлицъ Кейтъ, Фукетъ, принцъ Бевернскій, д'Этре, Броліо, Гаддикъ, Румянцевъ, Вуншъ, Вернеръ и другіе многіе отличные начальники толикихъ армій, имѣли случай явить свои блистательные таланты. Шверинъ, Бровнъ, Винтерфельдъ, три генерала, славные своими трофеями и коихъ имена безсмертны въ лѣтописяхъ войнъ, пали въ семъ походѣ, навсегда достопамятномъ, запечатлѣвъ благородною кровію, свои великодушные подвиги. Сражалось болѣе 700,000 воиновъ и какія націи! это были не тѣ изнѣженные Азіатцы, которые нѣкогда покрывали поля своими безчисленными ополченіями и даровали Грекамъ, Римлянамъ и Англичанамъ тріумфы неожиданные. Это были не толпы крестоносцевъ, которые безчисленными роями, подобно тучамъ насѣкомыхъ, наводняли цѣлые государства, сра-

жались безъ тактики, и убивали подобныхъ себѣ изъ ревности фанатизма. Нѣтъ! націи, которыя сражались на землѣ Германской, были всѣ народы воинственные, изъ коихъ каждый былъ на высокой степени того гражданскаго образованія, которое ознаменовываетъ восьмнадцатый вѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, уподобились народамъ древнимъ и силою оружія своего могли предписывать законы другой части Свѣта.

КОМПАНІЯ 1758 ГОДА.

Славный маневръ Дауна въ горахъ Моравскихъ заставляетъ Фридриха снять осаду Ольмюца. Лаудонъ. Россійскій Генералъ Ферморъ занимаетъ королевство Пруссію. Осада Кистрина. Битвы подъ Цорндорфомъ и при Гохкирхенѣ. Русскіе осаждаютъ Колбергъ. Дѣла на равнинахъ Крефельда, при Зандерсгаузенѣ и Люттерсбергѣ. Французы опустошаютъ Гессенскія владѣнія и графство Ганау.

Король Прусскій вознамѣрился внести театръ войны въ Моравію. 3-го Апрѣля онъ открылъ кампанію осадою Швейдница, которую производилъ съ такою силою, что крѣпость сія, уже 16-го Апрѣля, была покорена имъ. Семитысячный гарнизонъ Швейдница, уменьшившійся въ 3,000 человѣкъ отъ болѣзней и понесеннаго урона, принужденъ былъ сдаться военноплѣннымъ. Тогда Фридрихъ обратился къ Ольмюцу. Генералъ Маршалъ, воинъ неустрашимый и рѣшительный, былъ комендантомъ сего мѣста, имѣющаго сильный гарнизонъ и достаточно всемъ къ выдержанію осады снабженнаго. Такимъ образомъ ожидали упорнаго сопротивленія Ольмюца.

Отдаленность Прусскихъ магазейновъ, изъ коихъ ближайшіе находились за 18 миль отъ

Ольмюца, сверхъ другихъ препятствій, еще болѣе затрудняло нашествіе на Моравію. Король обманулъ непріятеля, дѣлая видъ, что идетъ въ Богемію, но проникъ въ Моравію. Одинъ Австрійскій корпусъ, препятствующій было сему движенію, былъ опрокинутъ и осада началась въ формѣ. Коммендантъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ оборонѣ: онъ скоро исправилъ городскія укрѣпленія, увеличилъ запасы продовольствія, выслалъ изъ города лишнихъ гражданъ, и разрушилъ форштаты. Фельдмаршалъ Кейтъ командовалъ корпусомъ, опредѣленнымъ вести сію осаду. Съ самаго приступа къ дѣлу, дурныя распоряженія осаждающихъ, не предвѣщали хорошаго успѣха. Французъ Бальби, главный инженеръ Пруской, управляющій атакою, надѣлалъ ошибокъ ни чѣмъ неизвинительныхъ, но которыя заставили потерять много времени. Онъ повелъ первую траншею за 1,500 шаговъ отъ крѣпости, почему, при толь дальнемъ разстояніи, пушечныя выстрѣлы вовсе не вредили непріятелю. Но постепенно подались впередъ, не смотря ни навылазки, ни на жестокій огонь осажденныхъ и тогда изъ восьмидесяти осадныхъ орудій, Пруссаки открыли сильную канонаду по городу.

По принятымъ правиламъ настоящихъ войнъ, чтобы начать и продолжать осаду, необходимо имѣть чрезвычайное множество разныхъ потреб-

ностей. Осада Ольмюца расходовала ежедневно значительное количество пороху и ядръ. Хотя всякой день безпрестанно приходили къ Прусакамъ обозы болѣе или менѣе значительные съ разными потребностями, но они оказывались неудовлетворительными и потому всё зависѣло отъ главнаго транспорта, слишкомъ въ 3,000 повозкахъ заключающагося, съ жизненными припасами и снарядами, котораго ждали изъ Силезіи отъ Тропау. Даунъ имѣлъ въ главномъ предмѣтѣ перехватить этотъ транспортъ: ему хотѣлось спасти Ольмюцъ, не давая королю сраженія, на какія дѣла, по чрезмѣрной осторожности своей, онъ весьма не часто рѣшался. Находясь въ превосходныхъ силахъ, онъ послалъ разные корпуса на дороги и въ окрестности, коими надлежало слѣдовать упоминаемому транспорту; тамъ произошли многія жаркія сшибки, въ коихъ счастіе благопріятствовало то той, то другой сторонѣ, но не случилось ни одного рѣшительнаго дѣла.

Фридрихъ употреблялъ всѣ мѣры, какія позволяли ему его осаждающее положеніе и малочисленная армія, чтобы транспортъ, толико важный, могъ достигнуть въ его лагерь: полковникъ Мозель, весьма опытный офицеръ, прикрывалъ этотъ обозъ, съ отрядомъ изъ 9,000 человѣкъ, но, по причинѣ множества повозокъ, транспортъ шелъ весьма медлѣнно, встрѣчая на пути большія затрудненія. Дороги, къ арміи

Пруской ведущія, были до такой степени испорчены безпрестанными обозами и проливными дождями, что повозки вязли на каждомъ шагу и обозъ останавливался, растягиваясь по разнымъ мѣстамъ. По сей причинѣ Мозель былъ въ необходимости часто и въ разное время останавливаться, но все еще третья часть его тягостей не могла присоединиться къ нему. Не могши дождаться ихъ онъ продолжалъ идти дефилеями и подъ пушками непріятельскихъ батарей. Здѣсь то ожидалъ его Лаудонъ съ Кроатами, которые, будучи скрыты въ одномъ лѣсу, мужественно ударили на Пруссаковъ, но сіи опрокинули непріятеля и отхватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ, въ продолженіи сей битвы, обозъ пришелъ въ величайшее разстройство. Первые пушечные выстрѣлы до того перепугали поселянъ, при возахъ находившихся, что они побросали все и разсыпались; многіе отпрягли своихъ лошадей и ускакали, совсѣмъ болѣе не появлялись назадъ, ушли прямо въ домы свои, а другіе повозки поворотили назадъ въ Троппау. Мозель, сколько позволяла ему возможность, привелъ въ порядокъ явившееся растройство и продолжалъ маршъ. Король отрядилъ на встрѣчу ему генерала Цитена, съ нимъ щастливо соединившагося, но уже половина транспорта погибла и множество изъ уцѣлевшихъ повозокъ, не имѣя

вощиковъ, были не въ состояніи трогаться съ мѣста. Слѣдовало опять учинить привалъ. Австрійцы употребили въ пользу сіе драгоцѣнное для себя время, поставивъ въ засаду 25,000 отборнаго войска по перелескамъ, по близости Драмстедтеля. Лаудонъ и Цисковичь здѣсь имѣли надъ ними начальство. Только лишь обозъ опустился въ тамошнія дефилеи, какъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ: начали стрѣлять по возамъ изъ пушекъ, били лошадей изъ ружей, подрывали на воздухъ боченки съ порохомъ, вездѣ явилось ужаснѣйшее растройство.

Между тѣмъ, Пруссаки, не унывая духомъ, болѣе двухъ часовъ защищались въ самой невыгодной позиціи. Для прикрытія транспорта они раздѣлились на многіе отряды и дѣйствовали въ разсыпную. Непріятель, маневрируя свободно, атаковалъ ихъ колоннами. Пруссаки наконецъ не устояли противу многочисленности непріятелей и всё прикрытіе ихъ было разсѣяно. Цитенъ, отрѣзанный съ частію своего отряда, былъ принужденъ отступить на Троппау, выдерживая безпрестанные сраженія. Генералъ Кроковъ собралъ остатки войска и 950 повозокъ, съ коими онъ благополучно прибылъ къ королю въ лагерь. Между ними находилось тридцать семь съ казною, изъ коихъ ни одна не досталась въ руки непріятелю.

Въ бою, толико неравномъ, вся храбрость

Пруссаковъ была напрасна, ибо не предстояло особеннаго труда отхватить обозъ, растянувшійся на три или на четыре Нѣмецкія мили, у котораго прикрытіе шло въ отдѣленіяхъ, на часъ пути одно отъ другаго: въ семъ положеніи, Пруссаки учинили все, что можно ожидать отъ самыхъ неустрашимыхъ воиновъ. Множество молодыхъ рекрутъ, 18 и 20 лѣтъ отъ роду, набранныхъ въ Марскомъ и Померанскомъ военныхъ кантонахъ, слѣдовали въ семъ же обозѣ. Ни когда еще они не видывали непріятеля, но они сражались какъ настоящіе Римляне. Изъ девяти сотъ человѣкъ, сколько ихъ находилось, было положено не болѣе шестидесяти пяти, нѣкоторые были ранены, прочіе покрыли тѣлами своими поле битвы

Снятіе осады Ольмюца было непосредственнымъ слѣдствіемъ сей потери. Федльмаршалъ Кейтъ произвелъ отступленіе съ особеннымъ искуствомъ и благоразуміемъ: не затрудняемый ни чѣмъ, онъ увезъ всю свою артиллерію, запасы продовольствія и даже больныхъ, изъ коихъ только тридцать шесть человѣкъ были оставлены великодушію непріятелей. Фридрихъ, своимъ генераламъ объявилъ опять о своемъ критическомъ положеніи, заключивъ рѣчь свою, что онъ твердо полагается на храбрость своихъ войскъ, которыя, онъ увѣренъ, что побѣдятъ непріятелей, стоявшихъ на горахъ высочайшихъ или за оградою самыхъ страшныхъ батарей

Даунъ, стараясь отрѣзать короля отъ Силезіи, занялъ всѣ дефилеи отъ Моравіи, въ сію провинцію ведущія, и уже полагалъ, что вся Прусская армія будетъ взята военноплѣнною. Но Фридрихъ тотчасъ перемѣнилъ свое направленіе и пошелъ не въ Силезію, а на Богемію. Тамъ онъ раздѣлилъ армію на нѣсколько корпусовъ и напослѣдокъ, преодолѣвъ наивеличайшія трудности въ тамошнихъ большихъ горахъ, и послѣ многихъ весьма жаркихъ битвъ, онъ вышелъ на Глацъ въ Силезію. Кейтъ прикрывалъ осадную артиллерію и около 4,000 фуръ. Сей огромный обозъ, равнымъ образомъ, благополучно миновалъ тамошнія высокія горы и дефилеи, не взирая на преслѣдованіе непріятеля, безъ всякой потери. Тѣмъ ограничились, въ сіе время, наступательныя дѣйствія противъ Австрійцевъ, потому что Русскіе, проникнувшіе въ средину владѣній Фридриха, заставили его нисколько не отлагательно помышлять о вытѣсненіи сего новаго непріятеля.

Русскіе, подъ начальствомъ генерала Фермора, въ началѣ сего года вступили въ Пруссію, въ которой почти не было войскъ и овладѣли симъ королевствомъ безъ бою. Ферморъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Кенигсбергъ, при звукѣ музыки и колокольномъ звонѣ, цѣлый день продолжавшемся. Испугавшіеся граждане, имѣя въ свѣжей памяти жестокости Русскими въ

прошедшемъ году производимыя, умоляли о покровительствѣ Императрицы. Генералъ далъ имъ слѣдующій достопримѣчательный отвѣтъ: » для вашего блага, моя Всемилостивѣйшая Государыня вступаетъ во владѣніе Прусскимъ королевствомъ. Вы будете щастливы подъ ея кроткимъ правленіемъ и я постараюсь сохранить нынѣ существующій порядокъ вещей, который нахожу совершеннымъ, въ его настоящемъ видѣ. » Онъ послалъ съ курьеромъ въ Петербургъ ключи города: далъ аудіенцію дворянству, потомъ былъ большой обѣдъ. Со взятіемъ Кенигсберга Русскіе считали Пруское королевство своею принадлежностію, надѣясь, при заключеніи мира, удержать оное за собою, и признаться должно, что въ продолженіи всей войны, они поступали въ Пруссіи съ умѣренностію, заслуживающею быть примѣромъ подражанія прочимъ.

Члены всѣхъ Департаментовъ были обязаны присягать въ соборѣ, обѣщая ни явно, ни тайно не предпринимать ничего ко вреду Императрицы Россійской. Больные изъ нихъ, произнесли сей обѣтъ на дому. Консисторія получила повелѣніе, чтобы по церквамъ творили, составленныя молитвы о благоденствіи Императрицы. Напослѣдокъ дворянство и граждане были приведены къ присягѣ въ церквахъ, на то опредѣленныхъ. Россійскіе офицеры, сопутствуя туда новыхъ подданныхъ, присутствовали при этой церемоніи.

Были обнародованы торжественные дни, празднуемые Русскими, которымъ велѣно было слѣдовать въ церковномъ Богослуженіи; во время оныхъ прекращались работы; тогда же послѣдовали распоряженія о свободномъ ходѣ торговли, почтъ и прочихъ общественныхъ дѣлъ.

Русскіе взяли въ Кенигсбергѣ и въ Пиллау восемдесятъ воссмь желѣзныхъ пушекъ, множество ядръ, бомбъ, и нѣсколько сотъ боченковъ пороху. Никогда никакое царство не было завоевано столь легко, какъ Пруссія, но также никогда войска, въ упоеніи своихъ успѣховъ, не вели себя съ большею умѣренностію. Вѣнскій Дворъ, въ награду за покореніе Пруссіи, возвысилъ Фермора въ графское достоинство Имперіи и Государыня Россійская утвердила всѣ постановленія, имъ изданныя.

Обитатели Пруссіи, среди сего кроткаго и неожиданнаго обращенія съ ними, казалось забыли своего короля и покорились легко подъ иго своихъ непріятелей: въ Кенигсбергѣ они дѣлали болѣе, сколько того требовалось обстоятельствами: 21-го Февраля, въ день рожденія Великаго Князя Петра, городъ былъ иллюминованъ, сожженъ фейерверкъ и университетъ испросилъ позволеніе, въ своемъ публичномъ залѣ, произнести похвальное слово въ честь наслѣдника Россійской Имперіи. Таковыя иллюминаціи, дѣлавшіяся на счетъ города и различныя

потѣхи и спектакли, были въ употребленіи у Русскихъ. Хотя причины политическія и приказанія, на тотъ предметъ даваемыя, имѣли въ томъ большее участіе, нежели добрая воля жителей, но Фридрихъ не могъ забыть такого поведенія ихъ, и отселѣ никогда нога его не была въ королевствѣ Прусскомъ.

Впрочемъ тамъ господствовало спокойствіе. Управленіе всѣми отраслями общественной экономіи шло своимъ путемъ, безъ всякой перемѣны: доходы королевства достались въ удѣлъ побѣдителю; но начальники Департаментовъ, также какъ и въ Саксоніи, умѣли находить средства, являть своему государю дѣйствительные опыты ихъ усердія и вѣрности. Средства сіи остались тайною для Русскихъ. Напослѣдокъ Ферморъ съ арміею, которой тридцать тысячь подводъ безпрестанно подвозили продовольствіе, выступилъ изъ королевства къ Помераніи и въ курфирстскую Мархію. Тамъ завоеватели сіи не были удерживаемы, по примѣру Пруссіи, Высочайшими повелѣніями, и потому всѣ слѣды ихъ, въ обѣихъ злополучныхъ областяхъ, означались кровію и сожженными селеніями.

Еще до прибытія Русскихъ, армія генерала Доны оттѣснила Шведовъ на предѣлы Помераніи и блокировала Стральзундъ. Но всѣ выгоды сіи уничтожились по приближеніи новаго непріятеля. Трудность, представляющаяся въ полученіи

продовольствія и въ устроеніи магазейновъ, весьма замедлила операціи ихъ войска. Русскіе, не удовольствуясь владѣніемъ Вислы, хотѣли господствовать и на берегахъ Варты. Съ сею цѣлію они овладѣли Позеномъ, главнымъ городомъ великой Польши, Эльбингомъ и Торномъ. Они также хотѣли ввести свои войска и въ Данцигъ, дабы содѣлать оный своимъ главнымъ военнымъ депо, но не получили въ томъ успѣха, ибо жители Данцига, тогда приверженные къ королю Прусскому, рѣшительно отказали въ требованіи Русскихъ, чтобы предоставить ихъ войскамъ занять внѣшнія укрѣпленія города, и пріуготовились, во всякомъ случаѣ, отражать силу силою. Однакоже здѣсь обошлось безъ кровопролитія. Русскіе не могли терять времени: ихъ виды стремились къ центру владѣній короля Прусскаго. Для сего Ферморъ, съ 80,000 человѣкъ, вошелъ въ Померанію и въ новую Мархію и осадилъ Кистринъ. Генералъ Дона, съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, не могъ ему въ томъ воспротивиться. Городъ Кистринъ, съ перваго дня, былъ превращенъ Русскими въ кучу пепла; тамошній большой магазейнъ сгорѣлъ, и жители, лишившись всего своего имущества, едва имѣли время спасти свою бѣдственную жизнь. Они бѣжали на ту сторону Одера и съ горестію взирали оттуда на пожаръ, истреблявшій ими покинутые домы. Большая часть сосѣднихъ обыва-

телей, а другіе и изъ мѣстъ отдаленныхъ, свезли въ Кистринъ все свое лучшее имѣніе, чтобы укрыть оное отъ расхищенія козаковъ. Въ числѣ сихъ вещей находилось множество дорогой цѣны, которыя содѣлались добычею пламени.

Намѣренія непріятелей были не щадить вовсе собственности бѣдныхъ жителей, почему Русскіе продолжали стрѣлять гранатами по всѣмъ частямъ города и даже туда, гдѣ огонь производилъ уже свое опустошеніе. Наконецъ вечеромъ прекратилось сіе безполезное бомбардированіе. По ночью Ферморъ велѣлъ бросить въ городъ всѣ остающіяся гранаты, такъ какъ въ нихъ ему не предстояло надобности во время компаніи. Онъ приказалъ только сберегать ядра для полеваго сраженія.

Не прежде, какъ въ пятый день осады, потребовали отъ коменданта сдать крѣпость, съ тѣмъ, что если онъ сего не исполнитъ, то Ферморъ грозилъ немедлѣннымъ приступомъ и тѣмъ что не пощадитъ гарнизонъ. Комендантъ отвѣчалъ слѣдующее:» однѣ груды развалинъ составляютъ теперь городъ, магазейны сожены, но еще крѣпость въ состояніи хорошемъ и гарнизонъ нисколько не потерпѣлъ. Посему я стану защищаться до послѣдняго человѣка.» И точно онъ защищался на сихъ руинахъ, но не явилъ большой способности въ военномъ искуствѣ. Въ послѣдствіи, когда онъ оправдывалъ себя предъ королемъ, Фридрихъ отвѣчалъ ему: это моя ошиб-

ка; мнѣ бы не слѣдовало васъ избирать комендантомъ.

Но, обративъ все вниманіе свое на приближеніе короля, Русскіе не штурмовали Кистринъ. Генералъ Дона, еще прежде прибытія его, явился на помощь крѣпости, сильно тѣснимой Ферморомъ, навелъ на судахъ мостъ чрезъ Одеръ, и такимъ образомъ открылъ сообщеніе съ городомъ. Тогда предстала удобность всегда смѣнять гарнизонъ.

Оставивъ большую часть войска въ Силезіи, король, съ четырнадцати-тысячнымъ отборнымъ корпусомъ, горѣвшимъ нетерпѣливостію сразиться съ непріятелемъ, коего жестокости и опустошенія, извѣстныя по слухамъ, требовали въ отмщеніе потоковъ крови, шелъ на него форсированными маршами. Ярость Пруссаковъ еще болѣе увеличилась по мѣрѣ того, какъ они, вступая въ разграбленныя земли, увидѣли развалины и кучи пепла еще дымящіяся. Едва узнавали они свою родимую сторону, превращенную въ пустыню. (*) Спѣшили сойтить-

(*) Обязанность моя отвергнуть эту клевету на моихъ соотечественниковъ. Въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ, 1758 года, объявлены непріятельскія нарѣканія, якобы окрестность Цорндорфа была нашими выжжена и жители обоего пола безжалостно умерщвлены, даже не заслуживающими опроверженія; напротивъ тамъ описаны проступки Пруской арміи,

ся съ непріятелемъ; они не вмѣняли ни во что усталость, и, въ наступавшіе жары, довольствовались колодезною водою. Фридрихъ, прошедши шестдесятъ немѣцкихъ миль въ осьмнадцать дней, прибылъ, 21-го Августа, подъ Кистринъ, гдѣ и присоединилъ къ себѣ войска Доны. Онъ перешелъ за Одеръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его

которая принуждала жителей, неучаствующихъ въ войнѣ, принимать оружіе, гдѣ умерщвляли всѣхъ кто, за ранами или почему либо, отлучался отъ арміи, и гдѣ собрали малолѣтныхъ, даже женщинъ для прикрытія обоза. Наши, и безъ того весьма раздраженныя войска, натурально должны были взаимно искоренять и сихъ новыхъ непріятелей, и потому женскій полъ, при обозѣ, напрасно пролитую кровь свою имѣетъ взыскивать съ тѣхъ, кои ихъ толь безчеловѣчно употребили къ такому дѣлу, которое нѣжному ихъ сложенію уже безъ смерти смертію было. Удивительно, что Пруссаки имѣютъ столько времени о всякихъ малыхъ дѣлахъ сотавлять толь великія описанія, такъ заключаютъ наши вѣдомости, когда здѣсь многое и важнѣйшее, могущее служить имъ въ нарѣканіе, умалчивается, и когда, по полученнымъ нынѣ вновь изъ Люзаціи извѣстіямъ, Прусскій фельдмаршалъ, принцъ Морицъ Дессаускій, торжествовалъ мнимую свою подъ Цорндорфомъ побѣду, увѣнчавъ сперва партію гусаръ, имъ самимъ предводительствуемую, смолеными вѣнками, зажегъ оными Ферденъ, великолѣпную, тамо лежащую, деревню Саксонскаго перваго министра графа Бриля. Монументъ достойный Прусскаго человѣколюбія.

См. Санктпетербургскія вѣдомости годъ 1758.

не ожидали. Тогда Ферморъ совершенно перемѣнилъ свой планъ: онъ снялъ осаду Кистрина, обѣ арміи сближались одна къ другой и всѣ были въ готовности къ битвѣ.

Пруссаки являли сильное желаніе сразиться съ непріятелемъ. Злой духъ войны, казалось, воспламенялъ ихъ цѣлую армію. Самъ Фридрихъ, пораженный видомъ страшныхъ опустошеній, зрѣлищемъ людей лишенныхъ всего, всюду скитающихся, казалось, дышалъ однимъ мщеніемъ, которое взяло въ душѣ его верхъ надъ прочими страстями Онъ приказалъ не щадить въ сраженіи ни одного Русскаго; были приняты всѣ мѣры, чтобы отрѣзать непріятеля и вогнать его въ Одерскія болота. Велѣно было сжечь мосты, по коимъ бы они могли бѣжать. Передъ самымъ началомъ битвы Русскіе удостовѣрились, сколь было велико ожесточеніе ихъ непріятелей. Вся противная линія вдругъ вскричала: «*Пруссаки не дадутъ никому пардону.*» *и мы также,* отвѣтствовала армія Русская.

При всемъ томъ, Фридрихъ снова находился въ столь безнадежномъ положеніи, что все зависѣло отъ успѣха настоящей баталіи. Непріятельскія арміи начинали сближаться и отрѣзывали его коммуникаціи съ Эльбою или съ Одеромъ. Французы и войска Имперіи, были на походѣ въ Саксонію, въ которую вступилъ Даунъ съ главною Австрійскою арміею. Шведы,

избавившись Пруссаковъ, не имѣли предъ собою никакого непріятеля и шли на неукрѣпленный Берлинъ. Наконецъ и Русскіе находились въ срединѣ его государства.

Фридрихъ имѣлъ въ предметѣ не одну побѣду, но совершенное уничтоженіе непріятельской арміи: на семъ основывались глубокомысленныя распоряженія его. Въ случаѣ неудачи, ему было открыто свободное отступленіе въ Кистринъ. 25-го Августа была дана великая баталія, не подалеку отъ селенія Цорндорфа, въ коей силы Русскихъ составляли около 50,000, а Пруссаковъ до 30,000 человѣкъ. Послѣдніе открыли дѣло жестокою канонадою. Русскіе образовали весьма большое каре, каковое построеніе они обыкновенно употребляютъ въ войнѣ съ Турками; въ срединѣ онаго помѣстилась ихъ конница, тяжести и резервный корпусъ. Ядра производили ужасное опустошеніе въ этой массѣ людей, устроенныхъ столь невыгоднымъ для нихъ образомъ. Въ одномъ непріятельскомъ гренадерскомъ полку, ядро выхватило сорокъ два человѣка; сіи выстрѣлы произвели большое разстройство въ обозѣ: лошади, закусивши удила, прорывались съ повозками сквозь ряды Русскихъ, которые были принуждены неотлагательно выдвинуть вонъ изъ каре всѣ эти тягости.

Между тѣмъ лѣвое крыло Пруссаковъ столь стремительно понеслось впередъ, что открыло

у себя флангъ; Русская конница воспользовалась симъ движеніемъ, проникнула въ пѣхоту Прусскую и опрокинула нѣкоторые баталіоны. Уже Ферморъ полагалъ, что имъ было выиграно сраженіе: онъ развернулъ, со всѣхъ сторонъ, каре преслѣдовать непріятеля, что было произведено съ громкими кликами побѣды. Но тронувшись впередъ, Русскіе пришли въ великій безпорядокъ. Генералъ Зейдлицъ, между тѣмъ явившійся съ Прусскою кавалеріею, опрокинулъ Русскую конницу, которая бросилась на свою пѣхоту. Другой Прусскій кавалерійскій корпусъ, напавшій на Русскую пѣхоту, рубилъ безъ пощады все ему встрѣчающееся. Нѣсколько драгунскихъ полковъ Прусскихъ не остановились въ пылавшемъ Цорндорфѣ, но сквозь огонь пронеслись къ Русскимъ. Самъ Зейдлицъ, довершивъ пораженіе непріятельской конницы, также слѣдовалъ по тому новому пути побѣды. Тогда Русская пѣхота была атакована съ фронта, во флангъ и съ тыла, и снова началась страшная сѣча. Здѣсь сіи воины явили Прусскимъ зрѣлище, какого доселѣ не видывали примѣровъ. Разстрѣлявши свои патроны, они стояли твердо какъ истуканы. Свѣжіе полки заступали ряды убитыхъ, и, казалось, желали имѣть одинаковую участь съ своими товарищами. Легче было ихъ убивать, нежели принуждать къ бѣгству. И такъ Пруссакамъ не оставалось иного средства, какъ предавать смерти

всѣхъ сопротивляющихся. Все правое крыло Русскихъ было или положено на мѣстѣ, или прогнано въ болота. Часть сихъ бѣжавшихъ достигла своихъ обозовъ, гдѣ они бросились на грабежъ своихъ маркитантскихъ фуръ *и ужасно перепились* водкою. Напрасно Русскіе офицеры приказывали разбивать эти бочки, солдаты падали на землю и глотали въ себя съ пылью напитокъ, толико имъ пріятный; многіе опились до смерти, другіе умерщвляли своихъ начальниковъ, и цѣлыми толпами, какъ бѣшенные, бѣгали по полю тамъ и сямъ, не слушая ничьихъ приказаній.

Таково было положеніе праваго крыла Русскихъ. Уже наступилъ полдень, но на ихъ лѣвомъ крылѣ еще ничего не произошло рѣшительнаго. Теперь оно также было атаковано Пруссаками. Но полки, здѣсь посланные въ дѣло, которые бы могли довершить величайшую изъ побѣдъ, какая когда либо одерживалась, не явили здѣсь своего обыкновеннаго мужества, они забыли славу имени Прусскаго: въ минуту самую рѣшительную, какъ бы чуждаясь своего мужества предъ непріятелемъ усталымъ и полупобѣжденнымъ, въ глазахъ короля, обратились въ бѣгство. Растройство произошло большое, и плоды всѣхъ героическихъ подвиговъ лѣваго Прусскаго крыла казались утраченными. Но Зейдлицъ, съ кавалеріею, прилетѣлъ съ своего побѣдоноснаго крыла: онъ вошелъ въ интервалы, учинившіеся

въ отступающей пѣхотѣ, выдержалъ ужасный ружейный и пушечный огонь и тѣснилъ не только конницу русскую, но даже и часть пѣхоты, доселѣ стоявшую твердо: наконецъ онъ прогналъ къ болотамъ непріятеля, который уже овладѣлъ нѣкоторыми батареями. (*) Лучшіе пѣхотные полки принца Прусскаго, Форкада, Калкстейна, Ассебурга и нѣкоторые гренадерскіе баталіоны, приведенные королемъ, способствовали, въ полной мѣрѣ, къ выполненію сего блестящаго маневра Прусской конницы. Сіи ветераны, прибывшіе съ королемъ, не взирая на ретираду баталіоновъ, поставленныхъ съ ними рядомъ, постоянно подавались впередъ и напослѣдокъ ударили въ штыки на Русскую пѣхоту. Тогда, по недостатку боевыхъ патроновъ, съ обѣихъ сторонъ прекратился огонь, били другъ друга прикладами, кололи штыками, рубились на сабляхъ. Невозможно описать остервенѣнія сражающихся. Тяжело раненые Пруссаки, не помышляя о сохраненіи себя, думали единственно объ умерщвленіи

(*). По реляціи главнокомандующаго на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ это время, генералъ порутчикъ Салтыковъ и графъ Чернышевъ, продкравшимися съ тылу Прусскими гусарами, взяты въ плѣнъ. Командующій лѣвымъ флангомъ, храбрый генералъ Браунъ, весь израненъ, артиллерійскіе генералы, генералъ маіоры: Бороздинъ и Гольнеръ также были здѣсь тяжело ранены.

Переводч.

непріятелей. Нашли одного смертельно *раненаго Русскаго*, который лежалъ на умирающемъ Пруссакѣ и грызъ его зубами. Боровшійся со смертію, не имѣя силъ сбросить съ себя своего врага, принужденъ былъ терпѣть сіе мученіе до тѣхъ поръ, какъ явились его товарищи и закололи этого Каннибала.

Полки Форкада и принца Пруcкаго, встрѣтившіи тяжести и казну русскихъ, захватили большую часть ихъ. Напослѣдокъ, ночь и совершенная усталость обѣихъ армій, положили предѣлъ кровопролитію. Только одни козаки разъѣзжали по полю сраженія, убивая несчастныхъ раненыхъ, которые были безъ всякой защиты.

Обѣ арміи провели всю ночь подъ ружьемъ. Русскіе находились въ страшномъ безпорядкѣ: всѣ полки ихъ были смѣшаны, подобно хаосу. Они уступили бы охотно Пруссакамъ всю честь побѣды, но ретирада имъ была заперта, мосты на всѣхъ рѣкахъ были разрушены. Въ семъ ра стройствѣ Генералъ Ферморъ, вечеромъ, требовалъ перемирія на два или на три дни, подъ предлогомъ похороненія мертвыхъ. Генералъ Дона отвѣчалъ на сіе странное требованіе: король, мой государь, выигравшій сраженіе, прикажетъ похоронить мертвыхъ и перевязать раненыхъ. Онъ также замѣтилъ, что перемиріе, послѣ баталіи, есть вещь совершенно неупотребительная.

На другой день производилась только одна

канонада; король желалъ возобновить битву, но недостатокъ у пѣхоты боевыхъ патроновъ и чрезвычайная усталость кавалеріи, истощившей всѣ свои силы въ сраженіи, заставили отложить это, и доставили Русскимъ возможность выдти изъ ихъ засады. Они отступили къ Ландсбергу, что на Вартѣ, понеся подъ Цорндорфомъ уронъ 19,000 убитыми и ранеными, 3000 плѣнными; у нихъ взято 103 пушки, множество знаменъ, казна и значительное число тяжестей. Пруссаки потеряли 10,000 мертвыми и ранеными и 1400 человѣкъ плѣнными и безъ вѣсти пропавшими; сверхъ того, при ретирадѣ ихъ пѣхоты, у нихъ было отбито 26 орудій.

Сіе неважное число отбитыхъ пушекъ и плѣнныхъ, и что часть Русской разсѣянной арміи отдѣльными частями провела ночь на полѣ сраженія, заставили ихъ генераловъ присвоивать себѣ побѣду; но Русскій генералъ Панинъ (*).

(*) Въ Цорндорфской кровопролитнѣйшей битвѣ, генералъ Петръ Ивановичъ Панинъ получилъ столь сильную контузію въ грудь пулею, что принужденъ былъ оставить поле сраженія, гдѣ подъ нимъ убита и лошадь; но лишь только пришелъ въ чувство, храбрый вождь возвратился въ огонь къ своей дивизіи, которая изъ семи тысячь человѣкъ, бывшихъ въ строю, уже лишилась шести тысячь воиновъ !!! столь убійственъ былъ огонь Пруссаковъ и съ этою горстію людей удержалъ позицію до окончанія дѣла (За штурмъ Бендеръ, 15 Сентября 1770 года, графъ Петръ

при семъ случаѣ откровенно выразился: правда мы остались властелинами поля сраженія, но или мертвые, или раненые, или пьяные.

Ферморъ, не смотря на требованное имъ позволеніе похоронить мертвыхъ, отправилъ ко всѣмъ Дворамъ и въ союзныя арміи съ извѣстіемъ объ одержанной имъ побѣдѣ. Подобная политика была въ большомъ употребленіи въ семилѣтнюю войну; одни Пруссаки пренебрегали подобными изворотами. Претерпѣвали ли они пораженіе—въ томъ сознавались откровенно, въ несомнѣнной надеждѣ, новыми подвигами вознаградить свою утрату. Такъ мыслилъ Фридрихъ и всѣ генералы его арміи. Они предоставили побѣжденному утѣшать себя мысленно неправдоподобными извѣстіями, а сами, какъ должно, пользовались побѣдою. Король, выигравшій баталію при Цорндорфѣ, преслѣдовалъ непріятеля до Ландсберга. Онъ столь совершенно былъ увѣренъ въ его слабости, что оставилъ неболь-

---

Ивановичъ былъ награжденъ Екатериною Великою, орденомъ Св. Георгія 1-й степени.)

Въ сей битвѣ у насъ ранены: главнокомандующій генералъ Ферморъ, генералы Браунъ, Князь Долгоруковъ, Олицъ, принцъ Любомирскій, Леонтьевъ, Языковъ, Бороздинъ, Гольнеръ и бригадиръ Федоръ Уваровъ, который умеръ 19 Августа; нижнихъ чиновъ 11,788 человѣкъ. Армія наша оставила на мѣстѣ сраженія 89 полковыхъ пушекъ безъ лошадей и безъ лафетовъ.

шой корпусъ генерала Доны наблюдать Фермора Другія войска снова отправились противъ Шведовъ, а самъ Фридрихъ возвратился въ Саксонію, гдѣ присутствіе его становилось необходимымъ.

Король великодушно почтилъ заслуги Зейдлица, объявя торжественно, что сему генералу онъ обязанъ выигранною побѣдою. Но онъ не щадилъ и своей особы, ибо подался столь далеко въ непріятельскій огонь, что многіе адъютанты его и пажи возлѣ его были ранены или убиты.

Воспоминаніе о *жестокостяхъ Русскихъ* на нѣкоторое время погасило въ солдатахъ и поселянахъ Прусскихъ всякое чувство человѣколюбія и сожалѣнія, такъ что много тяжелораненыхъ Русскихъ, оставленныхъ безъ всякаго призрѣнія на полѣ битвы, они кидали въ ямы и зарывали вмѣстѣ съ мертвыми. Напрасно злощастные бились между мертвыми, стараясь разметывать ихъ и подниматься, другіе трупы, на нихъ бросаемые, тяжестію своею навѣчно отверзали, для дышущихъ еще, страшную могилу....

Между тѣмъ Австрійцы старались употребить въ свою пользу сіе отсутствіе короля. Они начали наступательныя дѣйствія, въ которыхъ ихъ многочисленная армія обѣщала несо-

мнѣнные успѣхи. Все зависѣло отъ быстроты ихъ операцій.

Силезскія дефилеи, охраняемыя войсками и многія тамошнія крѣпости, представляли имъ затрудненія, для преодолѣнія коихъ требовалось много времени, а потому операціи ихъ въ сей провинціи содѣлались для нихъ предметомъ второстепеннымъ. Саксонія являлась для нихъ такимъ полемъ, на которомъ гораздо легче было пожинать лавры. Герцогъ Цвейбрикскій съ Имперскою арміею соединился съ Дауномъ, въ сей странѣ расположеннымъ со всѣми своими войсками. Все угрожало Пруссакамъ потерею толико полезной провинціи. Принцъ Генрихъ, прикрывающій оную слабымъ корпусомъ, былъ принужденъ уступить силамъ превосходнымъ и ретировался къ Дрездену. Проэктъ Дауна былъ овладѣть сею столицею, вытѣснить всѣхъ Пруссаковъ изъ Саксоніи или совершенно истребить ихъ, наконецъ отрѣзать королю коммуникацію съ Эльбою; для выполненія такого плана слѣдовало только удерживать сего страшнаго непріятеля какъ можно долѣе въ его собственныхъ владѣніяхъ. Въ слѣдствіе чего Даунъ писалъ генералу Фермору вовсе не вступать въ сраженіе съ королемъ, симъ хитрымъ непріятелемъ, (это его собственное выраженіе) котораго онъ еще не знаетъ, но ограничиться дѣйствіемъ оборонительнымъ дотолѣ, какъ будетъ очищена Сак-

сонія. Курьеръ, съ сими депешами посланный, былъ захваченъ Пруссаками, и Фридрихъ, послѣ Цорндорфской баталіи, отвѣчалъ Дауну:» Вы основательно предостерегали генерала Фермора отъ хитраго непріятеля, который вамъ извѣстенъ лучше, нежели ему, потому что онъ, хотя держался твердо, но все таки былъ побитъ.»

Принцъ Гейнрихъ, полагаясь на дѣятельность Фридриха, разными маневрами старался удерживаться противу толико многочисленныхъ войскъ. Онъ имѣлъ въ томъ успѣхъ. Имперскія войска осадили и взяли Зонненштейнъ; Прусскій комендантъ струсилъ и сдался военнопленнымъ съ 1,400 человѣкъ. Даунъ, имѣвшій цѣлію Дрезденъ, приблизился къ оному городу, имѣвшему незначительныя укрѣпленія и малое число войскъ для обороны. Благоразуміе и рѣшимость тамошняго коменданта, графа Шметтау, дополнили всё. Онъ дѣлалъ видъ, что зажжетъ великолѣпныя предмѣстья, въ коихъ находились домы о шести и семи этажахъ, господствовавшіе надъ крѣпостными валами. Это намѣреніе повергло Дворъ и весь городъ въ чрезвычайнѣйшій ужасъ. Раздался всеобщій вопль, когда стали наполнять зданія удобогорючими веществами. Шметтау предъявлялъ гражданамъ свою крайность и долгъ защищаться: онъ объявилъ, что Саксонцы, въ качествѣ непріятелей, вовсе не могутъ ожидать отъ него никакого предпочтенія къ столи-

цѣ ихъ государя, если сами ихъ союзники упускаютъ изъ виду уваженія. Даунъ угрожалъ отмстить пожаръ городскихъ форштатовъ самымъ жестокимъ образомъ и, при взятіи города, не пощадить ни одного Пруссака. Шметтау отвѣчалъ, что, въ послѣдней крайности, онъ станетъ защищаться въ улицахъ; что королевскій дворецъ будетъ его послѣднею стѣною и что онъ погребетъ себя подъ развалинами онаго зданія. Дѣйствительно, онъ предполагалъ наполнить дворецъ порохомъ, силою привести туда главныхъ придворныхъ и государственные чины и на половинѣ наслѣднаго принца, среди трепещущей королевской фамиліи, ожидать событій непріятельскаго покушенія. Подобная угроза, впрочемъ едва ли могущая совершиться, весьма была кстати, чтобы не возъимѣть своего дѣйствія. Даунъ отступилъ отъ Дрездена, а Шметтау не тронулъ форштатовъ. Удобозагарающіяся вещества изъ домовъ были выбраны и граждане успокоились.

Чрезвычайное превосходство силъ Австрійцевъ и Имперскихъ войскъ, обратило союзниковъ къ новымъ и обширнѣйшимъ предначертаніямъ. Они замыслили учинить нападеніе на принца Гейнриха въ одно время съ фронта и въ тылъ и совершенно уничтожить его корпусъ. Непріятельскіе генералы имѣли нѣсколько совѣщаній о семъ предметѣ, какъ соединеніе короля

съ принцемъ Гейнрихомъ, вдругъ измѣнило планъ ихъ. Онъ нетерпѣливо хотѣлъ сразиться, чтобы летѣть на помощь Силезіи, имѣвшей малое число войскъ, которая потому и находилась въ большой опасности. Непріятели собирали контрибуціи въ сей провинціи и держали въ осадѣ Нейссъ и Козель. Фуке, съ 4,000 корпусомъ Пруссаковъ, стоялъ окопавшись близъ Ландсгута, и былъ не въ состояніи дѣйствительно препятствовать движеніямъ толико многочисленнаго непріятеля. Даунъ тщательно избѣгалъ генеральнаго дѣла, ограничиваясь затруднять маршъ короля въ Силезію, отдѣльными войсками выгодно располагая ихъ. Онъ учредилъ свой главный лагерь близъ Столпена: высоты, покрытыя прудами, лѣсомъ и болотами, образовали сіе мѣсто въ Саксоніи самою неприступнѣйшею позиціею. Главнокомандующій и всѣ его войска были преисполнены мужества, желали сразиться, имѣли другъ къ другу взаимную довѣренность: въ этомъ лагерѣ, при звукѣ трубъ и громѣ всей артиллеріи, батальномъ ружейномъ огнѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ войска, былъ отправленъ благодарственный молебенъ, о мнимой Цорндорфской побѣдѣ. Одни только просвѣщенные люди, въ арміи Дауна бывшіе, сомнѣвались въ такомъ извѣстіи, коего достовѣрность опровергалась прибытіемъ короля и разрушеніемъ всѣхъ проэктовъ Австрійцевъ.

Разные Австрійскіе корпуса были выбиты изъ ихъ позицін и происходило множество ошибокъ. Хотя путь въ Силезію былъ открытъ для Пруссаковъ, но, не взирая на это, Даунъ пребывалъ неподвижно въ своемъ лагерѣ. Фридрихъ, между тѣмъ, не терялъ надежды заставить его обратиться назадъ въ Богемію, отрѣзавши его транспорты и истребивъ магазейны. Имперскія войска его весьма мало тревожили, ибо у нихъ явился недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ, почему въ скоромъ времени имъ и слѣдовало отступить. Расчитывая сіе, король занялъ лагерь при Бауценѣ. Армія его, утомленная безпрерывными движеніями въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, имѣла потребность въ отдохновеніи, и между тѣмъ, наступило время столь суровое, что пѣхота была принуждена дѣлать въ шалашахъ печки, а конница конюшни изъ хворосту. Лучше всего можно судить о настоящемъ положеніи арміи и королѣ, по письму его, въ началѣ Октября, къ лорду маршалу (*) писанному, въ коемъ онъ упоминаетъ: до тѣхъ поръ пока не выпадетъ снѣгъ, мнѣ должно не дремать. Какъ бы охотно я промѣнялъ половину той славы, о которой вы мнѣ говорите, на малое спокойствіе!

Напослѣдокъ, обѣ арміи перемѣнили положеніе. Даунъ опять избралъ крѣпкую позицію въ

(*) Братъ фельдмаршала Кейта,

недальнемъ разстояніи отъ своего прежняго лагеря; Пруссаки расположились близъ Гохкирхена. Прусскій генералъ Ретцовъ забылъ занять одну гору; ошибка его была причиною одного изъ величайшихъ событій, поставившаго короля на край гибели, но гдѣ, при всемъ томъ, явилъ онъ свой героизмъ самымъ блестящимъ образомъ. Австрійцы тотчасъ вошли на незанятыя горы и сильно укрѣпились тамъ. Они представили имъ такія чрезвычайныя выгоды, что Даунъ, при всей своей осторожности, рѣшился схватить короля въ его лагерѣ. Этотъ планъ приписываютъ Лаудону. Онъ былъ составленъ благоразумно и выполненъ съ твердостію и энергіею. Все содѣйствовало его успѣху. Обѣ арміи стояли столь близко одна къ другой, что правое крыло Пруссаковъ находилось на пушечный выстрѣлъ отъ непріятельскаго лагеря. Множество легкихъ войскъ, въ составѣ арміи Австрійской бывшихъ, особенно годились для внезапнаго удара, и перестрѣлка, которую они, не унимаясь, вели день и ночь, могла маскировать большія ихъ предначертанія. Пруссаки, предводительствуемые Фридрихомъ, привыкши атаковывать всегда сами, не думали о возможности нападенія Дауна, котораго позиціи никогда не считались крѣпкими, когда онъ находился вблизи сего страшнаго непріятеля. Даунъ зналъ его предпріимчивый духъ, которому ничто не казалось не возможнымъ, и бы-

строту съ какою могли Пруския войска устроиться въ боевый порядокъ и идти въ битву. Потому-то, не взирая на превосходныя, имъ принятыя, мѣры, онъ надѣялся извлечь свои пользы преимущественно изъ безпечности Фридриха и его армiи.

Король между тѣмъ очень хорошо видѣлъ всю невыгоду своего положенiя, но для него казалось предосудительнымъ и совершенно излишнимъ ретироваться. (*) Посѣдѣвшiй подъ ору-

---

(*) Король былъ обманутъ ложнымъ извѣстiемъ лазутчика, котораго онъ, большими деньгами, подкупилъ въ Австрiйской армiи, чтобы доставлять извѣстiя. Лазутчикъ употреблялъ слѣдующее средство: онъ посылалъ въ Прусскiй лагерь корзинку съ яицами и очистивъ одно изъ нихъ, въ скорлупу его клалъ свои письма. Къ нещастiю короля, графъ Даунъ встрѣтилъ человѣка, носившаго корзину и спрося у него что онъ продаетъ? приказалъ ему отнести яица на свою кухню. Здѣсь объяснилась вся тайна, но Даунъ, желая воспользоватся открытiемъ сего случая и еще болѣе усыпить безпечность Фридриха, тотчасъ потребовалъ къ себѣ, переписывавшагося съ непрiятелемъ, Маiора Шольнера (какъ утверждаютъ), обѣщалъ даровать ему жизнь съ условiемъ, чтобы тотъ писалъ къ королю то, что фельдмаршалъ ему прикажетъ. Сiе въ полной мѣрѣ удалось. Король былъ извѣщаемъ, что Австрiйское войско скоро предприметъ ретираду въ Богемiю, и сiя довѣренность къ изъстiямъ ложнымъ была причиною гибели его армiи подъ Гохкирхеномъ. Такъ объясняетъ *Ретцовъ* историкъ Семилѣтней войны, писавшiй послѣ Архенгольца.

жіемъ фельдмаршалъ Кейтъ, сказалъ ему: si les Autrichiens nous laissent tranquilles dans ce camp, ils mériteront d'être pendus, если Австрійцы оставятъ насъ здѣсь въ покоѣ, то за это должно будетъ ихъ повѣсить (*) Фридрихъ возразилъ ему: il faut espérer qu'ils nous craindront plus encore que la corde, (я надѣюсь, что мы для нихъ страшнѣе виселицы,») (**) Однакожь послѣ онъ рѣшился перемѣнить сію позицію, лишь только въ его армію прибудутъ транспорты съ продовольствіемъ. Ночь съ 14-го на 15-е Октября назначалась для сего выступленія, и такъ жизнь многихъ тысячь человѣкъ зависѣла отъ разности одного дня.

13-го, ночью, всѣ колонны Австрійской арміи тронулись изъ лагеря, внезапно атаковать Пруссаковъ. Генералъ о Доннель велъ авангардъ ихъ изъ 4 баталіоновъ и 36 эскадроновъ состоящій, за нимъ слѣдовали съ шестнадцатью баталіонами генералъ Зинцеръ, а за симъ, съ восмнадцатью

(*) Кейтъ не зналъ по-нѣмецки. Составленные планы компаній, нарочно для него переводились на Французскій языкъ.

(**) Фридрихъ крайне заблуждался. Въ лагерѣ графа Дауна всѣ вообще принимали Гохкирхенскую позицію Пруссаковъ, знакомъ презрѣнія къ Австрійскимъ войскамъ, для нихъ крайне оскорбительнаго. Начиная съ фельдмаршала, говорили Австрійскіе генералы, должно будетъ всѣхъ насъ выгнать изъ службы, ежели такое хвастовство оставимъ безъ наказанія.

Переводч.

баталіонами-жъ, генералъ Форгачь. Корпусъ Лаудона, расположенный почти позади непріятельскаго лагеря, былъ усиленъ четырмя баталіонами и пятнадцатью эскадронами, къ коимъ примкнула, въ послѣдствіи, вся кавалерія лѣваго Австрійскаго фланга. Самъ Даунъ велъ пѣхоту на этомъ крылѣ. Всѣ сіи войска, и еще нѣкоторые корпусы не столь сильные, назначались атаковать съ тыла и съ фронту правое крыло Пруссаковъ. Герцогъ Арембергскій, съ двадцатью тремя баталіонами и тридцатью двумя эскадронами, долженъ былъ наблюдать ихъ лѣвый флангъ, и ударить на оный не прежде, когда непріятель всюду будетъ побитъ. Въ авангардѣ находились охотниками гренадеры, позади кирасиръ посаженные на коняхъ; они спѣшились, по близости Прусскаго лагеря, выстроились, и пошли впередъ.

Австрійцы, не снимая палатокъ, разложили у себя въ лагерѣ огни какъ обыкновенно. Множество рабочихъ всю ночь рубили лѣсъ, пѣли пѣсни, безпрестанно перекликаваясь взаимно, дабы такимъ образомъ препятствовать Прусскимъ постамъ, въ самой близости къ нимъ расположеннымъ, открыть движеніе ихъ войска. По, несмотря на то, сіе не могло ускользнуть отъ неусыпности Прусскихъ гусаръ, и королю дано знать, что въ лагерѣ Дауна происходитъ что то необыкновенное. Фридрихъ прежде усумнился

въ достовѣрности этихъ извѣстій, но какъ самое то же подтвердилось и другими рапортами, онъ и относилъ тѣ движенія не къ атакѣ Австрійцевъ, а къ инымъ предначертаніямъ Дауна. Генералы Зейдлицъ и Цитенъ, находившіеся при королѣ, въ минуты столь рѣшительныя, желали вывести его изъ сомнѣнія и напослѣдокъ успѣли испросить приказъ, чтобы нѣсколькимъ бригадамъ быть въ готовности и многимъ кавалерійскимъ полкамъ сѣдлать лошадей. Но сіе повелѣніе было отложено до утра и тогда люди предались сну безъ всякаго опасенія.

Еще до разсвѣта, когда пробило пять часовъ въ селеніи Гохкирхенѣ, непріятель сталъ показываться у Прусскаго лагеря. Охотники, изъ самыхъ смѣлыхъ солдатъ составленные, полками или кучами явились у Прусскихъ аванпостовъ, выдавая себя дезертирами. Число ихъ столь скоро и до такой степени все увеличивалось, что они тотчасъ могли опрокинуть ближайшіе къ себѣ аванпосты и караулы. Корпуса арміи Австрійской слѣдовали въ близкомъ разстояніи за авангардомъ и вдругъ, съ разныхъ сторонъ, колоннами вошли въ лагерь. Нѣкоторые королевскіе полки, были пробуждены отъ сна выстрѣлами изъ ихъ собственныхъ пушекъ, ибо непріятель, оставивъ большую часть своей артиллеріи позади, быстро овладѣлъ Прусски-

ми батареями и изъ нихъ орудій открылъ огонь по Прусскому лагерю.

Никогда храбрыя войска не находились въ толико ужаснѣйшемъ положеніи какъ нынѣ Пруссаки, безпечно предавшіеся покою подъ эгидою всегда бодрствующаго Фридриха; внезапно сильнымъ непріятелемъ атакованные посреди ихъ лагеря, гдѣ мечь и огонь пробуждалъ воиновъ для того, дабы погрузить ихъ въ сонъ смерти. Была ночь и смятеніе превосходило всякое выраженіе. Какія минуты, какое привидѣніе ночное явилось тѣмъ храбрымъ воинамъ! Австрійцы, какъ бы изъ подъ земли вышедшіе, среди знаменъ ихъ, въ самомъ святилищѣ ихъ стана! Нѣсколько сотъ человѣкъ были умерщвлены въ палаткахъ, прежде нежели они могли воспрянуть отъ сна, другіе едва одѣтые выбѣгаютъ къ оружію. Нѣкоторые только успѣваютъ найти свое собственное оружіе, большая часть хватаютъ, которое имъ ближе и летятъ въ свои ряды.

Тогда-то самымъ разительнымъ образомъ явилось на опытѣ все превосходство удивительной дисциплины. Въ сіи роковыя минуты, когда всякая оборона кажется дерзостію, когда каждый солдатъ долженъ единственно помышлять о бѣгствѣ и спасать свою жизнь, общая гибель была бы жребіемъ всякой другой арміи. Самыя лучшія войска Европы, наиболѣе привыкшіе къ

побѣдѣ, здѣсь обрѣли бы конецъ своимъ подвигамъ и гробъ своей славѣ, ибо здѣсь храбрость учинила бы немного, но дисциплина дѣлала все: военные клики, съ быстротою электрическаго огня, раздались въ лагерѣ Пруссаковъ: каждый выбѣгаетъ изъ своей палатки и въ нѣсколько минутъ, не взирая на неизъяснимый безпорядокъ, большая часть пѣхоты и кавалеріи устроилась уже въ ордеръ баталіи. Образъ непріятельской атаки заставилъ баталіоны дѣйствовать частями. Со всѣхъ сторонъ они кидались на противниковъ, во многихъ мѣстахъ тѣснили ихъ, въ другихъ должны были уступать силѣ. День, который начиналъ показываться, не уменшилъ разстройства, ибо густой туманъ покрылъ сражающихся. (*) Прусская конница, подъ начальствомъ Зейдлица, разъѣзжала на всѣ стороны, горя желаніемъ ознаменовать себя новыми подвигами. Въ темнотѣ она не знала гдѣ отыскать ей враговъ если и гдѣ случайно находила ихъ, тамъ начиналось ужас-

---

(*) Туманъ былъ столь густъ, говоритъ Темпельгофъ, что онъ, будучи артиллерійскимъ унтеръ офицеромъ у своей батареи, былъ поваленъ на землю прикладомъ Австрійскихъ гренадеръ, изъ за палатокъ пробравшихся къ батареи. Дрались на штыкахъ и въ четырехъ шагахъ нельзя было различать предметовъ. Своя конница выручила сего, въ послѣдствіи знаменитаго военнаго писателя.

ное убійство. Одинъ кирасирскій полкъ Шенейха опрокинулъ цѣлую линію Австрійской пѣхоты, и взялъ плѣнныхъ около 500 человѣкъ.

Пруссаки защищались въ пылавшемъ Гохкирхенѣ съ особеннымъ мужествомъ. Казалось, побѣда зависѣла отъ овладѣнія этимъ селеніемъ, и потому Даунъ упорно атаковалъ его свѣжими войсками; имъ предлежало побѣдить только шесть сотъ Пруссаковъ, которые, разстрѣлявши всѣ свои патроны, рѣшились пробиваться. Но очень не многіе изъ сихъ храбрыхъ свершили сіе благополучно; всѣ прочіе или были убиты, изранены, или взяты въ плѣнъ. Цѣлые Прусскіе полки заступили ихъ и вытѣснили непріятеля изъ селенія. Тогда начался бой наикровопролитнѣйшій. Герцогу Францу Брауншвейгскому ядромъ оторвало голову, фельдмаршалъ Кейтъ убитъ въ грудь пулею (*) и герой

(*) Яковъ Виллимовичъ Кейтъ, родомъ Шотландецъ, находился, прежде Семилѣтней войны, въ службѣ Россійской генераломъ и подполковникомъ, Лейбъ гвардіи Измайловскаго полку, былъ кавалеромъ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго. Онъ оказалъ важныя услуги нашему отечеству, какъ военачальникъ и знаменитый государственный человѣкъ. По худымъ поступкамъ съ нимъ канцлера графа Бестужева Рюмина просилъ отставки. (въ 1743.) ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА, всячески отклоняла его отъ

испустилъ духъ, не произнеся ни единаго слова, фельдмаршалъ, принцъ Морицъ Дессаускій, также получилъ смертельную рану. Пруссаки, атакованые съ фронта и въ тылъ, должны были уступить и Австрійская конница врубилась въ отборнѣйшіе полки Прусской пѣхоты. Самъ король повелъ новыя войска на непріятеля, который былъ опрокинутъ другой разъ, но кавалерія Австрійская снова уничтожила этотъ успѣхъ.

Напослѣдокъ туманъ разсѣялся и тогда открылось обѣимъ арміямъ поле битвы, устланное трупами и безпорядокъ на ономъ всюду царствующій.

сего намѣренія, писала къ нему весьма милостивыя письма, послала ему Андреевскій орденъ, прибавила жалованье и тѣмъ преклонила остаться въ службѣ. Но поступки мстительнаго Бестужева, вѣроятно подстрекаемаго Дворомъ Австрійскимъ, о чемъ ниже упоминается, принудили Кейта вновь просить увольненія, и тогда уже никакія обѣщанія удержать его не могли.

Кейтъ начальствовалъ корпусомъ Русскихъ войскъ въ арміи Лассія, посланнымъ ИМПЕРАТРИЦЕЮ АННОЮ ІОАННОВНОЮ, въ 1735 году, на Рейнъ, для вспоможенія ИМПЕРАТОРУ Карлу VI. По вступленіи въ Силезію, войска сіи были представлены на смотръ Императорскимъ комисарамъ, въ числѣ коихъ находился генералъ лейтенантъ Баронъ Гаслингеръ. Окончивъ смотръ, Баронъ не могъ скрыть своего высокомѣрія и, проѣзжая корпусъ Кейта, объявилъ имъ свою похвалу и благодарность, но

Но насмурный день и мѣстное положеніе препятствовали Пруссакамъ развернуть по правиламъ ихъ тактику, а заставляли ихъ сражаться такимъ

въ рѣчи сей, ИМПЕРАТРИЦУ титуловалъ *Царицею.* Кейтъ отвѣтствовалъ ему такою же рѣчью, упоминая въ оной *объ Эрцъ-Герцогѣ* Австрійскомъ, и не говоря ни слова объ ИМПЕРАТОРѢ; генералъ Русскій увѣрялъ г. коммиссара, что ИМЕРАТРИЦА его ГОСУДАРЫНЯ, всегда себѣ будетъ вмѣнять въ особенное удовольствіе вспомоществовать Украйнѣ. Будучи отозванъ отсюда въ Финляндскую армію Кейтъ понесъ съ собою общее уваженіе Малороссовъ, съ коими онъ жилъ только одинъ годъ, любившихъ его за справедливость, твердость, благородный и открытый его характеръ. Когда онъ выѣзжалъ изъ Глухова, всѣ граждане и люди всѣхъ сословій весьма о немъ жалѣли: они говорили, что Дворъ лучше бы никогда не давалъ имъ такого правителя, который показалъ разность между собою и своими предмѣстниками, или давъ его имъ единожды, не долженъ былъ бы ихъ лишать онаго. Не задолго предъ началомъ Семилѣтней войны, въ присутствіи Прусскаго короля, говоритъ историкъ Ретцовъ, Кейтъ выхвалялъ храбрость Русскихъ и великодушное ихъ обращеніе съ непріятелями. Фридрихъ, прервавъ его съ жаромъ, возразилъ:» Московитяне, суть дикія орды: «они никакъ немогутъ противустоять войскамъ хорошо устроеннымъ.» Кейтъ, какъ тонкій придворный, не опровергая мнѣнія короля, со всевозможнымъ Англинскимъ хладнокровіемъ, возразилъ ему:» безъ сомнѣнія, Ваше Величество будете имѣть случай узнать короче сихъ дикарей.»

Переводч.

строемъ, какъ позволяли обстоятельства. Тогда съ обѣихъ сторонъ стали строиться въ новый боевой порядокъ. Австрійцы находились въ такомъ растройствѣ, что было видно, какъ они тысячами и большими толпами блуждали на высотахъ Гохкирхенскихъ. Даунъ, не взирая на всѣ полученныя имъ выгоды, не надѣялся однако же побѣдить такую армію, которая устояла сверхъ всякаго чаянія, на которую хотя былъ нанесенъ ударъ внезапно, среди ночи, среди глубокаго сна войска, но которая противустояла столь долго и твердо въ туманѣ и которая, лишившись большей части своихъ генераловъ, являла готовность снова возобновить наикровопролитнѣйшій бой.

Дѣйствительно таково было намѣреніе Фридриха, какъ герцогъ Аренбергскій съ своею страшною дивизіею, въ густотѣ тумана обошелъ во флангъ короля, бросился на лѣвое крыло Пруссаковъ, опрокинулъ нѣсколько тысячь человѣкъ и отбилъ одну изъ главныхъ батарей ихъ. Этотъ случай рѣшилъ битву. Король, снова атакованный съ фронта и въ тылъ, среди величайшаго кровопролитія, устроилъ свои храбрыя когорты и послѣ самаго упорнаго боя, пять часовъ продолжавшагося, началъ ретироваться. Страшный огонь изъ пушекъ и линіи конницы, слѣдующія въ большихъ дистанціяхъ на Белгерискую равнину, прикрывали сіе отступленіе,

позади которой строилась побѣжденная пѣхота. Австрійская армія находилась въ столь великомъ растройствѣ, что не могла тревожить непріятеля. Впрочемъ Даунъ уже показалъ въ Коллинѣ свое правило, что должно строить золотой мостъ бѣгущему непріятелю.

Отступленіе Фридриха продолжалось недолго. Онъ расположился, въ полумили отъ поля сраженія, на Шпицбергенскихъ горахъ съ полками, потерявшими большую часть артиллеріи, обозовъ, палатокъ, и которые потому должны были стоять подъ открытымъ небомъ. У нихъ не было ни пороху, ни ядръ, сихъ первѣйшихъ потребностей войскъ Европейскихъ: если бы произошло въономъ положеніи новое генеральное дѣло, оно представило бы тѣ древнія битвы, когда человѣкъ сражался противу человѣка, и гдѣ все зависѣло отъ силъ тѣлесныхъ. При всемъ томъ, позиція короля находилась толико выгодною, средства, ему остающіяся ни во что вмѣнять всякую новую опасность, толь многообразны, и войска его, хотя побѣжденныя, казались еще до такой степени страшными, что Даунъ не помыслилъ атаковать его въ другой разъ.

Армія Прусская, въ несчастный Гохкирхенскій день, кромѣ своихъ обозовъ, потеряла болѣе

ста пушекъ и 9,000 человѣкъ. Австрійцы имѣли уронъ въ семь тысячь убитыми и ранеными. (*)

Король подвергалъ себя величайшимъ опасностямъ, подъ нимъ была убита лошадь, и два пажа подлѣ него лишились жизни. Окруженный неприятелемъ, въ селеніи Гохкирхенѣ, чуть было онъ не попался въ плѣнъ, но его выручили храбрые гусары, при немъ находившіеся. Присутствуя всюду, гдѣ только была кровопролитная сѣча, Фридрихъ, казалось, вовсе не дорожилъ своею жизнію. Его умъ и великія способности никогда не являлись толико блестящими, какъ среди сей ночи, которая не токмо не умалила его славы, но придала ей еще новый блескъ.

Доселѣ удивлялись сему государю, среди арміи занимающемуся управленіемъ дѣлъ государственныхъ, подобно какъ во время мира работающему относительно внутреннихъ распоряженій своихъ областей, который излагалъ постановленія твердыя и наилучшимъ образомъ соображенныя, государю, который, въ день рѣшительной битвы, писалъ французскіе стихи, издавалъ законы или разсматривалъ государственные отче-

---

(*) По реляціямъ у Пруссаковъ было отбито 101 пушка разнаго калибра, 2 штандарта, 8 знаменъ, палатки и большая часть тяжестей. Сраженіе началось въ 5 часовъ утра и кончилось въ 10 часовъ до полудня.

Переводч.

ты; побѣдителю Лиссы, на поляхъ Силезскихъ явившему тактику, подобную Греческой, уничтожившему тамъ сильную и старую армію. Но сей единственный государь, въ глазахъ философа, историка, и наблюдателя, никогда не является болѣе великимъ, какъ въ Гохкирхенѣ, внезапно атакованный, разбитый, но непобѣжденный, собирающій свои, отъ сна пробужденные, полки, противуставляющій ихъ страшному и превосходному въ силахъ неприятелю, который уже находился посреди его стана и исторгнулъ себѣ побѣду; видѣвшій въ эти роковыя минуты гибель своего искренняго друга, и теперь предоставленый самому себѣ, поддерживаемый единственно силою своего духа и принимавшій самыя основательныя мѣры. Они удивляются сему государю, среди битвы и между потоковъ крови, дающему устройство войску смѣшанному, сражавшемуся пять часовъ, напослѣдокъ отступившему въ самомъ большомъ порядкѣ, и въ семъ безнадежномъ положеніи, безъ пушекъ, безъ снарядовъ, безъ обозовъ, заставляющему неприятеля еще страшиться себя, и скоро потомъ находившемуся въ возможности освободить осажденныя крѣпости. Таковый государь заслуживаетъ быть удивленіемъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Многіе старые полки, которые сражались для побѣды и никогда не претерпѣвали еще пора-

женія, въ Гохкирхенѣ, были принуждены показать тылъ непріятелю. Безъ сего дня, хотя оный покрылъ войска Прусскія славою, какой бы не доставили имъ десять выигранныхъ баталій, эти полки сохранили бы имя непобѣдимыхъ. Нѣкоторые старые ихъ офицеры, привыкшіе къ побѣдѣ, имѣли столь возвышенныя мысли о чести воина, что, не желая уступить превосходной силѣ, предпочли пасть отъ меча непріятелей; были между ними и такіе, коихъ силою должно было увлекать съ мѣста сраженія, которые не хотѣли пережить сей злополучный день, жертвуя собою богу браней

Австрійцы выиграли Гохкирхенскую побѣду въ день имянинъ Маріи-Терезіи, и какъ въ Католическихъ земляхъ есть въ обыкновеніи, въ такіе дни посылать подарки, то Даунъ исполнилъ сію обязанность, отправивъ къ своей государынѣ извѣстіе о пріобрѣтенныхъ имъ успѣхахъ. Она отблагодарила его за этотъ, такъ называемый, букетъ цвѣтовъ самымъ милостивымъ письмомъ. Папа Климентъ XIII, принимая равномѣрно участіе въ сей побѣдѣ, пожаловалъ фельдмаршалу кардинальское достоинство и освященный мечъ, да онымъ вящше поражаетъ еретиковъ.

Никогда Даунъ не былъ осмотрительнѣе и не принималъ болѣе предосторожностей, какъ послѣ сего счастливаго событія. Тогда онъ избралъ весьма крѣпкую позицію и до такой степени усилилъ

укрѣпленія новаго лагеря, что оный былъ неприступнымъ; онъ пренебрегъ всѣми случаями вредить непріятелю, чтобы воспользоваться своею побѣдою. Фридрихъ употребилъ съ пользою для себя сіе дорогое время: онъ истребовалъ къ себѣ, частію изъ Дрездена, частію изъ арміи принца Гейнриха, снаряды, необходимые для арміи и продовольствіе. Онъ распорядился на счетъ прибытія къ себѣ новыхъ транспортовъ, усилилъ себя 6,000 человѣкъ, истребованныхъ отъ своего брата, и былъ въ готовности слѣдовать въ Силезію.» Даунъ позволилъ намъ уйдти «сказалъ онъ при семъ случаѣ, еще дѣло непо-«теряно; отдохнувши нѣсколько дней, мы вы-«ступимъ освободить Нейссъ.

Но ему представлялось преодолѣть великія затрудненія. Какъ лагерь его былъ наполненъ больными, а всѣ раненые въ сраженіи Пруссаки, находились въ Бауценѣ, то и должно было перевести ихъ въ другое мѣсто, прикрыть Саксонію, и фальшивыми контръ-маршами обмануть непріятеля, занимавшаго войсками путь въ Силезію. Все сіе было произведено съ успѣхомъ: съ 25-го Октября, спустя одиннадцать дней послѣ Гохкирхенской баталіи, Фридрихъ былъ уже на полномъ походѣ въ оную провинцію, съ такими силами, что Даунъ потерялъ вовсе надежду удержать его походъ. Онъ послалъ многочисленный корпусъ, чтобы затруднять его маршъ.

Лаудонъ явилъ здѣсь всю свою неусыпность, располагая иногда свои легкія войска по ущеліямъ, чтобы удерживать Пруссаковъ, иногда, съ выгодныхъ позицій, открывая противъ нихъ сильный пушечный огонь; не рѣдко онъ выходилъ изъ лѣсовъ, съ стремительностію потока нападая на непріятеля. Во всѣхъ сихъ дѣлахъ ему удалось только отхватить нѣсколько понтоновъ и часть обоза.

Австрійскій генералъ Гаршъ осаждалъ Нейссъ. Эта крѣпость имѣла слабый гарнизонъ, по примѣру всѣхъ прочихъ Прускихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, кои, по надобностямъ людей въ дѣйствующія войска, были недостаточно снабжены ими. Гаршъ, судя по отдаленности короля и Прус-арміи, скойсначала разсчитывалъ, что ему скоро удастся взять сію важную крѣпость. Послѣ потери Гохкирхенскаго сраженія, Европа щитала и Нейссъ также потеряннымъ для Фридриха.

Освобожденіе крѣпостей отъ осадъ бываетъ обыкновенно слѣдствіемъ побѣды или какого иного счастливаго событія; но чтобы Фридрихъ, побитый, окруженный сильными арміями, удаленный слишкомъ за 40 Нѣмецкихъ миль, явился на помощь Нейссу, это было подвигомъ неимовѣрнымъ и обмануло общее ожиданіе всѣхъ народовъ. По тринадцатидневномъ маршѣ, 5-го Ноября, король былъ въ трехъ миляхъ отъ сей крѣпости. Это было все, что только требо-

валось, дабы выполнить его планъ. Гаршъ, въ день прибытія короля на ту позицію, снялъ осаду и ретировался въ Моравію, покинувъ множество военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Съ 4-го числа Августа Нейссъ былъ въ обложеніи, а 5-го Октября открыли по немъ канонаду, но храбрость гарнизона содѣлала тщетными всѣ непріятельскія нападенія.

Крѣпость Козель, доселѣ блокируемая Австрійцами, также была освобождена отъ нихъ, и вся Силезія теперь была очищена отъ непріятелей. Такимъ образомъ окончилась компанія въ этой провинціи, но Даунъ, съ большою арміею, стоявшій въ Саксоніи, защищаемой незначущимъ корпусомъ войскъ, надѣялся, до окончанія зимы, произвести въ ней великія завоеванія.

Европа пребывала въ ожиданіи послѣдствій Гохкирхенской битвы, но не открывалось никакихъ слѣдовъ ихъ; впрочемъ не упустила составить разные планы, дабы воспользоваться успѣхами сей побѣды. Три отдѣльные корпуса должны были въ одно время овладѣть Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Торгау. Даунъ самъ шелъ на Дрезденъ, твердо рѣшившись выполнить свое намѣреніе, не такъ какъ было въ послѣдній разъ. Правда, что для обороны Саксоніи былъ оставленъ слабый корпусъ, но въ немъ господствовала примѣрная дѣятельность. Генералъ Финкъ на самой вещи командовалъ симъ корпусомъ,

хотя, по виду, войска стояли въ повелѣніяхъ старшихъ его генераловъ Гильзена и Итценплица, которые, не взирая что Финкъ былъ младшимъ, искали стяжать себѣ честь въ славѣ своего отечества и дѣйствовали соображаясь съ желаніемъ Фридриха. Они повиновались велѣніямъ своего государя и отдавали должное уваженіе превосходнѣйшимъ свѣденіямъ генерала, службою не столь стараго какъ они.

Чтобы отразить слишкомъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, въ Дрезденѣ были приняты всѣ мѣры и усиленъ тамошній гарнизонъ. Комендантъ онаго, графъ Шметтау, нашелся въ горестной необходимости сжечь форштаты. Королевская фамилія, конечно ослѣпленная несбыточными надеждами, казалось, взирала слишкомъ спокойно на сію опасность. Зданія изящной архитектуры, въ предмѣстіяхъ Дрездена построенныя, поставили его въ число самыхъ великолѣпныхъ городовъ Европы. Большая часть тамошнихъ домовъ принадлежали или знатнымъ особамъ, или были заняты разными мануфактурами, которыя, своимъ изяществомъ, доказали на какую высочайшую степень достигло искуство Саксонцевъ. При Дворѣ принимали совершенно равнодушно угрозы Шметтау: по приближеніи непріятеля предать все сіе пламени. Но когда Австрійцы начали дѣйствительно подходить и Пруссаки сняли свои аванпосты, утромъ 10-го

Ноября, былъ данъ страшный сигналъ зажигать городъ.

Во всѣхъ комнатахъ или въ промежуткахъ огромныхъ зданій, между прекрасными украшеніями и мебелями отличнаго вкуса и работы, разставили удобозагарающіяся вещества. Граждане разбѣжались и только весьма немногіе изъ нихъ имѣли духъ остаться, чтобы спасать свои драгоцѣнности, судя потому, сколько успѣли найти повозокъ, лошадей или носилокъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, 266 домовъ и 5-ть человѣкъ содѣлались добычею пламени....

Даунъ изумился, увидя пожаръ Дрездена: онъ послалъ спросить у Шметтау, ужели, по приказанію своего короля, онъ рѣшился на дѣло толико неслыханное между христіанами, грозя ему оставить оное на полной его отвѣтственности? Шметтау представилъ свой долгъ защищать городъ, ему ввѣренный, до послѣдняго человѣка, ссылаясь на общія правила войны. Онъ удостовѣрилъ Австрійскаго главнокомандующаго, какъ сдѣлалъ и прежде, что станетъ драться изъ улицы въ улицу до послѣдняго человѣка, и напослѣдокъ погребетъ себя въ развалинахъ дворца курфирста.

Тогда Даунъ обратился къ пріуготовленіямъ, чтобы осадить Дрезденъ по формѣ, но получа непріятное для себя извѣстіе объ освобожденіи Нейсса и о ретирадѣ Австрійской арміи въ Мо-

равію, онъ оставилъ свое намѣреніе и отступилъ отъ города. Но какъ тонкій придворный, онъ объявилъ, что отходитъ собственно изъ уваженія къ королевской фамиліи; въ официяльномъ же своемъ донесеніи ко Двору онъ упомянулъ, что другія важнѣйшія причины заставили его перемѣнить свой планъ: причины сіи заключались въ приближеніи короля.

Австрійцы также не имѣли успѣха въ своихъ предпріятіяхъ противъ Лейпцига и Торгау. Прусскіе генералы Дона и Ведель освободили отъ нихъ оба сіи города, почти въ одно время. И такъ войскамъ Императрицы королевы и Имперской арміи, оставалось отступить въ Богемію; они очистили и Зонненштейнъ ими занимаемый. Даунъ растянулъ цѣпь изъ своихъ войскъ, поставленныхъ на зимнія квартиры, столь безконечную, какую не видывали въ Германіи: сначала она шла по Силезской и Саксонской границамъ, Имперскія арміи продолжали ее чрезъ Франконію и Тюрингенъ, гдѣ примкнули къ Французамъ, господствовавшимъ на Рейнѣ и по Майну до Швейцарской границы.

Удаленіе короля, послѣ Цорндорфской баталіи, дало Руссимъ полную свободу продолжать ихъ военныя дѣйствія, и они обратились къ Колбергу. Покореніе сей крѣпости для нихъ было необходимо, дабы учредить въ ней свой главный магазейнъ для внутреннихъ Прусскихъ

областей. Русскіе льстились скоро принудить сдаться тамошній слабый гарнизонъ, а Колбергскій портъ представлялъ имъ всѣ удобства для подвозу запасовъ продовольствія. Участь Помераніи нынѣ зависѣла отъ 700 милиціонныхъ солдатъ, составляющихъ Колбергскій гарнизонъ, командуемыхъ инвалиднымъ маіоромъ Гейденомъ; но этотъ комендантъ Гейденъ, не принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ военныхъ людей. Онъ учинилъ наилучшія распоряженія защищаться, явивъ на дѣлѣ свою твердость и особенную предпріимчивость.

Русскій генералъ Пальмбахъ, съ 16,000 корпусомъ, осаждалъ сію крѣпость, и, по прошествіи пяти дней, овладѣлъ покрытымъ путемъ. Храбрость коменданта и гражданъ защищавшихся, которые дрались какъ старые солдаты, остановила дальнѣйшіе ихъ успѣхи, не смотря на то, что осаждающіе получали каждый день подкрѣпленія и возобновляли атаки всегда свѣжими войсками: все сіе было безполезно и чрезъ девятнадцать дней, они были принуждены снять осаду. Послѣ сего неудачнаго покушенія, Русскіе выступили изъ Помераніи и Бранденбурга, и расположились на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и частію въ Пруссіи. Это отступленіе ихъ дало возможность генералу Донѣ выступить съ своею арміею въ Саксонію и освободить Лейпцигъ.

Въ продолженіи сей компаніи дѣянія Шведовъ,

хотя усиленныхъ 5600 человѣкъ пѣхоты и 2000 конницы, были столь же ничтожны, какъ и прошедшаго года. Бездѣйствіе сихъ войскъ и стыдъ, который оно навело на нихъ, содѣлало ихъ посмѣшищемъ въ глазахъ ихъ союзниковъ, ихъ непріятелей, и даже самихъ ихъ соотечественниковъ. Дѣйствительныя причины бездѣйствія Шведовъ, о коихъ выше упомянуто, тогда были извѣстны весьма немногимъ изъ людей частныхъ; въ Стокгольмѣ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, смѣялись надъ тѣми малодушными воинами. Они совершенно уничтожили характеръ, нѣсколько столѣтій ими ознаменованный великодушныхъ непріятелей, они обезчестили своими низкими дѣяніями духъ народный, и самыя военныя доблести націи. Лишь только отойдутъ откуда Прусскія войска, Шведы бросаются на чрезмѣрный грабежъ и другія чрезвычайности едва вѣроподобныя. Сверхъ зажигательства ими деревень и убійствъ беззащитныхъ жителей, они грабили по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, чрезъ которые проходили, не оставляя несчастнымъ обывателямъ никакого прокормленія, они затаптывали въ землю, или выкапывали изъ оной посѣвъ хлѣба. Они послали сильные отряды въ Мекленбургъ, владѣніе, состоящее съ ними въ союзѣ, силою требовать разныя для себя поставки, какъ въ непріятельской землѣ. Мирный трактатъ между Петербургскимъ и Стокгольскимъ Дворами, срокъ котораго

истекалъ въ нынѣшнемъ году, былъ возобновленъ еще впредь на двѣнадцать лѣтъ.

Между тѣмъ, какъ въ Октябрѣ Бранденбургъ былъ совершено очищенъ отъ всѣхъ войскъ, Шведы поставляли предметомъ своего любочестія, взять Берлинъ. Они уже были въ 5-ти миляхъ отъ сего столичнаго города, какъ генералъ Ведель обратилъ въ бѣгство сихъ непріятелей, которыхъ Пруссаки загнали подъ пушки Стральзунда. Шведы, чтобы прикрыть свою ретираду, оставили большой корпусъ въ Фербеллинѣ, что въ Мархіи. Но Это мѣсто, памятное Шведамъ, по разбитію ихъ тамъ при Курфирстрѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ, теперь немедлѣнно было атаковано и взято приступомъ Пруссаками. Часть гарнизона была предана смерти, другая взята въ плѣнъ.

Всѣ непріятельскія Державы прекратили теперь свои военныя дѣйствія: въ половинѣ Декабря мѣсяца, уже не было непріятелей въ Силезіи, Саксоніи, Бранденбургѣ и Помераніи. Фридрихъ, разбитый въ Октябрѣ, владѣлъ Саксоніею, и господствовалъ надъ Эльбою и Одеромъ; въ семь недѣль времени изъ Саксоніи онъ совершилъ походъ въ Силезію, изъ оной провинціи обратился опять въ Саксонію, и снова устремился въ Силезію. Нейссъ, Козель, Дрезденъ, Лейпцигъ, Торгау и Колбергъ, въ это небольшое пространство времени, были освобождены отъ

осады. Ежели сіи быстрыя движенія изумляютъ незнакомыхъ съ его тактикою, тѣмъ болѣе кажутся онѣ удивительными людямъ военнымъ, которые знаютъ, изъ опытовъ, всю затруднительность большимъ арміямъ находиться въ безпрестанномъ движеніи. Маршалъ Белиль тогдашній министръ Версальскаго Двора, вовсе исключилъ изъ своего плана эти Прусскіе марши и контръ—марши, по неудобоисполнительности ихъ. Онъ говорилъ:» хотя король Прусскій и дѣлаетъ ихъ; но Французская армія не то, что челнокъ у ткача.» Австрійцы составляли въ Богеміи и Моравіи новыя предначертанія. Русскіе, возвратившись въ Пруссію и Польшу, заботились о заготовленіи для себя запасовъ продовольствія, Имперскія войска страстно добивались отдохнуть на зимнихъ квартирахъ въ серединѣ Германіи, а Шведы, видя свою собственную Померанію въ рукахъ Пруссаковъ, подъ пушками Стральзунда искали своей безопасности

Компанія противу Французовъ равномѣрно была весьма примѣчательна. Въ началѣ сего года, Ришелье сдалъ главное начальство надъ Французскою арміею графу Клермону. Новый главнокомандующій былъ духовнаго чина, невидавшій никогда не токмо арміи въ совокупности, но даже смотра оной. Но какъ ловкій придворный умѣлъ понравиться маркизѣ Помпадуръ, которая, въ качествѣ королевской любимицы, совершенно

управляла Лудовикомъ XV и королевствомъ. Чтобы вознаградить преданность къ себѣ Клермона, она повысила его на степень генерала и отправила въ Германію поддержать честь Французскаго оружія, противу величайшаго изъ полководцевъ Европы. Всѣ пришли въ немалое удивленіе, узнавъ на кого палъ тотъ выборъ. Фридрихъ, услыша сію новость сказалъ: » вотъ увидите, что Клермона скоро произведутъ Парижскимъ архіепископомъ. »

Клермонъ нашелъ армію, начальству его ввѣряемую, въ самомъ дурномъ положеніи. Маркизъ Гаврингкуръ, Французскій посланникъ въ Стокгольмѣ, по сему случаю, изъясняется въ письмѣ маркизу Монталамберу такимъ образомъ:» невоз- «можно представить себѣ того разстройства, «въ которомъ Клермонъ нашелъ свои войска: «нѣтъ тамъ ни въ чемъ вовсе никакого порядка, «ни въ распредѣленіи полковъ по квартирамъ, «ни попечительности о будущемъ, не принято ни- «какихъ мѣръ для содержанія и продовольствія «ихъ. Словомъ: тамъ во всемъ недостатокъ. Новый главнокомандующій доносилъ королю сими словами: «я нашелъ армію Вашего Величества «раздѣлившуюся на три части, весьма несход- «ныя между собою: первую на землѣ, соста- «вленную изъ грабителей и мародеровъ, вто- «рую въ землѣ и третью въ госпиталяхъ.» Въ заключеніе онъ испрашивалъ повелѣній короля:

слѣдуетъ ли ему отступить съ первымъ войскомъ или ожидать, дабы и оно соединилось съ двумя прочими.

Принцъ Фердинандъ, не давая времени Клермону исправить свое положеніе, пошелъ въ Ганноверъ; непріятель всюду абращался предъ нимъ въ бѣгство, кидалъ своихъ больныхъ, множество артиллеріи и тяжестей. Одинъ Графъ Шобо защищалъ свой постъ на Везерѣ близъ Гойя до тѣхъ поръ, какъ Брауншвегскій наслѣдный принцъ, по упорномъ сопротивленіи, выбилъ его оттуда, взявши 1500 плѣнныхъ. Сіе дѣло было первымъ опытомъ юнаго принца и путеводителемъ къ тѣмъ главнымъ подвигамъ, которые, въ послѣдствіи времяни, поставили Брауншвейга въ число знаменитѣйшихъ генераловъ нашего вѣка. Послѣ ему было предназначено отмстить за Оранскій домъ, и почти безъ выстрѣла смирить высокомѣрную Голландію.

Взятіе Гойя открыло путь въ Ганноверъ къ Целю и въ Брауншвейгъ. Легкія войска союзниковъ опрокидывали всѣхъ, ими встрѣчаемыхъ, непріятелей. Среди сего смятенія и неустройства, множество Французовъ содѣлались жертвою Ганноверцовъ, за насилія ихъ питавшихъ къ нимъ злобу. Въ восемь дней вся Ганноверская область была очищена отъ непріятеля, который поспѣшно ретировался на Рейнъ, покидая свои магазейны, дабы облегчить свое безпорядочное

отступленіе. Клермонъ оставилъ на жертву въ Минденѣ четыре тысячи человѣкъ. Сіе мѣсто было обложено и, по шестидневной осадѣ, гарнизонъ взятъ военноплѣннымъ, при чемъ достались и большіе магазейны. Французы остановились при Везелѣ, куда ихъ главнокомандующій перенесъ свою главную квартиру, переправивъ на тотъ берегъ Рейна большую часть своей арміи. По недостатку конницы въ арміи Фердинанда, гдѣ только находилось нѣсколько Ганноверскихъ и Гессенскихъ кавалерійскихъ полковъ, Британскій Парламентъ постановилъ: отправить конницу въ Германію, а также усилить Фердинанда и пѣхотой. Эмбденъ былъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для предполагаемой высадки войскъ, но этотъ городъ былъ въ рукахъ Французовъ. Открывая пользу Эмбденскаго порта, они учредили здѣсь свой сборный пунктъ, большіе запасные магазейны, и поставили 3800 человѣкъ гарнизона.

Сей планъ ихъ также совершенно былъ уничтоженъ. Два военные Англинскіе корабля явились блокировать тамошнюю гавань, и гарнизонъ, опасаясь быть атакованнымъ вмѣстѣ съ сухаго пути и съ моря, принялъ намѣреніе очистить городъ. Отступленіе сіе стоило ему большой потери: Англинскія канонерскія лодки, Прусскіе гусары и Ганноверскіе егери, старались превзойти другъ друга въ смѣлости нападеній на Французовъ; множество изъ убѣгающихъ

было побито и взято въ плѣнъ. Больные и раненые были предоставлены ихъ собственному жребію. Союзники успѣли взять значительное число обозовъ, аммуниціи и знатные магазейны, при чемъ были освобождены и заложники, взятые Французами. Въ поспѣшномъ бѣгствѣ своемъ Французы забыли отозвать свой гарнизонъ изъ крѣпостцы Вехте, по близости Эмбдена лежащей, который равномѣрно былъ взятъ военноплѣннымъ съ артиллерійскимъ паркомъ, въ коемъ находилось сто орудій.

Еще Пруссаки, Австрійцы, Русскіе, Шведы, и Имперскія войска стояли на зимнихъ квартирахъ, какъ въ Мартѣ мѣсяцѣ всѣ они были свидѣтелями разбитія и преслѣдованія Французовъ, уносимыхъ своими побѣдами, изъ одной провинціи въ другую. Вся Сѣверная Германія освободилась отъ этихъ пришельцевъ и театръ войны совершенно измѣнился. Только одинъ Везель оставался въ ихъ власти, но, Фердинандъ имѣлъ въ виду взять и сей городъ, а Французовъ прогнать за Рейнъ. Но прежде приведенія своего плана въ дѣйствіе онъ расположилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ въ Вестфаліи и ожидалъ прибытія къ себѣ Англинской конницы.

Французская нація, еще помня постыдное сраженіе подъ Розбахомъ, была до крайности уничижена новымъ измѣненіемъ дѣлъ своихъ.

Армія Французская бѣжала отъ горсти Нѣмцевъ, собранныхъ на скорую руку, не имѣвшихъ конницы, которые, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ этимъ, были разбиты Французами и на которыхъ взирали они съ презрѣніемъ, а нынѣ заключенная въ тѣсномъ углу земли, принужденная, на условіяхъ самыхъ уничижительныхъ, прекратить военныя дѣйствія для того, чтобы обрѣсти свое спасеніе. Это было слишкомъ оскорбительно для гордости Французовъ. Они уже полагали видѣть Фердинанда за Рейномъ, въ сердцѣ Франціи, даже у воротъ Парижа, и, чтобы остановить его, приняли всѣ средства: войска, внутри государства расположенныя, приведены были въ движеніе; имъ повелѣвалось какъ наискорѣе спѣшить на подкрѣпленіе Рейнской арміи, пограничныя крѣпости приведены были въ оборонительное состояніе, и наконецъ, дабы пробудить духъ народа, который желалъ болѣе мира, нежели войны, распустили слухъ, что, при посредничествѣ Испаніи, скоро миръ будетъ заключенъ.

Управляющій Версальскимъ кабинетомъ герцогъ Белиль обратилъ особенное вниманіе свое на источники зла. Онъ заключилъ многихъ офицеровъ въ Бастилію, насылалъ самыя строжайшія повелѣнія шефамъ полковъ Французской арміи, но и эти мѣры министра, на пользу службы принятыя, частію не выполнили своей цѣли:

зло пустило столь глубоко свой корень, что могло быть пресѣчено только совершенными преобразованіями воинскаго устава, ибо ни на маршѣ Французской арміи, ни въ лагеряхъ ихъ, даже на полѣ сраженія, не было ни субординаціи, ни дисциплины или порядка, и субалтерные офицеры, возили за собою любовницъ: шла ли армія походомъ, за нею слѣдили прелестницы въ экипажахъ, другія изъ нихъ ѣхали въ однѣхъ каретахъ вмѣстѣ съ своими милыми, которые кидали своихъ подчиненныхъ, дабы предаться пріятностямъ любви. Въ лагеряхъ Французскихъ представлялось взору все, чѣмъ роскошь ослѣпляетъ въ великолѣпныхъ столицахъ, отъ самыхъ необходимыхъ вещей до предметовъ утонченнаго вкуса; тамъ находили большія лавки и магазейны съ шелковыми матеріями, модами, духами, парасолями, кошельками для волосъ и коробочками съ мушками. Въ арміи принца Субиза, которая не превышала тогда 50,000 человѣкъ, кромѣ офицерскихъ обозовъ, находилось 12000 повозокъ, принадлежащихъ купцамъ и маркитантамъ. Въ гвардейскомъ корпусѣ одинъ эскадронъ герцога Вильруа, изъ 139 человѣкъ сформированный, имѣлъ при себѣ 1200 лошадей, изъ которыхъ бо́льшая часть были употреблены подъ эскадронный обозъ. Такое непомѣрное число тяжестей весьма затрудняло продовольствіе войска; оно

увеличивало безпорядокъ въ лагеряхъ на походѣ и останавливало движенія арміи. Въ самыхъ лагеряхъ ихъ давались балы и нерѣдко караульный офицеръ, на время, бросалъ свой постъ, лишь бы въ сосѣдней палаткѣ протанцовать менуетъ; издѣвались надъ повелѣніями генераловъ и исполняли оные тогда, когда оные, по разсужденіи ихъ, были кстати или не слишкомъ затруднительны.

Графъ Сен-Жерменъ, будучи старшимъ изъ Французскихъ генераловъ (въ послѣдствіи бывшій фельдмаршаломъ Датской службы и военнымъ министромъ во Франціи), подалъ собою явный примѣръ неподчиненности: состоя тогда въ чинѣ генералъ лейтенанта, и начальствуя отдѣльнымъ 10,000 корпусомъ, онъ поссорился съ маршаломъ Броліо, не захотѣлъ быть въ его зависимости и напослѣдокъ, безъ предварительнаго донесенія своему главному начальнику, самовольно бросилъ свой корпусъ, не принявъ никакихъ мѣръ къ безопасности онаго. Для него казалось достаточнымъ объяснить письменно маршалу мѣсто, въ которомъ были оставлены войска ему ввѣренныя. Преступленіе такого роду, то есть въ высшей степени военная измѣна, не произвела никакого впечатлѣнія, ни въ войскѣ, ни во Франціи; въ Парижѣ говорили про Сен-Жермена « онъ вышелъ въ отставку » нація, столь ревнительная

къ своей чести, здѣсь не разсуждала ни о дѣлѣ, ни объ обязанностяхъ къ достоинству оной и къ отечеству. При Дворѣ и въ Парижѣ ограничивались не хвалить это своевольство Сен-Жермена, о которомъ, въ Прусскихъ арміяхъ, одно только помышленіе щиталось бы за самое важное преступленіе.

Французы своими дѣйствіями, мыслями, столь противными правиламъ и военнымъ обыкновеніямъ Нѣмцевъ, сдѣлались столь презрительными въ глазахъ Нѣмецкихъ армій, что никакъ не могли внушить имъ получить о себѣ выгодное мнѣніе, не взирая на свою храбрость, ловкость и любовь къ славѣ: великія событія укоренили этотъ предразсудокъ. Встрѣчаетъ ли Фридрихъ гдѣ французовъ, онъ весьма легко и тотчасъ выигрываетъ у нихъ большія сраженія. Фердинандъ зимою сосредоточиваетъ свои разсѣянныя войска и въ нѣсколько недѣль, почти безъ выстрѣла, гонитъ Французовъ въ два раза слишкомъ сильнѣйшихъ, нежели онъ, и уже упоенныхъ своими побѣдами до береговъ Рейна; они бѣгутъ, всюду бросаютъ свои магазейны, и спасаютъ единственно жизнь свою. Французскія войска, пришедшія на Рейнъ, находились въ семъ гибельномъ положеніи, изнуренныя отъ голоду и усталостей, въ рубищахъ, ибо всѣ потребности, дѣйствительно для нихъ необходимыя, и которыя доставляли имъ

купцы и маркитанты, дѣлались всюду добычею легкихъ войскъ Фердинанда. Французы терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и сокрушались о пудрѣ для своихъ волосъ, которой также у нихъ не было.

Веселость, впрочемъ, не покидала сіи войска. Они пѣли аріи, рѣзвились, и, идучи походомъ, одѣвались въ шутовскія платья. Имъ позволяли разныя вольности, щитаемыя, въ прочихъ арміяхъ, непристойными. Французскіе солдаты, воткнувши хлѣбъ на штыкъ, такъ и несли ружье на плечѣ, а на шпагу или тесакъ привѣшивали кусокъ мяса. Они любили носить изъ бумаги вырѣзанные манжеты, а многіе, за неимѣніемъ чулокъ, надѣвали сапоги просто на босую ногу.

Но при всемъ томъ ни въ одной арміи не примѣчалось большей веселости какъ у Французовъ, которая не прерывалась днемъ и ночью, ни въ лагеряхъ, ни на походѣ, въ случаяхъ несчастныхъ и среди торжества успѣховъ. За недостаткомъ другихъ спектаклей, раздѣвали по поясъ развратныхъ женщинъ и гоняли ихъ сквозь строй; наказаніе, изобрѣтенное собственно для одного увеселенія и тѣмъ еще страннѣйшее, что солдатъ Французскихъ никогда не наказывали тѣлесно, какъ бы они не провинились.

Все сіе еще болѣе содѣйствовало усилить пренебреженіе въ Нѣмецкихъ войскахъ къ Французамъ, когда либо оказываемое въ такой степени народу совершенно храброму. Германцы, въ самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ, не утаивали своихъ чувствованій, и вотъ одинъ разительный примѣръ тому. Прусскій гусаръ былъ взятъ Французами и приведенъ въ лагерь. Клермонъ желалъ съ нимъ говорить, ибо полонить Прусскаго гусара, въ то время, щиталось большою рѣдкостію. Плѣнный былъ чернаго полку: черная ихъ одежда и мертвая голова на киверахъ, символъ гроба, придавали этому страшилищу, съ острою саблею въ рукахъ, видъ грозный. Черные гусары сіи были всегда ужасомъ для самыхъ храбрѣйшихъ Французскихъ полковъ. По слухамъ, при чьемъ либо малѣйшимъ сопротивленіи гусары сіи не давали никому пардону и сила этого мнѣнія столь глубоко вкорѣнилась, что цѣлыя полки убѣгали передъ малымъ числомъ ихъ; не рѣдко одинъ черный гусаръ, щитаемый за адскаго выходца, приводилъ въ лагерь много плѣнныхъ.

Французскій генералъ имѣлъ съ плѣннымъ гусаромъ разговоръ, о коемъ мы упомянули, чрезъ переводчика. На вопросъ: гдѣ стоитъ Фердинандъ, гусаръ отвѣчалъ «тамъ, куда «не пойдете его атаковать» спрашивали сколь велика армія его короля? Онъ сказалъ: «най-

дите ее и потомъ сосчитайте, если у васъ достанетъ духа.» Клермонъ не токмо не оскорбился такою смѣлостію, но она понравилась ему, и онъ приказалъ спросить гусара, много ли у короля такихъ солдатъ какъ онъ? человѣкъ съ мертвой головою отвѣчалъ: «я самый послѣдній, иначе я не былъ бы теперь у васъ въ плѣну.» Найти подобныя чувствованія не во Франціи, было загадкою для Французовъ. Клермонъ приказалъ гусару возвратить свободу и далъ ему луидоръ. Пруссакъ принялъ, но, при глазахъ сего генерала, отдалъ его одному Французскому солдату, объявивъ, что онъ ни чемъ не хочетъ быть одолженнымъ врагамъ своего отечества. Ему предлагали офицерскій чинъ, ежели вступитъ въ ихъ службу: гусаръ отвѣчалъ съ презрительною усмѣшкою, что онъ Пруссакъ.»

Подобныя черты характеризируютъ духъ народа и вѣка. Чувствованія толико благородныя въ простомъ солдатѣ, могли образоваться не иначе, какъ отъ общихъ правилъ націи и мнѣнія общества. Потому и этотъ поступокъ не изумилъ Нѣмцевъ, хотя сдѣлался гласнымъ, но имя Пруссака героя, осталось неизвѣстнымъ.

Долгъ историка повѣствовать о такихъ произшествіяхъ: долгъ для него пріятный, если оныя приносятъ честь его отечеству, но онъ

не долженъ преходить молчаніемъ о великихъ и великодушныхъ поступкахъ и непріятелей. Французскій генералъ, маркизъ д'Армонтьеръ, стольже великодушный какъ маркизъ де Буйлле, въ послѣднюю войну прославившійся своими побѣдами въ западной Индіи, взялъ одинъ весьма знаменитый городъ въ Ганноверѣ. Дворянство и граждане онаго, отправили къ нему депутатовъ, умаливая его милосердіе. Д'Армонтьеръ отвѣчалъ имъ: «Милостивые государи! я прибылъ сюда не съ тѣмъ чтобы дѣлать «вамъ добро; но будьте увѣрены, что причиню «вамъ зла столь мало, сколько это мнѣ будетъ «возможно.» онъ сдержалъ свое слово.

Великіе, благородные и самые изумительные подвиги, въ продолженіи сей войны на опытѣ являемые въ частности, были нечужды Французамъ; здѣсь у мѣста упомянуть объ одномъ изъ тѣхъ дѣлъ, умалчивая въ которомъ году и когда именно сіе происходило: кавалеръ д'Асса, молодой Французскій офицеръ Овернскаго полка, командуя отрядомъ, ночью, среди лѣса, внезапно былъ настигнутъ союзниками. Было темно и онъ очутился въ отдаленіи отъ своего отряда. Онъ видитъ, что самъ одинъ находится окруженнымъ непріятельскими солдатами. Штыки ихъ, приставленные къ груди его, готовые пронзить его, угрожаютъ офицеру вѣрною смертію, при малѣйшемъ шумѣ, если онъ сдѣлаетъ; вели-

кій Конде сказалъ: » укажите мнѣ опасность, ко-«торой нельзя избѣжать и я вострепещу ». Ничто не могло спасти офицера, если бы крикомъ своимъ онъ извѣстилъ товарищей о непріятелѣ и даже смерть его не сберегла бы и ихъ жизни, но д'Асса помышлялъ только о своемъ долгѣ, онъ вскричалъ: «Оверицы! здѣсь непріятель» и, съ симъ словомъ, палъ пронзенный штыками. Ежели Деціи, въ битвахъ добровольно жертвовали собою, то они были побуждаемы къ тому мыслію спасти, въ критическія минуты, отчизну, въ увѣренности на удивленіе къ нимъ Рима, имѣть статуи, храмы, получить безсмертіе. Д'Асса, рожденный въ неизвѣстности, не имѣлъ таковыхъ побужденій, но, въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, отдалъ себя на смерть вѣрную!

Обращаюсь теперь къ продолженію Исторіи. Фердинандъ, давши нѣкоторый отдыхъ войскамъ на зимнихъ квартирахъ, открылъ компанію, располагая перенести войну, ежели не въ нѣдра Франціи, то на предѣлы сего королевства. Но какъ Французская армія собрана была на Рейнѣ и частію занимала выгодное положеніе, то переправа чрезъ сію большую рѣку была слишкомъ опасна и подвержена невѣроятнымъ усиліямъ и трудностямъ. Но все это счастливо совершилось. Въ ночи 1-го Іюня, союзники у Клева переправились черезъ Рейнъ, одна часть по мосту, другая на плоскодонныхъ судахъ. Ферди-

нандъ горѣлъ желаніемъ сразиться, но Клермонъ, хотя имѣвшій армію гораздо превосходную числомъ, всемѣрно избѣгалъ баталіи, а укрѣпился около Ринфельдена, гдѣ атаковать его была бы дерзость. Слѣдовало понудить его на отступленіе искусными маневрами, что и удалось герцогу Брауншвейгскому. Черезъ 15-ть дней, послѣ переправы за Рейнъ, открыли Французскую армію, занимающую равнины при Крефельдѣ, гдѣ и произошло, 23-го Іюля, сраженіе. Французы были разбиты и обращены въ бѣгство съ потерею 7500 человѣкъ, союзники лишились 1500 убитыми и ранеными. Въ Крефельдскомъ дѣлѣ все зависѣло отъ овладѣнія однимъ лѣсомъ, въ который Брауншвейгскій наслѣдный принцъ проникнулъ съ пѣхотою, и, послѣ самаго упорнаго бою, три часа продолжавшагося, вытѣснилъ оттуда непріятеля. Французская конница весьма пострадала въ этой битвѣ отъ Прусскихъ драгунъ, которые жестоко мстили за насмѣшки, выдуманныя на щетъ ихъ Французами. Здѣсь лишились Французы графа Жисора, единственнаго сына герцога Белиля, молодаго человѣка рѣдкихъ достоинствъ и подававшаго о себѣ великія надежды. Жисоръ смертельно раненый, умеръ на рукахъ Брауншвейгскаго наслѣднаго принца, который его зналъ, и любилъ какъ друга. Фердинандъ, оставшись побѣдителемъ, поѣхалъ осматривать поле

сраженія и чрезвычайно былъ тронутъ при видѣ множества мертвыхъ тѣлъ. Онъ сказалъ офицерамъ, поздравлявшимъ его съ побѣдою: «десятый разъ въ моей жизни, я вижу такое «зрѣлище. Дай Богъ, чтобъ это было и по-«слѣдній!

Послѣ сего сраженія союзники осадили Дюссельдорфъ, гдѣ Французы имѣли свой главный магазейнъ. Чрезъ 6-ть дней городъ сдался. Бомбы и гранаты произвели въ немъ большіе пожары. Это извѣстіе разлило страхъ по Франціи: Бастилія наполнилась и Клермонъ былъ отозванъ. Дофинъ желалъ начальствовать надъ войскомъ, но сіе было отринуто. Диссельдорфскому гарнизону предоставлялся свободный выходъ, но всѣ запасы продовольствія и воинскіе снаряды достались побѣдителямъ.

Между тѣмъ приняли нужныя мѣры сохранить честь Франціи: арміи получили на укомплектованіе рекрутъ и всѣ потребности, генераламъ посланы новыя наставленія, маршалъ Контадъ, генералъ опытный, былъ назначенъ главнокомандующимъ на Рейнѣ, а Субизу повелѣно непремѣнно войти въ Гессенскія владѣнія, отъ коихъ Фердинандъ былъ далеко, и потому завоеваніе сей провинціи казалось не затруднительнымъ. Оно въ одно время заставило бы союзниковъ удалиться отъ Рейна. Субизъ выступилъ и хотя былъ побитъ Гессенскимъ

ополченіемъ, но, съ 30,000 человѣкъ, проникъ въ средину сей провинціи. Гессенскій генералъ принцъ Изенбургъ имѣлъ не болѣе 5000 человѣкъ для защиты оной, и съ симъ малымъ войскомъ онъ избралъ выгодное положеніе между Касселемъ и Минденомъ. Видя всю невозможность слабыми силами противустоять большой арміи, ему желательно было только выиграть время, смотря какой будетъ конецъ операцій на Рейнѣ. Сообразно чему онъ хотѣлъ отступить, но войска его, изъ пренебреженія къ Французамъ, не повиновались ему. Принцу должно было держаться съ твердостію въ сраженіи близь деревни Зангерсгаузенъ, которое далъ ему Герцогъ Броліо, имѣвшій 12 тысячную армію, большую часть изъ Нѣмцевъ, на жалованьи Франціи, сформированную. Сраженіе было самое кровопролитное: Гессенцы дрались какъ львы и 5 часовъ оспоривали побѣду, наконецъ должны были уступить превосходству. Принцъ Изенбургъ оставилъ поле сраженія, потерявъ всю свою артиллерію и 1500 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными. Триста самыхъ отчаянныхъ Гессенцевъ утонуло въ Фульдѣ, бросившись вплавь чрезъ сію рѣку.

Французы, послѣ сей побѣды, господствовали на Везерѣ, и снова могли овладѣть Ганноверомъ и Вестфаліею. Гессенская область, столь много прежде терпѣвшая, снова должна была выдер-

живать все тягостное бремя войны. Старались заключить капитуляцію для этого несчастнаго края, но Контадъ иронически отвѣчалъ депутатамъ, что онъ, какъ солдатъ, писать не умѣетъ.

Сраженіе при Крефельдѣ и успѣхи Фердинанда на Рейнѣ, побудили Англичанъ къ военнымъ дѣйствіямъ на Европейскомъ материкѣ. Власть законодательная и народъ положили употребить всѣ мѣры, дабы поразить Францію на сухомъ пути и на морѣ. Великій Питтъ имѣлъ въ своихъ рукахъ кормило государства, управляя гордою націею по своему произволу, своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, глубокимъ и предпріимчивымъ умомъ, онъ былъ душею Королевскаго Совѣта и Парламента. У него было въ правилѣ ничего не предпринимать или постоянно и твердо производить въ дѣйствіе свои намѣренія. Парламентъ согласился отправить 18 тысячь человѣкъ въ Германію. Случись сіе ранѣе, Фердинандъ удержался бы за Рейномъ, но его положеніе нынѣ содѣлалось критическимъ.

Опытный генералъ, съ 80,000 арміею, теперь дѣйствовалъ противу Фердинанда; у сего послѣдняго оказался недостатокъ въ продовольствіи, проливные дожди испортили дороги, разлились рѣки и учинили ихъ совершенно непроходимыми. Марши содѣлались чрезвычайно отяготительны и трудны.

Фердинандъ хотѣлъ дать сраженіе, но Контадъ тщательно избѣгалъ онаго. Угрожаемый Ганноверъ просилъ у герцога скорой помощи, къ этому присовокупилась забота прокормить свои войска и обезпечить высадку Англичанъ на Сѣверныхъ берегахъ Германіи, дабы они не могли быть отрѣзанными. По симъ причинамъ Фердинандъ долженъ былъ обратно перейти за Рейнъ и тутъ открылись великія затрудненія, ибо непріятель неусыпный и весьма въ большихъ силахъ находился недалеко.

Союзная армія навела чрезъ Рейнъ мостъ по близости Рес, и генералъ Имгофъ, съ 3000 человѣкъ, былъ отправленъ для охраненія его. Здѣсь десятитысячный Французскій корпусъ напалъ на Имгофа, котораго принцъ Фердинандъ не имѣлъ возможности подкрѣпить, и атакованному оставалось только неустрашимо защищаться. Непріятель не имѣлъ обстоятельныхъ свѣденій о мѣстности, гдѣ стоялъ Имгофъ, пересѣкаемый рвами и плетнемъ; сообразивъ свои выгоды, сей генералъ, не ожидая на себя удара Французовъ, самъ выступилъ на нихъ. Сильно и неожиданно малый корпусъ бросился въ дѣло, такъ что черезъ полчаса непріятель, хотя въ превосходныхъ силахъ, былъ разбитъ и поспѣшно отступилъ на Везель, оставивъ 11 пушекъ, множество аммуниціи и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Дабы легче было уходить, Францу-

зы, дорогой, бросили оружіе; такимъ образомъ по Везельской дорогѣ было найдено слишкомъ 2000 ружей.

Сколь нималоважнымъ показывается сіе дѣло, но оно принесло пользы не менѣе большаго выиграннаго сраженія, ибо оно оградило отъ всякой опасности большіе магазейны въ Эммерихѣ и пловучій мостъ, безъ котораго Фердинандъ былъ бы въ невозможности перейти за Рейнъ, и болѣе, сей великій военачальникъ съ своими храбрыми полками, безъ пищи, безъ понтоновъ, словомъ безъ всякой надежды, прижатый въ одномъ углу, былъ бы взятъ непріятелемъ. Теперь не сомнѣвались болѣе въ успѣхѣ переправы чрезъ Рейнъ, но разлитіе воды заставило снять мостъ у Рее, и поставить оный въ Бритгаузенѣ. Французы, чтобы разорвать его, спустили, по теченію, два судна, какія строятъ промышленники въ Везелѣ, но оныя были остановлены вооруженными лодками и съ 9-го на 10-е Іюля, союзная армія благополучно переправилась чрезъ Рейнъ. Имгофъ съ отрядомъ былъ посланъ впередъ на встрѣчу Англинскимъ войскамъ, которыя учинили высадку въ Эмбденѣ и безпрепятственно у Крефельда соединились съ союзниками.

Фердинандъ занялъ выгодную позицію на Липпѣ дабы дать отдохновеніе своимъ войскамъ, откуда онъ могъ и прикрывать Ганноверъ.

Принцъ Изенбургъ былъ поставленъ на Везерѣ и генералъ Обергъ съ 20-ю тысячнымъ корпусомъ отряженъ для прикрытія Гессенской области. Обергъ занялъ крѣпкой лагерь у Зандерсгаузена, тщетно вызывая Французовъ атаковать себя въ укрѣпленіяхъ. Но Субизъ, съ 30,000 арміею, расположившійся противу его, не рѣшился на это, стараясь ударить ему въ тылъ. Обергъ, опасаясь сего, оставилъ свой лагерь, чего Французы именно желали и тотчасъ, близъ Люттернберга, въ превосходныхъ силахъ, учинили на него нападеніе. Гессенцы стояли твердо и отразили Французскую пѣхоту; атакованные конницею съ фланговъ и въ тылъ ,по недостатку у себя кавалеріи, не могли болѣе держаться и Обергъ былъ принужденъ къ отступленію. Союзники лишились здѣсь 1500 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, и 28 пушекъ.

10-ти тысячный Саксонскій корпусъ, присоединившійся къ Французамъ, имѣлъ наибольшее участіе въ этой побѣдѣ, и, въ послѣдствіи, Саксонцы вездѣ одерживали болѣе выгодъ, нежели Французы, всюду ознаменуя себя неустрашимостію. Однакоже всякое неудачное дѣло старались приписывать имъ, и надмѣнные союзники въ томъ упрекали ихъ, они были почти всѣ изъ тѣхъ бѣглыхъ отъ Прусской арміи Саксонцевъ, которые не желали воевать проти-

ву своего государя. Изъ нихъ сформировали 12 полковъ, принятыхъ на Французское содержаніе. Дофина подарила имъ 24 пушки съ своимъ вензелемъ, это былъ тотъ долгъ, которымъ она платила своему угнѣтенному отечеству.

Братъ ея, принцъ Ксаверій, второй сынъ Польскаго короля, командуя Саксонцами, не покидалъ и здѣсь своей природной надмѣнности, что родило негодованіе между Саксонскими солдатами, впрочемъ служащими безъ всякаго принужденія и надѣявшимися, что съ ними станутъ обращаться гораздо лучше. Не токмо между ими явился ропотъ, но были слышны ругательныя слова на щетъ принца, въ его присутствіи. Воспитанный при Дворѣ, гдѣ царствовала азіатская пышность, гдѣ были въ обыкновеніи подобострастіе и знаки покорности подобные тѣмъ, какіе воздаютъ восточные народы своимъ повелителямъ, Ксаверій, слыша сіе оскорбленіе, едва вѣрилъ своимъ чувствамъ. Онъ хотѣлъ было опредѣлить за это тяжкія наказанія, но одинъ Саксонскій генералъ далъ ему мудрый совѣтъ: наблюдать молчаніе, при таковыхъ общихъ изъ явленіяхъ чувствъ войска и перемѣнить образъ своего поведенія. Принцъ послушался, и Саксонцы, оставаясь въ своихъ прежнихъ о немъ мысляхъ, почтили въ немъ сына своего государя.

Субизъ за побѣду при Люттернбергѣ, былъ пожалованъ маршаломъ Франціи и теперь имѣлъ

возможность проходить сосѣдними провинціями въ разныхъ направленіяхъ, налагая всюду большія контрибуціи, и подступилъ къ Гамельну.

Правительство Ганноверское, сильно обеспокоенное явленіемъ Французовъ, опять отправило архивы и другія сокровища въ Штаде, для охраненія ихъ. Но движенія Фердинанда остановили Французовъ и воспрепятствовали соединенію ихъ армій, которыя, нѣсколько разъ на то покушаясь и всегда неудачно, разошлись на зимнія квартиры. Маршалъ Контадъ, съ главною арміею, сталъ между Рейномъ и Масомъ, войска Субиза расположились на Рейнѣ и по Майну. Они совершенно очистили Гессенскія владенія, гдѣ принцъ Изенбургъ занялъ для себя зимнія квартиры. Фердинандъ отошелъ въ Вестфалію, учредивъ свою главную квартиру въ Минстерѣ.

Сей великій, дѣятельный генералъ, всегда препятствовалъ Французамъ выполнять повелѣнія Двора ихъ, повелѣнія недостойныя просвѣщенной націи, и коихъ развѣ только ожидать было можно отъ Ирокейцевъ. Версальскій Кабинетъ, еще лѣтомъ, положилъ воспользоваться, до послѣдней крайности, полученными имъ успѣхами, и потому военный министръ, Белиль, писалъ маршалу Контаду: » для покрытія всѣхъ нашихъ издержекъ, все пособіе мое состоитъ единственно въ деньгахъ, которыя мы извлекаемъ изъ непріятельской земли. Надобно, чтобы эти

области, исключая денегъ, выставляли для насъ и всѣ потребности, какъ то: сѣно, солому, овесъ, хлѣбъ, скотъ, лошадей, даже и рекрутъ на укомплектованіе нашихъ иностранныхъ полковъ. Между симъ временемъ и къ исходу Сентября 1758-го всѣ мѣста, смѣжныя съ чертою нашихъ зимнихъ квартиръ, необходимо превратить въ совершенную пустыню, дабы, посредствомъ ея, удержать приближеніе къ намъ непріятеля.

Въ послѣдующей перепискѣ министра, повелѣнія его были еще опредѣлительнѣе» вамъ слѣдуетъ «пишетъ Белилъ къ маршалу отъ 5-го «Октября:» цѣлую Вестфалію обратить въ про- «странную степь, равно и земли, лежащія на «Липпѣ у Падерборна, въ томъ вниманіи, что «сіи провинціи суть изобильныя, а потому ис- «требите всѣ тамошнія земныя произрастенія, «даже съ корнемъ ихъ.»

Но Французскіе начальники, не исполняли буквально столь лютыхъ предписаній; многіе изъ нихъ поступали самымъ благороднѣйшимъ образомъ. Безспорно, что контрибуціи силою исторгаемыя, суть бѣдствія войны, даже между образованнѣйшими націями: онѣ тогда только получаютъ свое мѣсто въ исторіи, когда простираются до чрезвычайности. Таковъ былъ случай въ графствѣ Ганау, которое, обще съ Гессенскими владеніями, первое испытало на себѣ непріятельское желѣзное управленіе. Прибывшій въ

оное Французскій интендантъ Фулонъ, за сборомъ контрибуцій столь непомѣрныхъ, что земля не имѣла ни какихъ средствъ внести ихъ, велѣлъ запереть тамошнее правительство, дворянство, магистратъ, главнѣйшихъ гражданъ, всего девяносто три человѣка въ одну маленькую комнату, гдѣ они просидѣли три дни и двѣ ночи, безъ пищи и питья, въ которой тѣснотѣ они не могли и спать. Обращеніе, въ подобныхъ обстоятельствахъ, столь неслыханное между христіанами, на третій день было еще злѣйшимъ, когда часовые не стали никого выпускать изъ комнаты и за естественными нуждами. Когда члены Регентства: Юндеродѣ и Гюго, съ другими узниками, стали просить для себя хлѣба и воды у своихъ тирановъ, одинъ изъ нихъ, фамиліею Ла-Сонъ, въ отвѣтъ написалъ имъ: » я охотно «соглашаюсь сей вечеръ исполнить ваше желаніе: вамъ дадутъ хлѣба и воды, но впередъ «не ожидайте болѣе подобныхъ снисхожденій »

КОМПАНІЯ 1759 ГОДА.

Арестъ Князя Сулковскаго. Жестокія поступки Пруссаковъ въ Мекленбургѣ. Салтыковъ разбиваетъ Ведéля при Пальцигѣ и короля, въ кровопролитномъ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ. Смерть Клейста. Взятіе Австрійцами Дрездена. Даунъ въ Максенѣ беретъ въ плѣнъ сильный корпусъ Финка, а потомъ и генерала Дирка. Фридрихъ теряетъ множество людей въ зимнюю кампанію подъ Дрезденомъ. Взятіе Французами Франкфурта на Майнѣ. Дѣла при Бергенѣ и Минденѣ. Бѣдствія Саксоніи и наборы Прусскихъ войскъ въ Германіи, посредствомъ обмановъ.

Всѣ народы, въ этой войнѣ участвующіе, снова, на слѣдующую компанію, дѣлали страшныя приуготовленія. Фридрихъ положилъ своею главною арміею дѣйствовать оборонительно, не упуская, впрочемъ, случая угрожать, что и обнаружилъ еще зимою. Польскій князь Сулковскій, не взирая на неутралитетъ республики, принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ, набиралъ войска, приготовлялъ для Русскихъ магазейны. На представленіе Прусскаго короля онъ дѣлалъ отзывы неприличные, упоминая о своей независимости и о своемъ санѣ Магната, между тѣмъ, старался еще съ большею ревностію дѣйствовать въ пользу Русскихъ. Сулковскій жилъ въ Поль-

скомъ городѣ Ризенѣ, значительно далеко отъ Силезской границы, имѣлъ свое войско и пушки, въ особенности же онъ полагался на покровительство республики. Но Фридрихъ, устранивъ всѣ политическія уваженія, послалъ въ Польшу Корпусъ генерала Воберснова, который, безъ выстрѣла овладѣвши Ризеномъ, взялъ въ плѣнъ князя Сулковскаго и обезоружилъ его войско. Пруссаки раззорили всѣ магазейны, изготовляемые для Русскихъ, забрали изъ взятаго ими мѣста пушки, лошадей, повозки, и военные припасы и возвратились въ Силезію; взятыхъ у Сулковскаго Польскихъ солдатъ силою заставили вступить въ Прусскую службу, а князь былъ заключенъ въ крѣпость Глогау, гдѣ и содержался плѣннымъ до окончанія войны.

Таковъ былъ жребій надмѣннаго дворянина, который, гордясь своими помѣстьями, населенными бѣдными крестьянами, имѣлъ неблагоразуміе мечтать, быть пріобщеннымъ къ союзу могущихъ государей и вмѣшаться въ ихъ брани. Нашелся и еще союзникъ такого же роду: Газетчикъ въ Эрлангенѣ объявилъ въ своихъ печатныхъ листахъ войну Пруссакамъ, не жалѣя злорѣчія. Послали Прусскаго офицера наказать этого чернильнаго героя; офицеръ отпустилъ ему извѣстное число палочныхъ ударовъ, въ полученіи коихъ переодическій издатель еще былъ обязанъ дать формальную квитанцію.

Прусскія войска были весьма дѣятельны этою зимою: онѣ взяли Эрфуртъ, истребили въ немъ большіе непріятельскіе запасы, и разбили одинъ Австрійскій корпусъ. Принцъ Гейнрихъ, не взирая на суровость времени, на высочайшія горы, и непроходимыя дороги, дефилеями проникъ въ Богемію, и разсѣялъ тамъ непріятельскія войска. Гильзенъ разбилъ Австрійскаго генерала Рейнгардта, взялъ у его 2000 плѣнныхъ, и магазейны, въ коихъ нашлось 35,000 бочекъ муки, 137000 четвериковъ овса, 86000 раціоновъ сѣна, и 74000 хлѣбовъ. 50-ти тысячная армія, цѣлые пять мѣсяцевъ, могла довольствоваться этими запасами, и мѣсяцъ фуражемъ 25 тысячь конницы. Все сіе было истреблено, также какъ и вновь построенный чрезъ Эльбу мостъ, причемъ сожжены полтораста судовъ на оной рѣкѣ. Австрійцы зажгли свои магазейны въ Заатцѣ, дабы они не могли достаться въ руки Пруссакамъ, которые, изъ Саксоніи дѣлали диверсіи противу Имперскихъ войскъ. Принцъ Гейнрихъ шелъ на Франконію и послалъ разные отряды проникнуть впередъ еще далѣе, которые разсѣяли войска Германскаго союза, составленныя, какъ было упомянуто, въ разныхъ мѣстахъ и изъ разныхъ народовъ, которыя своею пестротою, военнымъ устройствомъ, дисциплиною, и ничего незначущими подвигами, въ сей убійственной и умной войнѣ, представляли

странную противуположность съ прочими Нѣмецкими арміями, обращающими на себя вниманіе всей Европы. Имперскія войска ежедневно уменьшались отъ частыхъ побѣговъ и плѣнныхъ, забираемыхъ у нихъ на всякомъ шагу сотнями. Генералъ Ридезель, съ 2500 человѣкъ, у Гиммельскрона попался въ плѣнъ, а Бамбергъ, Вирцбургъ, идругіе города Имперскаго союза, куда явились Пруссаки, откупились контрибуціею.

Другой Прусскій корпусъ, вторгнувшись въ Мекленбургъ, взялъ Шверинъ, силою забирая въ свою службу молодыхъ людей въ городахъ, по деревнямъ, и исторгая чрезвычайныя контрибуціи. Бѣдные Мекленбургцы должны были страдать за своего герцога, который, по враждѣ къ королю Прусскому, на Ратисбонскомъ Сеймѣ, первый подалъ голосъ изгнать Фридриха изъ Имперіи. Князь Мекленбургскій думалъ выказать свое участіе въ такой войнѣ, въ которой могущіе союзники часто сомнѣвались на чьей сторонѣ остается перевѣсъ оружія? Онъ льстился получить большія выгоды, приставши къ сильнѣйшему, но вмѣсто того навлекъ раззореніе своему богатому герцогству; Пруссаки, никогда и нигдѣ, не были въ войнѣ болѣе жестокими, какъ теперь въ Мекленбургѣ: здѣсь, все, чего не могли взять съ собою, они предавали истребленію, распарывали даже перины у бѣдныхъ жителей, и перья или пухъ выпу-

скали изъ нихъ на вѣтеръ. Принцесса Мекленбургъ Стрелицкая Шарлотта, по сему случаю, обратилась къ Фридриху, описывая чрезвычайно трогательнымъ образомъ тѣ неистовства, коимъ предались Пруссаки въ сосѣдственной ей землѣ. Это было первымъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ къ возвышенію Мекленбургской Принцессы на Великобританскій престолъ.

Шведы были также тревожимы въ сію зиму. Пруссаки выгнали ихъ изъ Дамгартена, Волгаста и другихъ мѣстъ, въ коихъ они поставили свои гарнизоны; города Анкламъ и Демминъ осаждены и завоеваны, они лишились также плѣнными 2700 человѣкъ и множество артиллеріи, снарядовъ, и аммуниціи. Эта потеря была весьма чувствительна для Шведовъ, по отдаленности ихъ отъ своего государства и затрудненіямъ, съ коими была сопряжена доставка изъ Стокгольма столь необходимыхъ потребностей.

Всѣ Южныя Нѣмецкія области, защищаемыя слабыми крѣпостями, въ которыхъ не было гарнизоновъ, были открыты Пруссакамъ послѣ успѣховъ ихъ во Франконіи. Брауншвейгскій наслѣдный принцъ, съ 12000 человѣкъ, присоединился къ принцу Генриху. Имперскія войска вездѣ обращались въ бѣгство и начальствующій надъ ними герцогъ Цвейбрикскій настоятельно у Герцога Броліо требовалъ подкрѣпле-

ній. Фортуна указывала Пруссакамъ счастливую будущность, но принцъ Генрихъ долженъ былъ остановиться, чтобы прикрыть Саксонію отъ вторженія Австрійцевъ.

Русскіе между тѣмъ собрались въ Польшѣ и угрожали новымъ вторженіемъ въ королевскія провинціи. Фридрихъ отправилъ большой корпусъ генералъ Доны съ повелѣніемъ удержать ихъ или затруднять ихъ успѣхи: право сильнаго было показано при этомъ случаѣ во всемъ смыслѣ сего слова. Несмотря, что Польша хранила неутралитетъ, Дона принудилъ ее, безъ платы, выставлять для себя разныя потребности, ихъ брали вооруженною рукою: силою хватали множество людей въ рекруты и росписали ихъ въ полки. Напослѣдокъ обнародовали манифестъ, стараясь въ ономъ оправдать сіи наглые поступки.

Недостатокъ въ продовольствіи наконецъ принудилъ Пруссаковъ возвратиться назадъ къ Одеру. Русскіе, у коихъ они сожгли магазейны и которые равномѣрно нуждались въ томъ, также приближались къ сей рѣкѣ и обѣ арміи встрѣтились, при Пальцигѣ, недалеко отъ Циллихау, на Бранденбургской границѣ. Фельдмаршалъ Салтыковъ заступилъ мѣсто Фермора, который просилъ сложить съ себя главное надъ арміею начальство, но остался служить въ повелѣніяхъ своего преемника. Все равно и Пруссаки пере-

мѣнили у себя генерала. Король, будучи не доволенъ Доною за то, что онъ упустилъ благопріятное время съ выгодою атаковать Русскихъ, отнялъ отъ него главное начальство, ввѣривъ оное генералу Веделю. Онъ прибылъ къ арміи 22-го Іюля, не зная ни своихъ войскъ, силы или слабости ихъ, ни непріятелей, ни того края. Ему было приказано опредѣлительно напасть немедленно на Русскихъ, въ случаѣ ежели ему невозможно будетъ инымъ способомъ воспрепятствовать соединенію ихъ съ Австрійцами. Лаудонъ съ 30-ю тысячьми шелъ соединиться съ Русскими, которые также слѣдовали на сближеніе къ нему и на этомъ походѣ, 12-го Іюля, т. е. на другой день прибытія Веделя къ арміи, сей генералъ нашелъ въ невозможности отложить нападеніе. Силы обоихъ войскъ были неодинаковы. Ведель былъ разбитъ, принужденъ на отступленіе, лишившись 6000 человѣкъ плѣнными, убитыми и ранеными (*) Ничто болѣе не препятствовало

(*) По донесенію фельдмаршала Государынѣ, съ мѣста сраженія, у насъ былъ убитъ храбрый генералъ поручикъ Демику, начальствующій кирасирами и который отличился въ Цорндорфской баталіи, командуя на лѣвомъ флангѣ конницею; ранены: генералъ поручикъ отъ артиллеріи Бороздинъ, Бригадиръ Ельчаниновъ; у

соединенію союзныхъ армій. Лаудонъ, оставивши назади корпусъ Гаддика, съ 18000, большею частію кавалеріи, 3-го Августа, присоединился къ Русскимъ. (**) Маневры и операціи сихъ непріятельскихъ генераловъ достигнуть ихъ высокой цѣли и побѣдить всѣ затрудненія, были достойны великихъ военачальниковъ. Имперская армія, которая такъ мало дѣлала въ сію войну, теперь содѣйствовала Лаудону выполнить его планъ: она бросилась на Саксонію и принудила генерала Финка, наблюдаемаго Гаддикомъ, стараться прикрыть Лейпцигъ и Торгау и упустить ее совершенно изъ виду. Тогда 80 тысячь союзниковъ двинулись впередъ и укрѣпились близь Франкфурта на Одерѣ. Ведель ограничился всѣми силами своими, препятствовать непріятельской переправѣ чрезъ сію рѣку.

Король дѣйствовалъ въ Силезіи оборонительнымъ образомъ, занимая долгое время лагерь

непріятелей взято: 14 пушекъ, 4 знамя, 3 штандарта. Прусскій генералъ Воберсновъ убитъ; ранены генералы: Мантейфель, Стутергеймъ и Каницъ. Въ плѣнъ взято 2100 человѣкъ, полковникъ Вартенбергъ, 15 офицеровъ. 14-го числа казаки еще отбили 1 пушку у Пруссаковъ.

Переводч.

(**) Изъ рапорта Лаудона фельдмаршалу видно, что корпусъ перваго состоялъ изъ 18523 человѣкъ и имѣлъ 48 пушекъ.

Переводч.

подъ Ландсгутомъ, въ ожиданіи благопріятнаго для себя времени. Даунъ стоялъ противу его и также ждалъ случая идти впередъ или дать сраженіе. Наконецъ, дабы исторгнуть у него сію надежду и оттѣснить Австрійцевъ въ Богемію, его бодрствующій непріятель старался всѣми мѣрами затруднить ихъ продовольствіе. Но приближеніе Русскихъ измѣнило планы обоихъ военачальниковъ. Даунъ усиливался сблизиться съ союзниками, чтобы облегчить ихъ операціи: Фридрихъ старался разстроивать ихъ виды. Проигранное сраженіе при Пальцигѣ напослѣдокъ вынудило его спѣшить въ свои Бранденбургскія области. Гейнрихъ отправилъ часть войскъ изъ Саксоніи усилить армію на Одерѣ, а самъ, по отбытіи короля, принялъ въ Силезіи команду. Корпусъ Финка получилъ повелѣніе изъ Саксоніи слѣдовать также на Одеръ.

Фридрихъ, на походѣ, соединился съ слѣдующими къ нему войсками, напалъ на Гаддика подъ Гюбеномъ и отбилъ у него нѣсколько пушекъ и 500 повозокъ съ мукою. Потомъ онъ взялъ еще у сего же генерала 2000 человѣкъ плѣнныхъ и безпрепятственно соединился съ арміею Веделя.

Король, имѣя у себя подъ ружьемъ 40 тысячь человѣкъ, немедленно рѣшился вступить въ сраженіе съ 70 тысячною арміею союзниковъ, стоявшихъ въ укрѣпленномъ, защищаемомъ страшною артиллеріею, лагерѣ, на высо-

тахъ между Франкфуртомъ и Кунерсдорфомъ; лѣвое крыло ихъ примыкало къ Одеру, правое прикрывалось ручьями, малымъ лѣсомъ, и болотами, съ фронта была лощина.

Король, несмотря на сіи выгоды мѣстнаго положенія, 12 Августа, построивъ въ лѣсу свою армію колонами, стремительно напалъ на Русское лѣвое крыло, занимавшее высоты, называемыя Мельничныя Горы. Планъ короля былъ атаковать непріятеля въ одно время съ фланговъ, въ тылъ съ и фронта, но, по несчастію, онъ не зналъ тамошняго мѣстоположенія; что тамъ находятся большіе пруды, онъ также незналъ, но они задержали его на маршѣ; слѣдовало идти въ обходъ, войска устали, и самое нужное время было упущено. Въ лѣсу понадобилось выпрягать артиллерійскихъ лошадей, чтобы можно было оборачивать пушки и снова впрягать ихъ. Пруссаки напослѣдокъ вышли изъ лѣсу, и, приблизившись къ Русскимъ окопамъ, открыли по нихъ огонь изъ трехъ батарей. Русскіе отвѣчали залпомъ изъ 100 пушекъ, которыя они перевезли теперь на свой лѣвый флангъ. Тогда Фридрихъ приказалъ гренадерамъ взять ихъ, которые, прокладывая себѣ путь въ густой лозѣ, достигли наконецъ на самыя ближнія къ Русскимъ укрѣпленіямъ высоты, гдѣ ружейными выстрѣлами множество ихъ положено на мѣстѣ. Не лишившись мужества, они

удвоили шаги и бросились въ штыки на Русскія батареи. Непріятель по тщетномъ, но храбромъ, сопротивленіи былъ прогнанъ изъ ретраншаментовъ, Русское лѣвое крыло покинуло свои пушки и въ бѣгствѣ искало своего спасенія; къ 6-ти часамъ вечера Пруссаки уже были властелинами всѣхъ батарей лѣваго фланга, болѣе ста пушекъ и нѣсколькихъ тысячь плѣнныхъ. Побѣда казалась столь совершенною, какую выигралъ непріятель при Гохкирхенѣ; уже Фридрихъ, съ мѣста сраженія, съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, отправилъ курьеровъ въ Берлинъ и и въ Силезію, какъ вдругъ счастіе обратилось менѣе всего ожиданнымъ и самымъ чрезвычайнымъ образомъ на сторону его противниковъ.

Прусская пѣхота сдѣлала все, чего должно было ожидать отъ нее, но не могла довершить побѣду. Кавалерія Фридриха находилась на другомъ флангѣ, пушки не могли сюда подоспѣть скоро, и мѣстоположеніе, чрезвычайно благопріятствующее дѣйствіямъ артиллеріи, затрудняло движенія пѣхоты. Наконецъ нѣсколько пушекъ прибыли на тѣ высоты, но ихъ было слишкомъ мало для выполненія назначенной имъ цѣли. Между тѣмъ, король, съ другимъ крыломъ и корпусъ Финка, пошли на Русскихъ, но движенія атакующихъ, были затрудняемы или большими прудами или узкими мостами, по коимъ дефилировали войска. Русскіе восполь-

зовались симъ, устроились и открыли жестокій огонь изъ пушекъ. Тогда Лаудонъ, еще непринимавшій съ Австрійцами участія въ битвѣ, быстро началъ свои движенія. Король выдвинулъ напередъ кавалерію Зейдлица, который дефилировалъ между прудами, построился, и ударилъ на непріятеля, который картечными выстрѣлами, растроилъ это храброе войско и принудилъ, съ великимъ урономъ, обратиться въ бѣгство.

Пруссаки еще ничего не потеряли, выгоды ими пріобретенныя были рѣшительны, и растроенная Русская армія представляла совершенный хаосъ. Но ее защищало пятьдесятъ орудій, заряженныхъ картечью и готовыхъ низринуть на вѣрную смерть всѣхъ дерзнувшихъ приблизиться къ ней. Прусское войско, будучи 15-ть часовъ на маршѣ, чувствовало усталость, а неимовѣрные труды этого кровопролитнаго дня и самое жаркое время истощили людей до крайности. Сраженіе королемъ уже было выиграно и все предвѣщало, что Русскіе, претѣрпѣвши сильный уронъ, отступятъ ночью. Но сверхъ всякаго чаянія, они остановились въ послѣднемъ ихъ ретраншаментѣ.

Фридрихъ думалъ, что онъ сдѣлалъ мало, ежели ему оставалось еще что нибудь дѣлать. Мысль его была не токмо удовольствоваться побѣдою надъ Русскою арміею, но ее совсѣмъ уни-

чтожить. Прусскіе генералы на это противупоставили свои доказательства, объясняя усталость и совершенное изнуреніе войскъ и Зейдлицъ подкрѣплялъ ихъ. Убѣжденія сего неустрашимаго генерала, казалось, начали дѣйствовать надъ королемъ, уже онъ колебался въ мысляхъ, какъ въ это время вошелъ къ нему одинъ изъ старшихъ генераловъ, который, на вопросъ Фридриха: какъ онъ о томъ думаетъ? изъ угодливости, подалъ мнѣніе: идти впередъ.

Совершенная побѣда зависѣла теперь отъ овладѣнія горою Шпицбергъ, которая командовала надъ однимъ пастбищемъ, длиною на 400 шаговъ, отъ 50 до 60 шаговъ шириною, и отъ 10 до 15-ти футовъ высоты, со всѣхъ сторонъ обрывистой. Она была занята лучшими войсками Лаудона. Пруссаки бросились на Шпицбергъ, полезли на крутой обрывъ его, но все напрасно: всѣ, достигнувшіе до вершины, были или убиты или снова сброшены въ пропасть. Натура, наконецъ, вошла въ свои права и неустрашимость Пруссаковъ, не могла дополнить ихъ истощенныя силы. Они нѣсколько разъ кидались на гору, и не могли достигнуть на вершину оной. Австрійцы и Русскіе осыпали ихъ страшнымъ и смертоноснымъ градомъ пуль и ядръ, корпусъ Финка, атакующій другія высоты, вездѣ былъ отраженъ съ большимъ урономъ. Фридрихъ подвергался очевиднымъ опасностямъ, мундиръ его

былъ прострѣленъ, двѣ лошади подъ нимъ убиты адъютантъ подалъ ему свою лошадь, и тѣмъ только спасъ жизнь короля.

Но всѣ усилія сбить съ высотъ Австрійцевъ и Русскихъ были тщетны. Прусская конница рѣшилась наконецъ атаковать тѣ высоты, но ученая тактика Зейдлица не могла ничего здѣсь произвести. Пріученная своимъ генераломъ или опрокидывать непріятельскіе полки, или обращать въ бѣгство самую пѣхоту, эта конница, въ семъ неравномъ бою, занеслась подъ пушки Русскихъ: храбрый Зейдлицъ былъ раненъ и Прусская конница и пѣхота пришли въ совершенный безпорядокъ. Въ эти критическія минуты Лаудонъ съ свѣжими войсками (*) ударилъ на ослабленныхъ Пруссаковъ съ фронта и въ тылъ. Сей генералъ, столь искусно умѣющій уловить минуту нападенія, повелъ въ дѣло конницу, которая, въ превосходномъ порядкѣ, разорвала Прусскія линіи

(*) Здѣсь вмѣстѣ съ Лаудономъ генералъ поручикъ графъ Румянцевъ, съ нашею конницею тотчасъ опровергъ и прогналъ непріятельскую кавалерію, а генералъ Князь Любомирскій и князь Волконскій съ пѣхотными полками: Псковскимъ, Апшеронскимъ, Вологодскимъ, первымъ Гренадерскимъ и Азовскимъ, привели и пѣхоту непріятельскую нѣсколько въ замѣшаніе.

Донесеніе генерала графа Салтыкова Государынѣ Императрицѣ отъ 9-го Августа.

Переводч.

и проникла между ихъ рядовъ. Тогда была рѣшена участь сраженія

Никогда твердость Фридриха не колебалась столь сильно, какъ въ этотъ роковой день: въ немногіе часы, жребій войны съ вершины побѣды извергъ его въ бѣздну совершеннаго пораженія. Онъ употребилъ все, что только можно, дабы остановить свою бѣгущую пѣхоту, но приказанія, самыя убѣдительныя просьбы, столь трогательныя и имѣющія великую силу въ устахъ короля, были напрасны. Утверждаютъ, что въ семъ отчаянномъ положеніи, онъ искалъ смерти. Живое воображеніе его, въ первыя минуты, представило ему всѣ ужасныя послѣдствія сей побѣды, такъ что съ поля сраженія, откуда онъ отправилъ курьеровъ съ извѣстіемъ, что непріятель имъ разбитъ, теперь онъ послалъ въ Берлинъ другаго курьера съ приказаніемъ, дабы тамъ приняли мѣры, сообразныя съ настоящимъ критическимъ положеніемъ дѣлъ его. Почему королевская фамилія выѣхала, архивы вывезли и частнымъ богатымъ людямъ дано знать, дабы они озаботились сами сохранить ихъ собственность. Король полагалъ, что непріятель уже въ его столицѣ, что она раззорена и разграблена и видѣлъ себя безъ средствъ отвратить такую гибель (*) Армія его была такъ разсѣяна, что

(*) *Подлинное наставленіе* генералу Финку, написанное Фридрихомъ послѣ Кунерсдорфской битвы, теперь напеча-

на другой день битвы едва можно было собрать въ строю 5000 человѣкъ; всѣ пушки, отбитыя

танное Г. Прейссомъ въ его Friedrich der Grosse. Eine Lebensgeschichte. von J. D, E. von Preuss. 4 Baende und Urkundenbuch 4 Theile Berlin. 1832—1835.

«Генералу Финку предстоитъ трудное порученіе: несча-«стная армія, которую передаю я ему, не въ силахъ до-«лѣе бороться съ Русскими; Гаддикъ и за нимъ, вѣроятно, «Лаудонъ, поспѣшатъ къ Берлину. Если генералъ Финкъ «двинется за ними, Русскіе пойдутъ въ тылу у него; если «онъ станетъ на Одерѣ, онъ будетъ подверженъ нападені-«ямъ Гаддика, но вмѣстѣ съ тѣмъ, я думаю, если Лаудонъ «пойдетъ на Берлинъ, онъ можетъ атаковать и разбить «его. Успѣхъ могъ бы остановить неудачи наши и заме-«длить теченіе дѣлъ: выигрышъ времени весьма много зна-«чить въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ. Секретарь «мой Кёреръ будетъ присылать генералу газеты изъ Тор-«гау и Дрездена. Генералъ долженъ обо всемъ извѣщать «брата моего, котораго я назначилъ генералиссимусомъ «арміи. Совершенно поправить этого несчастія невозможно «но всѣ приказанія моего брата должны быть исполняе-«мы. Армія должна присягнуть *Племяннику моему*.

«Вотъ единственные совѣты, которые я могу дать еще «при такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Еслибъ я «имѣлъ еще какія нибудь средства, я бы еще остался въ «мірѣ», Фридрихъ.

Какая благородная довѣренность, съ которою король, проигравши генеральное сраженіе противу Салтыкова, поручалъ безнадежное дѣло избранному полководцу! какой памятникъ спокойствія духа, съ которымъ Фридрихъ приготовился на чрезвычайную крайность!!

Переводч.

у непріятелея, были снова имъ отняты. Пруссаки потеряли своихъ болѣ ста орудій (*).

Прусскій генералъ Вуньшъ, командующій отрядомъ на томъ берегу озера, въ день сраженія, прибылъ къ Франкфурту и взялъ въ плѣнъ тамошній Русскій гарнизонъ, но потерянная баталія уничтожила всѣ сіи выгоды, и съ чрезвычайною опасностію онъ былъ принужденъ очистить городъ. Наступившая ночь благопріятствовала королю, онъ вывелъ свою армію на высоты, гдѣ непріятель нерѣшился атаковать его.

Кунерсдорфская битва была чрезвычайно кровопролитна: Пруссаки потеряли здѣсь 8000 убитыми и слишкомъ 12000 раненыхъ, изъ коихъ немногіе, однакоже, были взяты непріятелемъ. Почти всѣ генералы и лучшіе офицеры ихъ, были ранены. Русскіе щитаютъ свой уронъ убитыми и ранеными до 16000 человѣкъ (*)

(*) По реляціи графа Салтыкова, мы взяли у непріятеля: 172 пушки, 26 знаменъ, 2 штандарта, болѣе 10,000, ядръ, 93,000 боевыхъ патроновъ, слишкомъ 10,000 ружей и проч. Лаудонъ отбилъ у Пруссаковъ 6 пушекъ и 5 знаменъ.

Переводч.

(*) Это преувеличено. По реляціи графа Салтыкова у насъ убито вообще 2614 и ранено: 10,863 человѣка; въ числѣ послѣднихъ находились генералы: Князь Голицынъ, принцъ Любомирскій и Олицъ. Бригадиры: Ессенъ, Лебелъ и Бахманъ.

Переводч.

по показанію Салтыкова, который, донося Императрицѣ о одержаніи имъ побѣды, и, касаясь своего урона, выразился сими словами « Ваше Величество « не изволите сему удивляться, зная что король « Прусскій очень дорого продаетъ свои проигрыши » онъ также сказалъ: если я одержу еще одну подобную побѣду, самъ я долженъ буду тогда доставить о ней извѣстіе въ Петербургъ. « Фридрихъ, на другой день сраженія, перешелъ за Одеръ, собралъ своихъ бѣглыхъ, соединился съ Вуньшемъ, вызвалъ изъ Помераніи генерала Клейста съ 5000 человѣкъ, и какъ наискорѣе приказалъ изъ арсеналовъ доставить къ себѣ артиллерію. Русскіе, не взирая на пораженіе Фридриха, окопались. Король говорилъ рѣчь войскамъ, воспламенилъ ихъ мужество, въ нѣсколько недѣль Берлинъ былъ приведенъ въ безопасность, армія снабжена была всѣми потребностями, усилена прибывшими людьми, такъ что нашлась въ возможности прикрыть Бранденбургское курфиршество, а Вуньшъ могъ отдѣлиться отъ оной и слѣдовать въ Саксонію.

Между Пруссаками, содѣлавшимися жертвою злому духу войны, въ битвѣ подъ Кунерсдорфомъ, находился и маіоръ Клейстъ, великодушный нѣмецъ, почтенный своимъ нравственнымъ характеромъ, и безсмертный своими поэтическими твореніями. Король не читалъ его произведеній, ибо онѣ были писаны на языкѣ Нѣмецкомъ,

холодно удивлялись имъ современники, но они будутъ славиться и въ позднемъ потомствѣ. Клейстъ сказалъ въ одномъ стихотвореніи своемъ, что онъ надѣется нѣкогда умереть за отечество и предчувствіе чего, къ горести нѣмецкихъ музъ, сбылось въ роковой Кунерсдорфскій день. Тогда Клейстъ велъ свой баталіонъ противу непріятеля и уже взялъ три его батареи, пуля раздробляетъ ему правую руку, онъ схватываетъ шпагу въ лѣвую, и идетъ съ своими солдатами, которые любили его какъ отца, на четвертую батарею. Въ самую ту минуту, картечь раздробляетъ ему правую ногу. Онъ упалъ, закричалъ подчиненнымъ: « Друзья, не покидайте короля! » его вынесли изъ свалки въ одинъ ровъ и тамъ оставили на произволъ судьбы. Она была чрезвычайно жестока. Козаки наѣхали на то мѣсто, гдѣ лежалъ Клейстъ весь израненный, раздѣли его, сняли даже съ него рубаху, напоенную его кровію, а самаго кинули въ болото. Послѣ того, проѣзжали Русскіе гусары, жалкое положеніе страдальца тронуло ихъ, они вытащили его на сухое мѣсто, положили подлѣ огня на солому, покрыли плащемъ, дали ему немного хлѣба, и всунули въ руку пол-гульдена. По за ними наѣхали другіе казаки, и опять до чиста обобрали Клейста. Раны его, хотя опасныя, впрочемъ не были смертельны, но болотистая вода, въ которой несчастный пролежалъ до утра, разстравила ихъ, и не было ника-

кихъ средствъ къ изцѣленію. Клейстъ умеръ въ Франкфуртѣ, спустя нѣсколько дней послѣ сраженія, въ плѣну непріятельскомъ. Русскіе похоронили его самымъ достопочтеннымъ образомъ, множество ихъ офицеровъ, обще съ членами академіи, провожали падшаго воина-поэта. Одинъ Русскій офицеръ, примѣтивъ, что на гробѣ Клейста нѣтъ шпаги, положилъ свою, сказавши: *у такого храбраго офицера должна быть шпага!* Такъ были опущены въ могилу останки безсмертнаго пѣвца весны, человѣка нѣжнаго, о которомъ плачутъ музы, и о участи котораго соболѣзнуютъ всѣ сердца чувствительныя.

Хотя въ теченіи трехъ недѣль Русскіе выиграли два сраженія, но положеніе короля не содѣлалось отъ того слишкомъ критическимъ. Отдаленіе его изъ Саксоніи и Силезіи было дня него невыгоднѣйшимъ, сколько потерянныя дѣла, ибо непріятель, воспользовавшись, отрѣзалъ у него коммуникацію съ сими обѣими провинціями, и Фридрихъ опасался, чтобы большая Россійская армія не соединилась съ Австрійскою, стоявшею въ Лузаціи. Даунъ и Салтыковъ, по сему предмету, имѣли между собою разсужденіе въ Губенѣ, (*) на которомъ однакоже ничего не было рѣшено, ибо Русскіе остались въ лагерѣ при

(*) 11-го Августа графъ Салтыковъ ѣздилъ въ Губенъ для свиданія съ фельдмаршаломъ Дауномъ.

Фпрштенвальдѣ и испортились шлюзы въ каналѣ Фридриха Вильгельма, соединявшемъ Одеръ съ Шпреею (**) памятникѣ знаменитаго царствованія курфирства Фридриха Вильгельма, столь справедливо наименованнаго великимъ въ исторіи Бранденбургской.

Въ это время, скончался король Гишпанскій Фердинандъ VI. Неаполитанскій король вступилъ на престолъ Гишпаніи, а восьмилѣтній его сынъ Фердинандъ IV наслѣдовалъ Неаполемъ, отцу своему. Австрійскій Домъ имѣлъ большія притязанія на Неаполитанское и Сицилійское королевства, и теперь представился самый благопріятный случай поддержать ихъ силою. Король дитя, Регентство нетвердое, министры безъ основательныхъ правилъ, растроенные финансы, малочисленныя и дурно устроенныя войска, все предвѣщало, что, не дѣлая кампаніи, прямо можно было взять подъ власть свою Неаполь и спокойно владѣть онымъ. Гишпанія еще не знала своего новаго государя и къ войнѣ не была пригото-

---

(**) Австрійскій Генералъ Гаддикъ и нашъ Инженеръ полковникъ Гербель, были комадированы подрывать слѣды въ Берлинскомъ каналѣ. Послѣ того, 21-го Августа, Гербель рапортовалъ, что и имѣющійся близъ Франкфурта каналъ, называемый Фридрихъ грабенъ, совсѣмъ раззоренъ и находящіеяся приономъ шлюзы подорваны.

Журналъ Россійской Императорской арміи годъ 1759.

влена, а истощенная Франція не имѣла возможности послать свои войска въ Италію.

О семъ дѣлѣ разсуждали въ тайномъ совѣтѣ Императрицы, но какъ въ Вѣнскомъ кабинетѣ, личныя страсти имѣютъ верьхъ надъ политикою, то Марія Терезія предпочла непрочное овладѣніе Силезіею, вѣрному пріобрѣтенію двухъ королевствъ толико важныхъ и отказалась отъ Неаполя и Сициліи, которые, будучи присоединены къ другимъ Италіанскимъ владѣніямъ ея, отдали бы ей и потомкамъ ея, на многія столѣтія, владычество надъ всею Италіею.

Между тѣмъ, Австрійскія и Имперскія войска выступивши въ Саксонію, овладѣли Лейпцигомъ, Торгау и Виттенбергомъ. Полагали, что сія провинція будетъ занята ими, что они возмутъ Берлинъ, и осадятъ Магдебургъ. Но ни одно изъ сихъ предположеній не состоялось. Король, надѣясь на свою планету, и на нерѣшительность генераловъ противу его дѣйствующихъ, на другой день битвы уже былъ преисполненъ утѣшенія, что они не извлекутъ изъ своихъ побѣдъ никакой для себя пользы. За нѣсколько дней предъ симъ онъ получилъ извѣстіе о Минденской побѣдѣ, черезъ одного офицера, къ нему отправленнаго Фердинандомъ и приказалъ присланному подождать обратнымъ отъѣздомъ. Для того, сказалъ Фридрихъ, *что надѣется въ отвѣтъ принцу сообщить тожє, что либо хорошее.* Но какъ на

другой день послѣ сраженія офицеръ представился королю: » весьма сожалѣю, сказалъ, что « не имѣю лучшаго отвѣта сообщить принцу на его « пріятное извѣстіе, но если вы успѣете возвратиться, и если на возвратномъ пути не найдете « Дауна въ Берлинѣ и Контада въ Магдебургѣ, можете удостовѣрить принца Фердинанда, что съ « моей стороны еще не слишкомъ много потеряно. »

Послѣ Кунерсдорфской баталіи, король потерялъ и Дрезденъ, который, въ отсутствіе его, былъ осажденъ Австрійцами. Для завоеванія сего города изъ Праги была очень скоро привезена осадная артиллерія. Шметтау приготовился къ упорной защитѣ. Австрійцы заняли новый городъ Императрицы королевы, генералъ Гаско угрожалъ стрѣлять по городу изъ 18 батарей, Шметтау обѣщалъ отвѣчать ему изъ ста орудій. Но вдругъ распространилась вѣсть о проигранномъ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, непріятель, въ первыя минуты этихъ смутныхъ извѣстій, представилъ Шметтау всю опасность его положенія сопротивляться съ столь малымъ гарнизономъ, и невозможность получить помощь, вмѣстѣ съ симъ они предложили ему честную капитуляцію. Шметтау всегда рѣшительный, дѣятельный и твердый, и теперь былъ готовъ на все. Онъ смѣялся надъ угрозами, которые ему ежедневно сулили, довольно забавнымъ образомъ. Когда Герцогъ Цвейбрикскій послалъ ему ска-

зать, что ежели Пруссаки зажгутъ Дрезденскіе форштаты, весь гарнизонъ будетъ вырѣзанъ, Берлинъ и Галле превращены въ пламень и всѣ Прусскія области опустошатся изъ одного края въ другой, Шметтау, въ отвѣтъ на сіе, немедленно зажегъ предмѣстья. Послѣ того генералы: Гаско и Макиръ, имѣли неоднократно личные переговоры съ Дрезденскимъ комендантомъ, который, хотя былъ въ положеніи затруднительномъ, но полагали, что Шметтау будетъ защищаться до послѣдней крайности, какъ письмо Фридриха перемѣнило все.

Тотчасъ послѣ Кунерсдорфскаго сраженія, король увѣдомилъ Шметтау, что онъ уже не въ состояніи избавить Дрезденъ, и чтобы онъ, какъ комендантъ, помышлялъ о сохранности денежныхъ суммъ, ему ввѣренныхъ. Шметтау тогда нѣсколько скоро лишился надежды, онъ преимущественно озабочивался сохранить суммы, составляющія слишкомъ 5 милліоновъ рейхсталеровъ, находящіяся въ городѣ, въ который обыкновенно доставлялись сборы съ Курфиршества, контрибуціи, военная касса и разныя другія деньги. Необходимость сохранить ихъ, напослѣдокъ поколебали Шметтау. Онъ не зналъ еще, что въ помощь ему уже шли войска. Осаждающіе, будучи извѣщены, что тотъ корпусъ приближается, и потому, щитая Дрезденъ для себя потеряннымъ, отложили всѣ угрозы свои и со-

гласились на условія, которыя требовалъ для себя Шметтау. Онъ здался, тогда какъ уже хотѣли открыть бомбандированіе, получа позволеніе выйти съ гарнизономъ, съ тягостями, и фурами и съ денежною казною. Но онъ долженъ былъ оставить свои магазейны и всѣ военные припасы непріятелю, который получилъ въ добычу 30000 четвериковъ хлѣба, ячменя и овса, 12700 центнеровъ муки и множество снарядовъ.

Когда состоявшался капитуляція была утверждена Имперскимъ фельдмаршаломъ, герцогомъ Цвейбрикскимъ и побѣдители заняли одни городскія ворота, Вуньшъ находился не далѣе 2 миль отъ Дрездена. Онъ шелъ форсированными переходами, и войска его, до чрезвычайности усталыя, были не въ состояніи сдѣлать одинъ маршъ до города. Вуньшъ между тѣмъ многими пушечными выстрѣлами извѣстилъ о овоемъ приближеніи. Онъ не зналъ о капитуляціи, и рѣшился взять приступомъ новый городъ. Приближеніе его пробудило мужество Дрезденскаго гарнизона; многіе офицеры настоятельно требовали прервать капитуляцію, и нѣсколько неотлагательно вытѣснить слабый непріятельскій отрядъ, занявшій городскія ворота. Шметтау, заботясь преимущественно о своихъ дорогихъ фурахъ, оставилъ это безъ вниманія. Но плацъ маіоръ Гаусманнъ, щитая обязанностію своею

выполнить мысль офицеровъ, безъ вѣдома коменданта, приказалъ главному караулу идти за собою. Однако же караульный капитанъ Сидовъ не повиновался ему и Плацъ маіоръ, назвавши его подлецомъ, выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, но сдѣлалъ промахъ. Тогда, стоявшіе въ караулѣ, солдаты, чтобы отомстить за своего капитана, сдѣлали залпъ по Гаусманну, и убили его: вмѣстѣ съ симъ изчезла и надежда благомыслящихъ Пруссаковъ. Вуньшъ отступилъ, и Дрезденъ былъ занятъ Австрійцами, которые нарушили почти всѣ статьи капитуляціи, обращаясь самымъ неприличнымъ образомъ съ гарнизономъ, признанымъ ими свободнымъ, а не плѣннымъ. Офицеры, солдаты и самые генералы арміи Императрицы королевы,старались превзойти другъ друга въ неблагодарномъ, неприличномъ поведеніи. Они выхватывали изъ рядовъ солдатъ, приневоливая ихъ вступить въ службу къ Австрійцамъ. Прусскіе офицеры переносили неслыханныя оскорбленія, ихъ били прикладами, палками: нѣкоторые изъ нихъ были ранены, иные умерщвлены.

Австрійскіе офицеры, забывая свое званіе, будучи чужды правилъ чести и благородства, сами были главными зачинщиками или первыми зрителями такихъ постыдныхъ зрѣлищъ. Они безпрестанно кричали своимъ солдатамъ: *Бейте этихъ собакъ: стрѣляйте по этимъ канальямъ!* генералы: Макиръ и Гаско, были не пос-

лѣдними при этихъ гнусныхъ сценахъ. Оружіе, понтоны, и прочія воинскія принадлежности, вопреки капитуляціи, силою отнимались у Пруссаковъ которымъ не дали ни повозокъ, ни транспортныхъ судовъ, торжественно обѣщанныхъ, и на жалобы ихъ отвѣчали только угрозами. Напослѣдокъ, послѣ великихъ затрудненій, генералъ Шметтау, сохранилъ въ цѣлости казну и гарнизонъ.

Между тѣмъ, принцъ Гейнрихъ съ большею арміею поспѣшно прибылъ изъ Силезіи въ Саксонію, и, сдѣлавши одинъ чрезвычайно форсированный переходъ, онъ напалъ, близъ Гойерсверда, на Австрійскаго генерала Велу, который лишился при семъ случаѣ 600 человѣкъ убитыми и 1800 плѣнными. Русскіе и Даунъ находились въ Лузаціи, гдѣ скоро почувствовали недостатокъ въ продовольствіи. Австрійцы, нуждаясь въ ономъ собственно для себя, предложили Русскимъ вмѣсто провіанта деньги, на которыя они могли бы покупать его. *Мои солдаты денегъ не ѣдятъ*, отвѣчалъ Салтыковъ, выступя черезъ Силезію въ Польшу.

Лаудонъ шелъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ. Они располагали осадить Глогау, но какъ Прусскій лагерь у Бейтена, что на Одерѣ, гдѣ находился самъ король, прикрывалъ сей городъ, то и оставили свое намѣреніе. Соединенныя арміи не рѣшились атаковать Пруссаковъ, но перепра-

вились за Одеръ, слѣдовали по берегамъ онаго, дѣлая видъ идти къ Бреславлю, но всюду они встрѣчали Пруссаковъ. Гернштадъ былъ окончательный пунктъ, до котораго они достигли въ Силезіи. Сіе мѣсто, по положенію, весьма крѣпкое, хотя открытое, не сдавалось имъ, почему калеными ядрами было превращено въ пламень. Отсюда непріятель слѣдовалъ въ Польшу. Силезія и Бранденбургъ, въ исходѣ Октября, были очищены отъ Австрійцевъ и Русскихъ. Двенадцать запылавшихъ деревень ознаменовали отступленіе послѣднихъ. Столь жестока была война сія. Помѣстья графа Козеля, близь Одера лежащія, испытали такое же несчастіе. Онъ жаловался королю, который ему отвѣчалъ: « мы «имѣемъ дѣло съ непріятелями, не уважающи-«ми права человѣчества. Вамъ извѣстно, любез-«ный графъ, что я болѣе забочусь изцѣлять зло, «нежели на него жаловаться, и это я со-«вѣтую дѣлать и всѣмъ друзьямъ моимъ.» И точно, непріятели короля Прусскаго дозволяли себѣ все: войска ихъ запечатлѣвали свои жестокіе поступки обнародываніемъ по Силезіи и Бранденбургу, что тамошнимъ жителямъ оставлена будетъ только одна земля и воздухъ для дыханія (*).

(*) Эти слова буквально взяты изъ манифеста, пуб-

Въ Саксоніи Вуньшъ опять завладѣлъ Виттенбергомъ и Торгау, разбивши подъ онымъ Австрійскій корпусъ, а спустя 5 дней послѣ Торгаусскаго дѣла онъ овладѣлъ и Лейпцигомъ; причемъ тамошній гарнизонъ былъ принужденъ сдаться военноплѣннымъ. Принцъ Гейнрихъ тогда соединился съ Вуньшемъ и притянулъ къ себѣ корпусъ генерала Финка.

Даунъ составилъ разные планы, чтобы вытѣснить Гейнриха изъ Саксоніи, но принцъ былъ весьма дѣятеленъ, и своими благоразумными распоряженіями разрушалъ всѣ виды Австрійскаго главнокомандующаго, а между тѣмъ прикрывалъ Лейпцигъ и Виттенбергъ. Тогда Даунъ рѣшился на одно отважное предпріятіе: отрѣзать коммуникацію Пруссакамъ съ этими обоими городами, и запереть принца въ его лагерѣ; для выполненія сего Австрійская армія, раздѣленная на разные корпуса, и начала движеніе. Герцогъ Арембергскій имѣлъ въ своемъ начальствѣ самый сильный изъ тѣхъ корпусовъ. Гейнрихъ проникалъ отчасти въ намѣреніе непріятеля, но, захваченный въ плѣнъ адъютантъ герцога Арембергскаго, пояснилъ все дѣло, и тогда корпуса генераловъ: Финка, Веделя и Вунь-

---

литкованнаго полковникомъ Клейстомъ 17 Ноября 1759 года въ Грабѣ, что въ Богеміи.

ша тотчасъ были посланы на разныя дороги, всѣ они встрѣтили непріятеля, который и началъ постепенно отступать отъ нихъ; но Вуньшъ, близъ Дюбена, настигнулъ одинъ сильный отрядъ, подъ командою герцога Аремберскаго, выстроенный въ боевой порядокъ. Генералъ Платенъ съ гусарами и драгунами ударилъ на эту Австрійскую пѣхоту, опрокинулъ ее, взялъ 1400 плѣнныхъ и остальныхъ разсѣялъ.

Король нездоровый отправился въ Глогау, отрядилъ генерала Гильзена въ Саксонію съ большею частію войска, гдѣ Пруссаки снова пріобрѣли столь значительные успѣхи, что Даунъ счелъ за нужное занять крѣпкій лагерь у Плауена, для прикрытія Дрездена. Изъ всѣхъ завоеванныхъ Австрійцами городовъ въ Саксоніи, онъ одинъ только и оставался въ ихъ власти. Но когда, въ послѣдствіи, Фридрихъ прибылъ съ арміею изъ Силезіи, и соединился съ принцемъ Гейнрихомъ, онъ имѣлъ главнѣйшимъ въ предметѣ отнять у нихъ столь важное мѣсто. Чтобы успѣть въ томъ, слѣдовало заставить Дауна отступить въ Богемію, что можетъ быть и случилось бы само собою, но королю хотѣлось ускорить эту ретираду. Для чего онъ отрядилъ Финка съ 11 тысячьми въ горы къ Максену, полковникъ Клейстъ имѣлъ приказаніе съ корпусомъ вторгнуться въ Богемію. Экспедиція послѣдняго была удачна: онъ взялъ

плѣнныхъ, грабилъ, собралъ контрибуціи, и отплатилъ Австрійцамъ за жестокости, въ Силезіи и Бранденбургѣ ими оказанныя.

Финкъ угрожалъ своею позиціею отрѣзать транспорты съ продовольствіями, къ непріятелю слѣдующія, но эта позиція сама собою была преопасная, и Финкъ, удаленный отъ короля, былъ окруженъ всею арміею Императрицы королевы. Сей генералъ предусматривалъ свое критическое положеніе, почему, до выступленія въ походъ, онъ осмѣлился сдѣлать королю нѣкоторыя представленія, но онѣ были дурно приняты. Фридрихъ отвѣчалъ ему «*вы знаете, что* «*я не терплю затрудненій: отправляйтесь.*»

Финкъ, вступивши въ Саксонію, оставилъ генерала Линдстеда съ 3000 для занятія Диплодисвальдскихъ дифилей, что и сохранило его коммуникаціи съ Фрейбергомъ. Но король былъ недоволенъ таковыми распоряженіями и писалъ Финку весьма сильно «что полезнѣе держать «ему всѣ войска нераздѣльно, дабы онъ имѣлъ «возможность учинить сильный отпоръ непрія-«телю, которому легко будетъ разсѣять немно-«гіе баталіоны, у Диплодисвальде стоящіе, ибо «непріятель навѣрное явится въ большихъ си-«лахъ, когда задумаетъ что либо сдѣлать.» Повелѣніе Фридриха было исполнено, но Финкъ представилъ королю, что теперь, когда сіе уже выполнено, для непріятеля открылся путь ата-

ковать его. Письма, которыя послѣ писалъ онъ королю, всѣ были перехвачены Австрійцами. Это обстоятельство было главною причиною несчастія потерять Фридриху цѣлый большой корпусъ войскъ.

21-го Ноября, день нещастнѣйшій, который навсегда будетъ глубоко впечатлѣнъ въ памяти Прусскихъ воиновъ, Финкъ, расположенный внизу, былъ повсюду атакованъ съ высотъ непріятелемъ, чрезвычайно сильнымъ. Даунъ съ 30 тысячьми шелъ съ одной стороны, съ другой герцогъ Цвейбрикскій съ Имперскими войсками.

Несмотря на то, Пруссаки сражались весьма мужественно, но непріятель, направя дѣйствіе своихъ батарей на одинъ пунктъ, скоро зажегъ Максенъ и потомъ, стрѣляя изъ единороговъ гранатами, привелъ въ безпорядокъ обозы, изъ коихъ было Пруссаки сдѣлали для себя прикрытіе; это разстройство сообщилось и пѣхотѣ Пруссаки держались цѣлый день, разстрѣляли всѣ патроны и боевые снаряды, надѣясь получить подкрѣпленіе отъ короля, который не зналъ о ихъ гибельномъ положеніи.

Финкъ неоднократно явилъ себя опытнымъ и храбрымъ генераломъ, и здѣсь велъ себя мужественно. Онъ думалъ пробиться, собралъ прочихъ генераловъ и сообщилъ имъ свое намѣреніе. Но дефилеи, занятыя сильнымъ непріяте-

лемъ, заграждали путь, и потому предстояли на выборъ два средства: пожертвовать всемъ корпусомъ, или сдаться. Финкъ расчитывалъ, что, слѣдуя первому, онъ не окажетъ никакой услуги королю, который имѣлъ у себя въ плѣну большое число Австрійцевъ и на нихъ могъ учинить размѣнъ своихъ войскъ. Вуньшъ хотѣлъ пробиться въ ночное время съ конницею и пошелъ, но пѣхота не могла за нимъ слѣдовать, и Финкъ былъ принужденъ вступить въ переговоры. Даунъ не хотѣлъ и слышать о иныхъ условіяхъ, кромѣ сдачи Пруссаковъ военноплѣнными, требовалъ воротить Вуньша и ему также оставаться въ плѣну. Напрасно представлялъ Финкъ, что Вуньшъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ; Австрійскій главнокомандующій былъ непреклоненъ и Финкъ, стѣсненный и всюду угрожаемый, былъ принужденъ на все согласиться. Вуньшъ, получа повелѣніе, возвратился вспять, и хотя не подписалъ капитуляціи, но былъ взятъ въ плѣнъ. Обозы арміи остались неприкосновенными, какъ было выговорено въ капитуляціи, но весь корпусъ, состоящій изъ 9 генераловъ и 11000 человѣкъ пѣхоты и конницы, положилъ оружіе. Только нѣкоторымъ гусарамъ удалось спастись, которые и принесли королю это извѣстіе, только затмившее славу Пруссаковъ. По заключеніи мира, генералы: Финкъ, Ребентишъ и Герсдорфъ, были отданы

подъ военный судъ, защищеніе ихъ было признано недостаточнымъ, почему они и приговорены на заключеніе въ крѣпость. Ребентишъ на нѣкоторое время еще былъ оставленъ на службѣ, но Финкъ и Герсдорфъ тотчасъ были лишены всѣхъ чиновъ.

За этимъ несчастіемъ скоро послѣдовало и другое. Генералъ Диркъ, съ 3000 человѣкъ расположенный близъ Максена, на берегахъ Эльбы, получилъ повелѣніе короля идти назадъ, почему ему и слѣдовало переправляться через рѣку, по которой шелъ ледъ. Непріятель, истребивши небольшое число перевозныхъ судовъ, которыя тамъ находились, атаковалъ его, и Диркъ нашелся принужденнымъ сдаться съ 1400 человѣкъ, которые еще не успѣли переправиться на тотъ берегъ Эльбы. Но общее ожиданіе снова было напрасно. Даунъ, вмѣсто того, дабы воспользоваться своими большими успѣхами, и идти впередъ, опять ограничился занять весьма крѣпкій лагерь близъ Пирны, какъ будто самъ проигралъ сраженіе. Но Фридрихъ, потерявши почти всю свою армію, имѣя нынѣ не болѣе 20,000 человѣкъ подъ ружьемъ, и полки въ разстроенномъ положеніи, напротивъ, при окончаніи кампаніи, не измѣняя положенія своего, удержался, за исключеніемъ небольшаго Дрезденскаго округа, во владѣніи надъ всею Саксоніею. Чтобы замѣнить чрез-

вычайную убыль своего войска, онъ истребовалъ, для подкрѣпленія себя, наслѣднаго Брауншвейгскаго принца, съ 12 тысячьми человѣкъ, который и соединился съ нимъ подъ Хемницемъ.

Тогда открылась странная зимняя кампанія, истребившая множество солдатъ. Войско короля получило размѣщеніе кантониръ квартирами въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, близь Дрездена лежащихъ, но квартиры сіи столь были стѣснительны, что едва малая часть людей жили подъ крышею. Цѣлые полки, въ эту зиму, по разнымъ деревушкамъ разставленные, чередовались на постоѣ съ тѣми, которые стояли въ весьма большихъ селеніяхъ. Офицеры жили въ комнатахъ, а солдаты должны были строить для себя бивуаки, гдѣ, какъ татары, лежали у огня, пылающаго день и ночь. Зима сдѣлалась самая холодная, всѣ поля были покрыты снѣгомъ до колѣна, который пролежалъ нѣсколько недѣль сряду. Солдаты принуждены были на себѣ таскать дрова, за которыми ходили часто далеко въ лѣсъ, работая всѣ дни, ибо холодъ, до чрезвычайности усилившійся, требовалъ всегдашняго огня, по селеніямъ только и видѣли людей, безпрестанно идущихъ въ лѣсъ, или изъ лѣсу возвращающихся съ ношами дровъ. Продовольствіе солдата было въ одинаковой степени скудно, они имѣли только въ пищу одинъ хлѣбъ и воду. Отъ великой убыли больныхъ и слабыхъ,

остающіеся въ строю часто чередовались въ караулъ, а смѣнившись съ часовъ, солдатъ почти не имѣлъ покоя. Если онъ не запасъ для себя дровъ, то долженъ былъ ложиться въ теплую залу, чтобы какъ нибудь согрѣть свои охладѣвшіе члены.

Это еще было не все. Около Вильдсрафа, въ одной милѣ отъ Дрездена, находился небольшой лагерь, занимаемый четырью баталіонами, которые смѣнялись каждыя сутки, но оный лагерь Фридрихъ не хотѣлъ снять. Почему всей пѣхотѣ его доводилось поочередно быть дѣйствующими лицами здѣсь въ палаткахъ, которыя и были разбиты на толстыхъ древкахъ, и парусина такъ на нихъ намерзла, что была какъ деревянная.

Какъ совершенство не досталось удѣломъ смертнымъ, и послику достоинство исторіи воспрещаетъ разыскивать каждую ошибку, каждый капризъ великаго человѣка, то самое дѣло оправдываетъ наши сомнѣнія въ безполѣзности этого леданаго лагеря. Одно упрямство короля, неглубокія соображенія свидѣтельствовали о необходимости такого лагеря, въ которомъ изсякли силы человѣческія.

Въ эту зиму жестокіе морозы продолжались постоянно, и солдаты, легко одѣтые, каждый день

отмораживали у себя члены. (*) Въ лагерѣ не было ни одной теплой избы, часовые не раскладывали огней, и только для офицеровъ поставили маленькія дощатыя будки. Солдаты, у которыхъ застывала кровь, какъ сумасшедшіе бѣгали по лагерю туда и сюда, изъ края въ край, не заботились о пріуготовленіи для себя пищи, тѣснились около палатокъ, ложились другъ на друга, дабы хоть симъ средствомъ сколько нибудь обогрѣть себя. Въ этомъ состояніи всякая атака или оборона были равно невозможны, и каждый разъ полкъ, смѣнившись изъ лагеря, приходилъ на свои жалкія винтеръ-квартиры съ большимъ числомъ больныхъ. Солдаты падали какъ мухи въ своихъ убѣжищахъ, и въ сію зимнюю компанію король потерялъ болѣе людей, сколько бы онъ могъ лишиться ихъ въ двухъ сраженіяхъ. Но являлись рекруты и потому сія убыль становилась неслишкомъ примѣтною. Австрійцы были не въ лучшемъ состояніи: въ ихъ войскѣ свирѣпствовали прилипчивыя бо-

---

(*) Авторъ, находившійся тогда въ арміи короля, былъ очевидцемъ тому, что расказываетъ. Полкъ Феркада, въ которомъ служилъ Архенгольцъ, стоявшій на зимнихъ квартирахъ, за милю отъ Дрездена въ деревнѣ Костебауде, каждую недѣлю ходилъ въ Вильсдруфскій лагерь чередоваться съ прочими войсками.

Переводч.

лѣзіи, которыя, въ продолженіи шестнадцати дней, похитили у нихъ 4000 человѣкъ. Въ теченіи сей кампаніи война со Шведами, какъ и въ прошедшія, не представляла ничего достойно примѣчательнаго; но у нихъ были развязаны руки: послѣ того генералъ Клейстъ пошелъ на присоединеніе къ королю, разбитому въ Кунерсдорфѣ. Тогда Шведы заняли нѣкоторыя мѣста, слабо охраняемыя Пруссаками, овладѣли въ Штетинскомъ Портѣ девятью военными судами и городомъ Пренцлау. Однакоже Прусскій генералъ Мантейфель скоро собралъ свои войска, прогналъ Шведовъ изъ послѣдняго мѣста и оттѣснилъ ихъ на другой берегъ рѣки Пены. Послѣ безпрестанныхъ съ ними сраженій, одерживая всюду верхъ, забирая плѣнныхъ, онъ ни на минуту не давалъ покою непріятелю и занялъ Грейсвальдъ. Напослѣдокъ жестокая зима положила предѣлъ его дѣйствіямъ. Шведы, впрочемъ, учинили должное возмѣздіе этому, слишкомъ смѣлому генералу: неожиданно они напали на него ночью въ Анкламѣ и взяли его въ плѣнъ.

Въ продолженіи сей кампаніи, арміи союзниковъ сражались съ перемѣнными успѣхами. Англія же приняла дѣятельное участіе въ этой сухопутной войнѣ, и Парламентъ назначилъ на тотъ предметъ 1,900,000 фунтовъ стерлинговъ, сверхъ чрезвычайныхъ расходовъ на перевозку войскъ на твердую землю, употребленныхъ. Фран-

цузы, среди зимы, внезапно взяли Франкфуртъ на Майнѣ, городъ имперскій и вольный, который доставлялъ Имперіи деньги и участки войскъ, и потому не имѣлъ причинъ страшиться друзей Германскаго союза. Французы, подъ предлогомъ переправы за Майнъ, требовали себѣ свободнаго перехода черезъ Франкфуртъ, и Магистратъ, изъ предосторожности обыкновенной и всюду принятой, дозволилъ имъ произвести сіе отдѣльными частями. Въ слѣдствіе чего большой Французскій корпусъ собрался передъ городомъ: одинъ полкъ былъ впущенъ, за нимъ заперли ворота, и когда тотъ перешелъ черезъ мостъ, на Майнѣ наведенный, тогда дозволили вступать другому полку. Между тѣмъ весь гарнизонъ сталъ въ ружье, одна часть его занимала указанныя ворота, чтобы препровождать Французовъ, и заставить ихъ въ точности исполнять распоряженія Магистрата. Однакоже не помѣшали Французамъ овладѣть симъ главнымъ городомъ безъ пролитія крови: къ одному вступающему полку примкнули другіе, опрокинули городской караулъ, думавшій было воспротивиться ихъ насилію, и навели страхъ на прочихъ солдатъ. Такимъ образомъ совершилось занятіе Франкфурта, не взирая на союзъ его съ Имперіею. Французы вступили сюда какъ въ городъ завоеванный. Принцъ Субизъ остановился въ дворцѣ, гдѣ и отдавалъ повелѣ-

нія. Войска заняли всѣ улицы, разложили на нихъ огни; жители не смѣли выходить изъ домовъ своихъ, ни даже показываться передъ окнами, городскіе солдаты всѣ были обезоружены. Французы, овладѣвши Франкфуртомъ, получили свободную коммуникацію съ Австрійцами и Имперскими войсками и учредили въ немъ главную квартиру. Фердинандъ, въ началѣ похода, поставилъ за главное лишить ихъ сихъ преимуществъ, но исполненіе своего плана отсрочилъ до Апрѣля, потому что ему слѣдовало предпочтительно вытѣснить Австрійцевъ, Французовъ и Имперскія войска изъ Гессенской области и сосѣднихъ съ нею, ими занятыхъ провинцій. Наслѣдный Брауншвейгскій принцъ успѣшно совершилъ это. Онъ разбилъ въ разныхъ небольшихъ сшибкахъ Имперскія войска, потомъ взялъ въ плѣнъ въ Мейнингенѣ цѣлый кирасирскій полкъ, одинъ баталіонъ Виртембергцевъ и два Кельнскіе гренадерскіе баталіона, и въ короткое время союзныя области были очищены отъ непріятелей.

Для прикрытія Ганновера и Гессена, Фердинандъ оставилъ тогда 12000 человѣкъ, и съ 30 тысячьми пошелъ на Франкфуртъ. Герцогъ Броліо занялъ весьма крѣпкій постъ у селенія Бергенъ, по близости Франкфурта. Фердинанду непремѣнно слѣдовало отнять оный, дабы выполнить свой планъ и 13-го Апрѣля обѣ арміи

встрѣтились у сего мѣста. Деревня Бергенъ, защищаемая восмью Нѣмецкими баталіонами, въ Французской службѣ состоящими, позади же которой была расположена Французская пѣхота, которая открыла сильный огонь, была тотчасъ атакована Гессенскими гренадерами, подъ начальствомъ принца Изенбургскаго. Бригады Французовъ, поставленныя выгодно, удержали свой постъ противу непріятеля, которому слѣдовало переходить черезъ заборы и плѣтни. Наслѣдный Брауншвейскій принцъ подкрѣплялъ ихъ, и, съ своею дивизіею, ударилъ на лѣвый флангъ Французовъ. Ободренные этимъ Гессенцы, съ неимовѣрнымъ мужествомъ, возобновили нападеніе. Французы уже уступили имъ, какъ Броліо искуснымъ движеніемъ ударилъ во флангъ союзникамъ, Гессенцы были опрокинуты, и начальствующій ими принцъ Изенбургскій убитъ. Въ это самое время нѣкоторые Французскіе полки, воспламененные горячностію, въ большомъ безпорядкѣ, сами собою, вышли изъ линіи, преслѣдуя бѣжавшаго непріятеля, но кавалерія союзниковъ, воспользовавшись симъ случаемъ, бросилась на Французскую конницу и изрубила ихъ множество. (*)

Между тѣмъ успѣхъ сраженія зависѣлъ отъ

(*) По донесенію герцога де Броліо, при семъ ударѣ

овладѣнія постомъ у Бергена. Менѣе нежели въ три часа времени атака на него возобновлялась три раза, но безъ успѣха. Тогда слѣдовало отступить Фердинанду въ порядкѣ, въ виду превосходнаго непріятеля, и хитростію замѣнять недостатокъ силъ, ибо былъ еще полдень, а только одна ночь могла скрыть его ретираду. Въ семъ затруднительномъ положеніи, показывая, что онъ возобновитъ сраженіе, Фердинандъ раздѣлилъ свою пѣхоту на двѣ части, конницу поставилъ въ центрѣ и впереди оной выдвинулъ пѣхотную колонну, дѣлая видъ, что онъ атакуетъ селеніе Бергенъ и лѣсъ, лежащій на лѣвомъ флангѣ, по которому и открылъ сильный огонь изъ пушекъ, продолжавшійся до самой ночи. Тогда армія Союзниковъ ретировалась до Виндексна, (*) лишившись 2000 человѣкъ и 5 пушекъ. Хотя уронъ сей былъ неваженъ, но проигранное сраженіе влекло за собою дурныя послѣдствія. Французы остались во владѣніи Франкфуртомъ. Ежели бы удалось союзникамъ вытѣснить ихъ изъ сего мѣста, Фердинандъ могъ бы съ большими наде-

---

Ганноверской конницы, весьма потерпѣли полки: Бовуази и Рогана.

Переводч.

(*) Союзники отступили въ 11-ть часовъ ночью.

Переводч.

ждами продолжать свои операціи, но теперь былъ вынужденъ дѣйствовать оборонительно. Онъ удержался на Везерѣ, не взирая на разныя покушенія Французовъ отдалить его отъ этой рѣки, которые устремились впередъ, овладѣли Касселемъ, взяли штурмомъ Минденъ и въ немъ большія магазейны и 1400 человѣкъ плѣнныхъ. Послѣ правильной осады, они также покорили Минстеръ и принудили тамошній 4000 гарнизонъ сдаться имъ военноплѣннымъ. Императрица королева, желая наградить побѣдителя при Бергенѣ, возвела Броліо въ санъ принца Имперіи.

Французы имѣли въ предметѣ теперь войти въ Ганноверъ, но Фердинандъ, хитростію овладѣвши Имперскимъ городомъ Бременомъ, и, получа чрезъ то господство надъ рѣкою Везеромъ до Шпаде, разстроилъ ихъ намѣреніе. Не одно овладѣніе Ганноверомъ, но и участь всей кампаніи нынѣ зависѣла отъ генеральнаго дѣла. Потеря Миндена побудила Фердинанда ускорить сраженіемъ. И такъ, дабы принудить къ тому непріятелей, онъ отрядилъ два корпуса угрожать непріятельскимъ магазейнамъ, въ тылу ихъ находящимся. Корпусъ наслѣднаго Брауншвейгскаго принца шелъ на Гервορденъ, чтобы содѣйствовать операціямъ генерала Древса, который атаковалъ Оснабрикъ, подорвалъ тамошнія ворота, принудилъ гарнизонъ обратиться въ

бѣгство и овладѣлъ тамъ устроенными магазейнами.

Контадъ, видя выгодное положеніе союзниковъ, сталъ безпокоиться о своихъ коммуникаціяхъ. Вечеромъ, 31 Іюля, онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено выступить въ ту же ночь и на разсвѣтѣ атаковать непріятеля, а расположеніе арміи союзниковъ отдѣльными корпусами, казалось, благопріятствовало нападенію. Но главнокомандующій Французовъ, чтобы быть готовымъ, на всякій случай, приказалъ устроить девятнадцать мостовъ черезъ одинъ ручей (*), который впадаетъ въ Везеръ. Французы шли девятью колоннами. Броліо, съ одною изъ нихъ, долженъ былъ атаковать корпусъ Вагенгейма, стоявшій въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главной арміи. Въ три часа по утру, перемѣтчики дали знать Фердинанду, о нападеніи на него. Новость тѣмъ пріятнѣйшая для него, что онъ чрезвычайно хотѣлъ сраженія, и что уже онъ самъ рѣшился атаковать. Такимъ образомъ онъ немедлѣнно пошелъ въ дѣло.

(*) Рѣка Баста, протекающая по болоту, которая впадаетъ въ Везеръ у Миндена. По обѣимъ сторонамъ болота, на высотахъ, находятся вѣтреныя мѣльницы, селенія и пахатныя поля.

Переводч.

Между тѣмъ Броліо достигнулъ до лагеря Вагенгейма. Успѣхъ его преимущественно зависѣлъ отъ быстроты нападенія, но время самое дорогое было упущено. Французы, непривычные скоро выстроиваться, вмѣсто того, чтобы на разсвѣтѣ, какъ приказывалъ главнокомандующій ихъ, броситься на непріятеля, начали собирать свои разсѣянныя войска и строиться въ колонны, такъ что не ранѣе пяти часовъ, Броліо построился въ боевой порядокъ. Эта медлѣнность, дала время Вагенгейму приготовиться къ защитѣ, а Фердинанду явиться къ нему на помощь. Сей великій генералъ, искусными маневрами своими, разстроилъ весь планъ Контада. Вагенгеймъ оставилъ свой лагерь, присоединился къ болшой арміи, и Французы очутились теперь въ опасномъ положеніи, окруженные Везеромъ, болотами и непріятельскою арміею. Но слѣдовало сражаться. Броліо открылъ стремительное нападеніе, но его войска имѣли чрезвычайный уронъ отъ непріятельской артиллеріи, которая заставила молчать французскія батареи.

Кавалерія французская находилась въ центрѣ боеваго строя. Такое устройство, противное правиламъ военной науки, было причиною разбитія ихъ подъ Гохстадомъ, и здѣсь служило для союзниковъ какъ бы знакомъ побѣды. Фердинандъ приказалъ Англинской и Ганноверской конницѣ ударить на этотъ центръ, а принцу

Ангальту на лѣвое Французское крыло. (*) Колонны сіи, не взирая на страшный пушечный огонь, шли неустрашимо на непріятеля. Французская кавалерія не ожидала этой атаки, но тронулась и смѣло сама атаковала отовсюду пѣхоту, на ее идущую, которая приняла Французовъ съ удивительною твердостію, въ порядкѣ, осыпая ихъ дождемъ пуль и ядръ, такъ что войска сіи принудила въ болшомъ безпорядкѣ обратиться въ бѣгство. Другіе кавалерійскіе полки повели атаку, но также были отбиты, напослѣдокъ выступили жандармы и гренадеры, они ворвались въ самую Англинскую пѣхоту, но все равно были принуждены ретироваться. Четыре раза вступали они въ бой, и все съ одинаковымъ счастіемъ. Союзники не токмо удержали свое мѣсто, но выиграли еще большее пространство земли, отразивъ всѣ кавалерійскія атаки.

Саксонскіе полки, въ арміи Французовъ находящіеся, наиболѣе прославили себя въ сей день: своимъ смѣлымъ ударомъ они привели въ разстройство Англичанъ, но тѣ, скоро оправившись, прогнали Саксонцевъ. Бѣгущая Французская конница прорвала свою линію, а чрезъ это пѣхот-

---

(*) Принцъ Ангальтъ овладѣлъ здѣсь деревнею Галлемомъ, на лѣвомъ флангѣ Французовъ, примыкающею къ большому болоту.

Переводч.

ныя бригады, къ ней примыкавшія, никѣмъ непокровительствуемыя, открыли свои фланги. Брогліо всемѣрно старался заградить своимъ корпусомъ, который уже былъ разбитъ, центръ, находившійся въ совершенномъ разстройствѣ. Эта была та критическая минута, въ которую можно было уничтожить всю Французскую армію. Умные маневры, выполняемые съ особенною храбростію, пріуготовили этотъ моментъ, и казалось, что пораженіе Французовъ еще совершеннѣйшее, какое испытали они въ нашъ вѣкъ—подъ Гохстадомъ, у Турина, и при Рашели, было окончательно рѣшено, если-бы не измѣна одного Англинскаго генерала, который спасъ армію непріятельскую отъ всеконечной гибели.

Кавалеріи союзниковъ оставалось не болѣе, какъ довершить труды пѣхоты, и Фердинандъ, на сей конецъ, послалъ повелѣніе Лорду Саквилю, начальствовавшему надъ Англинскою и Нѣмецкою конницею. Этотъ Англичанинъ, человѣкъ со свѣдѣніями и храбрый, но недостойный сынъ отечества, питалъ въ душѣ своей низкую зависть къ Фердинанду. Одинъ онъ изъ арміи съ досадою взиралъ на одерживаемые оною успѣхи. Патріотизмъ его уступилъ мѣсто зависти, онъ сказалъ, что не понимаетъ приказаній главнокомандующаго, которыя были слишкомъ ясны. Напрасно три адьютанта, въ числѣ коихъ двое было Англичанъ, отдали ему рѣшительное приказаніе

тронуться въ атаку: онъ упустилъ столь дорогія минуты и напослѣдокъ поѣхалъ самъ искать Фердинанда, чтобы лично спросить, что ему слѣдовало дѣлать? Фердинандъ, удивясь и горя нетерпѣніемъ, прежде нежели увидѣлся съ лордомъ, послалъ точно же такое приказаніе маркизу Гранби, старшему по Саквилѣ генералу, командующему конницею во второй линіи. Гранби неотлагательно повиновался; тогда Саквиль самъ принялъ команду, но уже минута драгоцѣнная, невозратимая за всѣ сокровища Англіи, была упущена. Броліо тотчасъ воспользовался замедленіемъ непріятеля: онъ отступилъ въ довольно хорошемъ порядкѣ, и притянулъ къ себѣ и прочія войска съ лѣваго фланга.

Между тѣмъ, правое крыло союзниковъ находилось въ самомъ жаркомъ сраженіи. Прусская, Ганноверская и Гессенская конница, тамъ опрокинула Французскую пѣхоту и взяла нѣсколько тысячь плѣнныхъ. Тогда все обратилось въ бѣгство. Броліо прикрылъ ретираду праваго Французскаго крыла, а Саксонцы, не взирая на претерпѣнный ими большой уронъ, сохранили, по возможности, порядокъ и также защищали бѣгство своего лѣваго флангла. Въ семъ сраженіи Французы лишились 8000 убитыми, ранеными и плѣнными, 30 пушекъ, и 17 знаменъ. Нѣсколько дней спустя, у нихъ-же былъ отнятъ большой обозъ, часть ихъ военной казны, эки-

пажи главныхъ начальниковъ, и военный архивъ; они потеряли потомъ магазейны въ Оснабрикѣ, Минденѣ, Билефельдѣ, Падерборнѣ и другихъ мѣстахъ, ими составленные. Уронъ союзниковъ простирается до 1300 человѣкъ убитыми и ранеными. Тотчасъ послѣ сраженія, маршалъ Контадъ писалъ къ Фердинанду письмо, въ которомъ, называя его своимъ побѣдителемъ, просилъ объ оказаніи пособія его раненымъ — требованіе, которое, и безъ того, всегда было исполняемо тѣмъ великодушнымъ мужемъ, къ которому нынѣ оно относилось.

Саквиль былъ отозванъ въ Англію, онъ страшился испытать одинакій жребій съ Бингомъ, содѣйствуя, какъ членъ тайнаго совѣта, гибели этого адмирала. Вся нація, до послѣдняго человѣка, была озлоблена противу Саквиля: чернь грозила растерзать его, люди знатные смотрѣли на него какъ на послѣдняго человѣка, а Георгъ II не хотѣлъ и слышать даже его имени. Онъ лишилъ его всѣхъ военныхъ достоинствъ, потребовалъ списокъ членамъ Тайнаго Совѣта и своеручно вычеркнулъ въ ономъ имя Саквиля. Военному суду было препоручено разсмотрѣть его поступки. Саквиль, вмѣсто защиты противу обвиненій его, выставлялъ всюду одну низость: онъ говорилъ, что Фердинандъ, завидуя его воинскимъ талантамъ, изъ желанія погубить его,

присылалъ ему приказанія одно другому противорѣчущія. Но множество свидѣтелей, людей отличныхъ и самыхъ знатныхъ фамилій, прибывши изъ арміи въ Лондонъ, обнаружили передъ судилищемъ предосудительное въ сраженіи поведеніе лорда Саквиля. Онъ былъ признанъ виновнымъ и лишенъ права служить въ Великобританскихъ арміяхъ; военный совѣтъ не могъ распространить это наказаніе и на часть гражданскую: король, изъ особаго уваженія къ отцу генерала, престарѣлому герцогу Дорсету, не желалъ того сдѣлать. Вскорѣ послѣ этого событія, герцогъ, будучи во дворцѣ, приблизился къ королю съ лицемъ, на которомъ была написана самая глубочайшая горесть! Георгъ нѣсколько минутъ взиралъ на него въ молчаніи, напослѣдокъ, съ тронутымъ сердцемъ, онъ обнялъ старца, сказавши: «я сожалѣю милордъ, что вы имѣете такого сына, какъ Саквиль!» (*).

Въ день Минденскаго сраженія, Брауншвейг-

(*) Въ правленіе Георга III, при началѣ Американской воины, Саквиль, принявши титло лорда Жермена, былъ военнымъ министромъ. Ему приписываютъ неудачный планъ кампаніи 1771 года въ Сѣверной Америкѣ, когда генералъ Бургойнъ съ корпусомъ Англичанъ, въ Саратогской пустынѣ, былъ взятъ въ плѣнъ Американцами.

Переводч.

скій наслѣдный принцъ, разбилъ герцога де Бризака подъ Гоофельдомъ. Фердинандъ явилъ такое дѣйствіе, которое удивило его друзей и непріятелей: располагая вступить въ дѣло противу превосходныхъ силъ, въ это время, онъ ослабилъ себя, пославши десятитысячный корпусъ противу герцога Бризака. Всѣ распоряженія къ атакѣ его были столь вѣрно разсчитаны, что непріятель, не готовясь имѣть сраженія, увидѣлъ себя вдругъ окруженнымъ, и хотя защищался храбро, но былъ обращенъ въ бѣгство, лишившись всѣхъ своихъ тяжестей. Поле сраженія было устлано убитыми, коихъ, сряду три дни, до 2-хъ тысячь поселянъ зарывали въ землю. Уронъ союзниковъ въ этомъ дѣлѣ не превышалъ 300 человѣкъ.

Послѣдствія сей бытвы были чрезвычайно вредны для Французовъ: Контадъ принужденнымъ нашелся тотчасъ покинуть свой выгодный постъ у Миндена, очистить Кассель, перейдти за Везеръ, и слѣдовать мѣстами, совершенно раззоренными. Неослабно тревожимый и преслѣдуемый непріятелемъ, такимъ образомъ, онъ утратилъ всѣ выгоды, въ сію кампанію имъ пріобрѣтенныя. Онъ лишился большихъ запасовъ продовольствій и въ разныхъ мѣстахъ множества плѣнныхъ. — Принцъ Голштейнскій, при одномъ случаѣ, взялъ въ плѣнъ весь баталіонъ королевскихъ грена-

деръ. Въ послѣдствіи времени происходили разныя сшибки, всегда выигрываемыя союзниками. Наслѣдный принцъ, близь городка Веттера, ударилъ, въ расплохъ, на корпусъ Фишера, одна часть его была предана смерти, другая здалась, и весьма немногимъ, изъ бывшихъ здѣсь въ дѣлѣ, удалось спасти себя, въ числѣ ихъ находился и генералъ. Люкнеръ, близь Эльнгаузена, атаковалъ другой корпусъ и прогналъ его съ большимъ урономъ. 900 Французовъ, защищая Марбургъ, не хотѣли сдаться и потому слѣдовало осадить оный. По открытіи траншей, чрезъ пять дней, сей городъ сдался на капитуляцію. Генералъ Имгофъ, отправленный подъ Минстеръ, сначала блокировалъ этотъ городъ, но, въ послѣдствіи, обратился къ правильной осадѣ, и черезъ шесть дней, по открытіи траншей, тамошній гарнизонъ очистилъ городъ, получивъ для себя свободный выходъ, но вся артиллерія, всѣ запасы продовольствія, и военные снаряды, достались въ добычу побѣдителямъ. Сіе произшествіе случилось 20-го числа Ноября, въ день несчастнаго дѣла Пруссаковъ подъ Максеномъ, и когда Англинскій адмиралъ Гавке, въ страшную бурю, истребилъ весь французскій флотъ, близь береговъ Франціи, въ самомъ упорнѣйшемъ сраженіи изъ всѣхъ на морѣ происходившихъ.

Имгофъ нашелъ, что слабыя Минденскія укрѣпленія не можно долго удерживать, а потому,

оставивъ тамъ 5-ти тысячный гарнизонъ, съ прочими силами присоединился къ болшой арміи. Хотя наступало самое суровое время, но кампанія еще не была кончена, и, не взирая на сіе, однакоже союзники взяли Фульду, гдѣ находился герцогъ Виртембергскій съ своими войсками. Десять тысячь ихъ онъ уступилъ на жалованье Франціи, самъ начальствовалъ надъ ними, и стоялъ лагеремъ близь упомянутаго города. Герцогъ, не опасаясь наступленія непріятеля, пригласилъ многихъ дамъ на балъ, въ Фульду, но, при самомъ открытіи онаго, Брауншвейгскій наслѣдный принцъ, съ гусарами и драгунами, внезапно явился у городскихъ воротъ и ворвался въ городъ. Множество непріятелей было перебито, другіе разсѣялись, и 1200 человѣкъ захвачено въ плѣнъ. Герцогу посчастливилось спастись, но его войска вышли изъ Фульды въ величайшемъ разстройствѣ, а дамы при Дворѣ не танцовали.

Наслѣдный принцъ, вскорѣ послѣ этой экспедиціи, выступилъ, для подкрѣпленія короля Прусскаго, въ Саксонію, почему Французы располагали не ожидано ударить на кантониръ квартиры союзниковъ. Броліо, назначенный главнокомандующимъ, получилъ жезлъ маршала Франціи въ сіе время и желалъ ознаменовать свой новый санъ блестящимъ подвигомъ. Не взирая на самое суровое время года, 25-го Декабря,

маршалъ пошелъ на непріятеля, но Фердинандъ, блокируя Гессенъ, и расположивши свои войска по кантониръ квартирамъ, былъ всегда въ готовности: онъ встрѣтилъ Французовъ съ твердостію и послѣ жесточайшаго огня заставилъ ихъ ретироваться. Но послѣ Максонскаго дѣла, отвлеченіе Фридрихомъ къ себѣ на помощь цѣлаго корпуса союзныхъ войскъ, отняло у Фердинанда всю возможность довершить сію кампанію такъ, какъ онъ надѣялся.

Союзники, которыхъ Французы теперь привели въ движеніе, стали всѣми мѣрами вредить непріятелю. Полковникъ Люкнеръ весьма отличилъ себя въ разныхъ дѣлахъ. Каждый день они нападали на отряды Французовъ, брали у нихъ множество плѣнныхъ. Но наступившіе сильные морозы прекратили войну. – Фердинандъ расположился на зимнихъ квартирахъ въ Касселѣ и по цѣлой Вестфаліи, Французы въ окрестностяхъ Франкфурта на Майнѣ. Тогда начались нѣкоторыя попытки къ миру. Англія была въ болшемъ выигрышѣ, потеря Пруского короля была слишскомъ мала: Саксонія съ избыткомъ вознаграждала его за провинціи, взятыя непріятелемъ и не взирая на уронъ, имъ претерпѣнный, онъ все еще былъ слишкомъ страшенъ. Оба короля сдѣлали предложеніе о мирѣ. Первое открытіе о томъ произошло въ Гагѣ, и король Станиславъ, который, въ тишинѣ философа, легко утѣшился о потерѣ

Польской короны, которую онъ получалъ и терялъ два раза, предложилъ свою резиденцію, Нанси, для конгресса. Фридрихъ и Георгъ приняли это. Первый, изъ своей главной квартиры въ Фрейбергѣ, писалъ къ Станиславу слѣдующее. » Съ живѣйшею признательностію я взираю « на сіе предложеніе и охотно пріемлю оное. Всѣ « переговоры, подъ руководствомъ Вашего Ве- « личества производимые, конечно получатъ ус- « пѣхъ счастливый, но не всѣ оживлены одинако- « выми чувствами. Вѣнскій и Петербургскій « Дворы, страннымъ образомъ, отвергли предло- « женія Англинскимъ королемъ и мною имъ учи- « ненныя. Они же побудятъ конечно и короля Фран- « цузскаго продолжать войну, обѣщающую имъ « счастливыя дѣйствія. Такимъ образомъ сами « они дадутъ отвѣтъ за ту кровь, которая еще « пролита будетъ. Дай Богъ, чтобы всѣ государи, « подобно Вашему Величеству, вняли гласу « человѣчества, правотѣ, и правосудія! тогда бы « свѣтъ пересталъ быть театромъ опустошеній, « убійствъ и пожаровъ. »

Непріятельскіе Дворы доставили на тѣ предложенія о мирѣ самые неопредѣлительные отзывы, предлагая сначала открыть переговоры въ Бредѣ и послѣ въ Лейпцигѣ, но все напрасно. Непріятели Фридриха, которые надѣялись всего отъ ихъ страннаго союза, не токмо не изъявляли

наклонности къ миру, но всю зиму они усиливали свои армiи, пополняли всѣ утраты свои, въ минувшей кампанiи понесенныя. Государи, непрiязненные Фридриху, владычествовали надъ 80 миллiонами подданныхъ, онъ имѣлъ ихъ только 7 миллiоновъ; въ Пруссiи и въ другихъ провинцiяхъ, занятыхъ непрiятелемъ, онъ не могъ набирать людей на укомплектованiе полковъ. Впрочемъ Саксонiя награждала съ избыткомъ сiю утрату: она была тѣмъ богатымъ рудникомъ, изъ коего король извлекалъ деньги, продовольствiе, и солдатъ. Саксонiя выставила безчисленное множество припасовъ и людей, что налагалось на этотъ несчастный край съ большею суровостiю, такъ что въ теченiи одного 1760 года, взяли изъ нее 10000 рекрутъ, она заплатила 2 миллiона Имперскихъ червонцевъ, внесла нѣсколько сотъ тысячь четвертей хлѣба, дала нѣсколько тысячь лошадей, множество рогатаго и мѣлкаго скота въ пищу армiи. Въ добавокъ еще рубили, истребляли самые лучшiе и богатые лѣса, и продавали дрова промышленникамъ. Торгаусскiй лѣсъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ по цѣлой Германiи, испыталъ эту же участь: его положенiе, при Эльбѣ, ускорило истребленiемъ онаго, бревна сплавливали и рѣкою гоняли до Гамбурга. Такъ извороты давали королю деньги, но они не могли доставить потребное число людей, ибо Саксонiя и другiя области не могли достаточно попол-

нить рекрутами, чрезвычайное число дезертировъ. Сіи обстоятельства родили новую, единственную и доселѣ нигдѣ невидимую систему записывать въ солдаты. Стали всѣхъ плѣнныхъ зачислять въ Прусскіе полки, не спрашивали, хотятъ ли они вступить въ Прусскую службу? но насильно тащили ихъ подъ Прусскія знамена, заставляли давать присягу въ вѣрности, слѣдовательно и воевать противъ отечества своего.

Въ тоже время Прусскіе переодѣтые наборщики, болшею частію не офицеры, а наемные плутяги, умѣющіе завлекать неопытныхъ въ свои сѣти, наводнили всю Нѣмецкую имперію. Они состояли подъ командою Прусскаго полковника Колигнона, человѣка рожденнаго на столь гнусную должность, и который, своими примѣрами, просвѣщалъ своихъ подчиненныхъ, менѣе ловкихъ въ такомъ ремеслѣ. Онъ разъѣзжалъ всюду, переодѣтый въ разныхъ видахъ, пріохочивать частныхъ людей для вступленія въ Прусскую службу; не удовольствовался дѣлать каждому обѣщанія, но и молодымъ неопытнымъ людямъ, учащимся, сидѣльцамъ, купеческимъ сыновьямъ, и другимъ простякамъ, выдавалъ патенты на чины порутчиковъ и капитановъ Прусской арміи, все равно кто куда хотѣлъ: въ пѣхоту, въ кирасиры, драгуны, или гусары. Слава Прусскихъ армій столь была знаменита и такъ разнеслась повсюду, что фа-

брика Колигнонова патентовъ работала день и ночь. Ему отпускалась сумма для отправленія и на жалованье рекрутъ, но большая часть ихъ слѣдовала на собственный щетъ. Множество людей молодыхъ изъ Швабіи и областей при Рейнѣ лежащихъ, не окончивъ наукъ, бѣжали отъ родителей, купеческіе прикащики обворовывали хозяевъ, у коихъ нанимались, управители господскіе выпоражнивали сундуки, имъ въ охранность ввѣренные, и уходили отыскивать тѣхъ великодушныхъ офицеровъ короля Прусскаго, которые такъ щедро дарили офицерскими патентами, какъ мѣлкими деньгами. Съ этими дипломами они являлись въ Магдебургъ, гдѣ ихъ всѣхъ, безъ разбору, просто записывали въ солдаты. Такими средствами или еще другими коварнѣйшими, Колигнонъ и его сотрудники, въ теченіи сей войны, доставили королю, по меньшей мѣрѣ, 60000 рекрутъ.

Дѣятельность Фридриха, ревность къ службѣ офицеровъ его, и деньги, готовыя для покрытія всѣхъ издержекъ, восторжествовали надъ всѣми затрудненіями, которыя въ Вѣнѣ и Петербургѣ щитали непреодолимыми. Оба Императорскіе Двора, полагая, что недостатокъ въ людяхъ положитъ наконецъ предѣлъ успѣхамъ сего государя, сначала нашли затрудненія на щетъ размѣна плѣнныхъ и наконецъ рѣшительно въ томъ отказали. Но дѣла шли обыкновеннымъ

порядкомъ и при открытіи каждой кампаніи, Прусскія арміи всегда были укомплектованы. Вмѣсто цѣлыхъ полковъ, потерянныхъ въ Максенѣ, сформировали подъ прежними именованіями новые, въ которые поступали всѣ выздоравливающіе солдаты, внесшіе за себя выкупъ и новые рекруты.

КАМПАНІЯ 1760 ГОДА.

Сраженіе подъ Ландсгутомъ. Штурмъ Глаца. Король неудачно осаждаетъ Дрезденъ и подвергается опасности быть взятымъ въ плѣнъ. Планы союзниковъ разстроены смѣлымъ маневромъ Фридриха. Онъ побѣдителемъ при Лигницѣ и его прекрасное письмо къ маркизу Д'Аржансу. Русскіе безъ успѣха осаждаютъ Колбергъ. Они покоряютъ Берлинъ. Благородный Россійскій генералъ Тотлебенъ. Кровопролитная битва при Торгау. Контрибуціи и жестокости Прусаковъ въ Лейпцигѣ. Корбахское сраженіе. Маршалъ Броліо съ успѣхомъ дѣйствуетъ противу Фердинанда.

Державы, воющія противу Прусскаго короля, постановили, въ своихъ операціонныхъ планахъ, вынудить его пожертвовать имъ или Силезіею или Саксоніею. Вѣнскій и Петербургскій Дворы не прежде, какъ по продолжительномъ совѣщаніи, утвердились на семъ проэктѣ, ибо каждый изъ сихъ Кабинетовъ, имѣлъ въ виду особенно свои собственныя пользы. Французамъ хотѣлось, чтобы Русскіе осадили Штетинъ, но Салтыкову было желательно перенести театръ войны въ Померанію, и, по мнѣнію его, слѣдовало предпочтительнѣе всего овладѣть Данцигомъ. Австрійцы же, единственно устремившіе всѣ помышленія свои на завоеваніе Силезіи, одержали верхъ

и Салтыковъ получилъ повелѣніе съ главною Россійскою арміею вступить въ сію провинцію и осадить Бреславль. Хотя недостатокъ воинскихъ и жизненныхъ потребностей, казалось, ручался за неудачу сего предпріятія, но въ Петербургѣ выставляли сей планъ какъ чрезвычайный и неподходящимъ ни подъ какое исправленіе. Но для людей умныхъ казалась загадкою такая осада, для которой должно было взять войска отъ Вислы, а артиллерію изъ Богеміи.

Въ началѣ сего года Прусскій генералъ Фукетъ съ 13 тысячнымъ корпусомъ защищалъ Силезію. Онъ расположился въ укрѣпленномъ станѣ неподалеку отъ Ландсгута, имѣя рѣшительное повелѣніе не оставлять своего поста. Въ сей позиціи атаковалъ его Лаудонъ пятидесятьютысячнымъ корпусомъ: отбивши у него нѣкоторые полѣвые укрѣпленія и редуты, онъ потребовалъ сдачи Прусскаго генерала, какъ будто тотъ командовалъ въ крѣпости. Фукетъ отвѣчалъ ему залпами изъ пушекъ, отступая съ одной высоты на другую, и безпрестанно сражаясь до тѣхъ поръ, какъ былъ принужденъ уступить числу. Фукетъ былъ тяжело раненъ въ голову и одинъ Австрійскій кавалеристъ, когда раненый упалъ на землю, едва было не лишилъ его жизни, но конюхъ спасъ сего великаго генерала, закрывъ его собою, и при-

нявши на себя удары ему назначаемые; раны нестроеваго воина не были однакоже смертельны, онъ изцѣлился отъ нихъ, и получилъ приличное награжденіе къ безбѣдному своему содержанію.

Такимъ образомъ взятъ былъ въ плѣнъ Фукетъ съ 6000 человѣкъ, большею частію пѣхоты. Уронъ Пруссаковъ сверхъ того состоялъ изъ 600 человѣкъ убитыми и 1800 ранеными, ихъ кавалерія пробилась и весьма немного пѣхоты успѣли пробиться-же сквозь непріятелей. Австрійцы считали у себя 3000 человѣкъ убитыми и ранеными. Лаудонъ опорочилъ свою побѣду разграбленіемъ Ландсгута, города неукрѣпленнаго и цвѣтущаго отъ своей торговли полотнами. Здѣсь поступали Австрійцы все равно какъ въ мѣстѣ, взятомъ штурмомъ: столь варварскими поступками думали награждать храбрость войскъ, ободряя ихъ на новые подвиги въ будущемъ.

Важнѣйшимъ послѣдствіемъ Ландсгутской битвы было покореніе Глаца, самой большой изъ крѣпостей Прусскихъ, по Магдебургѣ. Слабый ея изъ 2400 человѣкъ гарнизонъ, состоялъ болшею частію изъ бѣглыхъ иностранцевъ, а Италіанецъ, фамиліею О, былъ недостойнымъ комендантомъ этой крѣпости, по стеченію обстоятельствъ достигшій съ сію должность. Отдаленіе короля дополнило сіи бѣдствія. Въ такомъ жалкомъ положеніи находилось сіе самое

важнѣйшее въ Силезіи мѣсто, какъ генералъ Драсковицъ, въ Іюлѣ, сильно стѣснилъ Глацъ, открылъ по немъ пушечный огонь изъ шестнадцати батарей. Пруссаки оставили сначала нѣкоторыя наружныя пристройки: Кроаты заняли ихъ и, ободренные симъ неожиданнымъ успѣхомъ, бросились на приступъ главныхъ ретраншаментовъ. Гарнизонъ, составленный изъ толико разныхъ націй, взбунтовался: цѣлыя роты бросили оружіе и въ продолженіе 4 часовъ, крѣпость, со всѣми принадлежностями, уже была въ рукахъ непріятеля, безъ всякой предварительной капитуляціи. Старый фортъ былъ взятъ штурмомъ, а новый здался на волю побѣдителей. Въ Глацѣ, Австрійцы получили знатные магазейны, и завоеваніемъ онаго они стали теперь твердою ногою въ Силезіи.

Тогда какъ все сіе случилось въ Силезіи, Фридрихъ отрядилъ принца Гейнриха съ арміею къ Одеру на Польскія границы, для наблюденія за Русскими, а самъ открылъ кампанію въ Саксоніи, осадивши Дрезденъ. Даунъ, обманутый движеніями и маршами хитраго короля, отдалился отъ сей столицы. Онъ полагалъ, что Фридрихъ, который переходилъ черезъ Лузацію, имѣлъ въ виду Силезію, а потому всѣми мѣрами старался въ томъ упредить его. Гавнокомандующій дѣйствительно уже выигралъ было два марша у короля, надѣясь извлечь ими

для себя большую выгоду, но сіе было напрасно, потому что король тотчасъ обратился назадъ и подступилъ къ Дрездену.

Прибытіе его весьма обезпокоило тамошній гарнизонъ и жителей; въ короткое время Австрійцы были вытѣснены изъ королевскаго сада и форштатовъ, можетъ быть, въ тѣ критическія минуты, смѣлый приступъ рѣшилъ бы судьбу Дрездена. По всей вѣроятности бѣдствія, нераздѣльныя съ каждымъ штурмомъ городовъ, особенно столицы королевской, заставили Фридриха принять иное намѣреніе. Онъ надѣялся скоро взять сіе важное мѣсто на капитуляцію, но приближеніе Австрійцевъ, которые, по другой сторонѣ Эльбы, открыли коммуникацію съ городомъ, и ввели въ него свѣжія войска, измѣнило ходъ дѣлъ. Слѣдовало обратиться къ формальной осадѣ Дрездена, которая принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ событій войны семилѣтней.

14 Іюля, Пруссаки открыли канонаду по городу съ обоихъ сторонъ Эльбы. Въ тотъ же день гарнизонъ зажегъ запасы дровъ, сложенные по берегамъ рѣки, чтобы они не послужили Пруссакамъ на закидываніе крѣпостныхъ рвовъ. Огонь усилился и истребилъ многія ближайшія строенія. За неприбытіемъ осадной артиллеріи, Пруссаки стрѣляли по городу изъ 12 фунто-

выхъ пушекъ и единороговъ, гранатами и калеными ядрами. Но пожары, отъ нихъ очень часто возгоравшіеся, отъ хорошаго распоряженія начальства всегда при началѣ ихъ и были потушаемы: къ симъ работамъ употребляли преимущественно жидовъ, имѣвшихъ свои домы въ Дрезденѣ. Пруссаки, разсчитывая, что опасность видѣть въ пламени столицу короля союзнаго, производитъ впечатлѣніе надъ Австрійцами, наводили болѣе орудія по строеніямъ, нежели противу крѣпостнаго вала. Комендантъ, генералъ Макиръ, руководимый повелѣніями высшей власти, непоколебимо исправлялъ свою должность. Онъ защищался, будучи подкрѣпляемъ всею Австрійскою арміею, черезъ нѣсколько дней сюда прибывшею, которой войска могли входить и выходить изъ онаго, когда требовала надобность, вытѣснивъ одинъ Прусскій корпусъ съ значущимъ урономъ за Эльбою на большое разстояніе отъ арміи короля. Открывши коммуникацію съ городомъ, всѣ усилія осаждающихъ, они содѣлали безполезными. Въ городъ вступали цѣлые Австрійскіе корпуса, дѣлали вылазки противъ осаждающихъ, и между тѣмъ гарнизонъ отдыхалъ послѣ трудовъ и усталости. Фридрихъ, осаждая Прагу и Ольмюцъ, щадилъ сіи города, но здѣсь дѣйствовалъ совсѣмъ иначе. Онъ желалъ видѣть, на опытѣ, отступятъ ли Австрійцы, дѣйствительно удостовѣрясь, что

чрезъ нѣсколько дней Дрезденъ представитъ только однѣ груды камней.

По прибытіи изъ Магдебурга осадной артиллеріи, метаніе бомбъ противу стараго города продолжалось безпрерывно. Жители испускали жалостный крикъ, не зная, въ своей смертной тоскѣ, куда бы имъ укрыться. У себя въ домахъ они подвергались быть раздавлены падающими стѣнами, сгорѣть живыми или задохнуться; на улицахъ градъ бомбъ и ядръ угрожали имъ почти неизбѣжною смертію. Подобныя несчастія происходили ежечасно, такъ что развѣ въ самой чрезвычайной крайности, они осмѣливались выходить изъ домовъ своихъ. Пруссаки наконецъ, чтобы податься ближе къ городскому валу, зажгли форштатъ у Вильсдруфскихъ воротъ, который пощадили было въ началѣ осады. Тогда пламя причинило ужаснѣйшее опустошеніе внутри и внѣ города. Главныя улицы были истреблены одна послѣ другой, великолѣпныя зданія, могущія служить украшеніемъ всякаго города Италіи, содѣлались жертвою пламени. Каждую минуту съ неимовѣрнымъ трескомъ обрушивались домы о многихъ этажахъ, доселѣ жилища довольства и трудолюбія. Ихъ злополучные хозяева и жильцы нерѣдко были раздавлены вмѣстѣ съ домами, или, спасая единственно свою жизнь, покидали ихъ и всѣ свои сокровища. Въ городѣ было много строеній со сводами и погребовъ,

могущихъ выдержать паденіе бомбъ: туда то многія фамиліи снесли свои драгоцѣнности; входы и отверстія въ нихъ были заколочены на глухо, а въ иныхъ во все заложены кирпичемъ. Принявъ сіи мѣры осторожности, жители, въ своей крайности, побросали все прочее, что могло остаться у нихъ, и спасали себя въ виноградныхъ садахъ, или по ближнимъ городамъ. Но напрасно они принимали тѣ предосторожности, напрасно надѣялись найти сохраннымъ по крайней мѣрѣ самое дорогое каждому. Австрійцы, союзники и защитники Дрезденцовъ, сами раскрыли выходы погребовъ и въ подземелья, столь надежно закладенные или заваленные, и побрали все то себѣ; какъ бы искусно не были задѣланы выходы, они умѣли открывать хитрость. Множество этихъ грабителей предавали казни, но и примѣры смерти товарищей не могли удержать ихъ хищничества. Такъ слаба была дисциплина сихъ войскъ, и ихъ варварское поведеніе въ городѣ, который сами они должны защищать.

Между тѣмъ бомбардированіе Дрездена непрерывно продолжалось. Множество бомбъ упадало на церковь Св. креста, прекраснѣйшую и древнѣйшую во всей Германіи. Колокольня ея долго пребыла незыблемою, напослѣдокъ обрушилась, и, въ своемъ паденіи, раздавила кровлю зданія съ ближайшими домами. Свирѣпство пла-

мени здѣсь довершило все. На верху башни стояло нѣсколько пушекъ, изъ коихъ, по введенному обычаю, стрѣляли въ извѣстные торжественные праздники. Изъ сихъ то орудій имѣли неблагоразуміе стрѣлять по осаждающимъ, и тогда церковь, какъ открытую батареею, слѣдовало сбить; между тѣмъ какъ не было особаго приказа оставлять прочія церкви неприкосновенными, то Прусскіе артиллеристы поступали и съ ними также какъ и съ первою. Колокольня церкви Пресвятыя Богородицы часто служила вмѣсто мишени Прусскимъ бомбамъ, но они не могли пробить свода; только учинили въ куполѣ не большія трещины.

Въ семъ несчастномъ положеніи жители единствено зоботились о спасеніи себя. Извѣстія о погибшихъ цѣлыхъ семействахъ вмѣстѣ съ ихъ разрушенными домами, и начинающійся голодъ, привели ихъ всѣхъ въ движеніе. Большая часть сихъ несчастныхъ изъ города укрывались въ Новомъ городѣ, послѣ того какъ Австрійцы открыли съ нимъ сообщенія, и гдѣ было безопасно отъ бомбъ. Тогда весь Новый городъ наполнился людьми, гдѣ тѣснились мущины и женщины даже на чердакахъ. Большія дороги были покрыты убѣгающими. Почтенные старцы, престарѣлыя дамы, ослабленныя уже преклонностію лѣтъ, шли шагами медленными, опираясь о посохъ, или поддерживаемыя руками своихъ сы-

новей или дочерей, которыя сами едва могли нести ноши, коими были обремѣнены. Здѣсь видѣли матерей, съ молодыхъ лѣтъ пріобыкшихъ къ жизни избыточной и пріятной, которыя теперь съ трудомъ влачились по дорогамъ: онѣ тащили за плечьми своихъ младенцевъ и жалобные вопли, безпрерывно повторяемые, возносили къ небу. Множество этихъ страдалицъ искали успокоенія сердца въ молитвѣ, сей утѣшительницѣ скорбящаго; всюду слышны были ихъ громогласныя моленія къ Всевышнему. Ободряли, утѣшали другъ друга, но, при видѣ зарева пылающаго города, воспоминаніе бѣдности и голода, на которые они видѣли себя осужденными, содѣлывало мало дѣйствительными тѣ утѣшенія. За неимѣніемъ лошадей, многіе люди, привыкнувшіе къ нѣгѣ и изобилію, были принуждены нести за плечами немного своихъ уцѣлевшихъ пожитковъ. Особы прекраснаго пола, коихъ находится такъ много въ сей столицѣ, нѣжныя, слабаго сложенія, тащили на себѣ ноши, подобно вьючнымъ животнымъ. Родственники и друзья везли въ тележкахъ больныхъ. Въ сіи минуты ужаса были позабыты всѣ идеи о приличіи, коимъ каждый обязанъ своему званію: всѣ уваженія, введенныя въ быту гражданскомъ относительнно чинамъ каждаго, потеряли свою силу, или совсѣмъ перестали существовать.

Осажденные были снабжены многочисленною

и исправною артиллеріею, но не могли заставить молчать Прусскія Кессель-батареи, поставленныя сзади развалинъ сгорѣвшихъ строеній. Въ одинъ день, 19 Іюля, было брошено въ городъ слишкомъ 1400 бомбъ и ядръ. Огонь всюду распространялся, не заботились уже болѣе и тушить пожары, да сіе почти было и невозможно, по той причинѣ, что осаждающіе отрѣзали всѣ каналы, доставлявшіе воду въ городъ. Быстро и отважно дѣлались вылазки: многія были счастливы осажденнымъ, которые, будучи безпрестанно подкрѣпляемы свѣжими войсками, придавали еще болѣе храбрости и иступленію ихъ атакъ. Гарнизонъ часто выгонялъ Пруссаковъ изъ траншей, заклепывалъ ихъ орудія и приводилъ въ Дрезденъ плѣнныхъ. Фридрихъ, будучи въ огорченіи отъ сихъ неудачъ, застигнулъ полкъ Бернбурга, недовольно долго защищавшій траншеи, и уступившій предъ превосходнымъ неприятелемъ. За сіе онъ опредѣлилъ полку наказаніе, какому не было примѣровъ въ военныхъ бытописаніяхъ Пруссіи: отъ солдатъ повелѣвалось отобрать тесаки, офицеры лишались позумента на шляпахъ. Тѣ и другіе конечно могли обойтиться безъ сего, еще для солдата было облегченіемъ не имѣть тесака, и едва ли было примѣтно, что и у офицера недостаетъ какого то украшенія къ мундиру. Но сіе различіе отъ прочихъ полковъ было достаточ-

нымъ, чтобы произвести особенное дѣйствіе между воинами, неравнодушными къ чести. Полкъ Бернбурга, нѣкогда сформированный славнымъ принцомъ Леопольдомъ Дессаусскимъ, нерѣдко, подавая опыты своей неустрашимости и отличной дисциплины, до чрезвычайности обидѣлся симъ наказаніемъ; почти всѣ офицеры, люди достаточные и бѣдные, увѣренные въ томъ, что исполняли свой долгъ сколько было въ ихъ силахъ, и позволяли обстоятельства, потребовали отставки, въ чемъ имъ однакоже было отказано. Во Франціи и другихъ земляхъ офицеръ оставляетъ службу когда захочетъ, но въ арміяхъ Прусскихъ, гдѣ офицеры не уступаютъ въ благородствѣ военнымъ людямъ другихъ націй, голосъ принужденія, столь малосогласующійся съ понятіями о пунктѣ чести, при Фридрихѣ всегда былъ употребляемъ.

Хотя всякое дѣйствіе сего великаго человѣка принято представлять результатомъ глубокихъ его соображеній въ наукѣ государственнаго управленія, но да позволено намъ будетъ отнести эту систему приневоливанія Фридриха, противную благоразумію и опыту, къ тѣмъ изъ причудливостей сего государя, которыя отъ обстоятельствъ родились въ немъ, и которыя напослѣдокъ сдѣлались его правилами. Исторія сего монарха избыточествуетъ подобными чертами, которыя его защитники преходятъ въ

молчаніи, коихъ философъ собираетъ съ прискорбіемъ, и коимъ историкъ обязанъ дать мѣсто въ своихъ бытописаніяхъ. Обращаюсь теперь опять къ осадѣ Дрездена, которую продолжали только изъ одной чести. Австрійцы, желавшіе видѣть конецъ сей осадѣ, обще съ Имперскими войсками, предприняли, въ расплохъ, ударить на королевскую армію, прикрывающую сію осаду. Главная квартира Фридриха была въ одной деревнѣ, нѣсколько отдаленной отъ Прусскаго лагеря. Сіе обстоятельство предвѣщало успѣхъ въ нападеніи: непріятели надѣялись захватить короля въ плѣнъ, и повторить здѣсь Гохкирхенское событіе.

Сей проэктъ, на разсвѣтѣ предположенный быть приведеннымъ въ дѣйствіе, однакоже не удался, не смотря на быстроту, употребленную въ выполненіи онаго. Легкія Австрійскія войска проникли впередъ: передовые Прусскіе караулы отступили, и король едва успѣлъ ускакать изъ селенія. Эта деревня была предѣломъ, на которомъ остановились нападающіе; Прусская армія, съ неимовѣрною скоростію, стояла уже подъ ружьемъ. Нѣсколько минутъ прежде, сіе войско, въ палаткахъ, было погружено въ глубокомъ снѣ: смертное молчаніе царствовало во всѣхъ линіяхъ, но въ три минуты пѣхота, конница и артиллерія уже были выстроившись въ боевомъ порядкѣ. Солнце стало подниматься, предвѣщая прекра-

сный лѣтній день, какъ ужасный крикъ *къ ружью*, повторяемый тысячами голосовъ, раздался по цѣлому стану (*), солдаты, несовсѣмъ одѣтые, выбѣгаютъ изъ палатокъ, смыкаются въ ряды, и вся армія, въ наилучшемъ устройствѣ, пошла впередъ на непріятеля. Даунъ не вступилъ въ сраженіе. Сіе произшествіе произвело перемѣну въ позиціи королевской арміи, которую отнесли далѣе *за большій садъ*, а для прикрытія лѣваго фланга новой позиціи въ ономъ подѣлали засѣки, рубили величественныя деревья, коихъ годы внушали къ нимъ родъ нѣкотораго почтенія; безцѣнныя по своей рѣдкости, посаженныя въ наилучшемъ порядкѣ,онѣ образовали самыя прекрасныя алеи, короче сказать, весь этотъ садъ, по своей огромности, изяществу и великолѣпію отличный предъ всѣми прочими и достойный, по всѣмъ отношеніямъ, принадлежать величайшему изъ государей Европы, и одинъ изъ украшеній Германіи, въ нѣсколько часовъ былъ весь истребленъ, на подобіе пустыни. Еще прежде осады, Саксонцы вынесли изъ него мраморныя статуи, кои украшали сей садъ, и зарыли сіе рѣдкое собраніе произведенія древнихъ художниковъ. Пруссаки не могли открыть слѣдовъ ихъ, и памятники искуства уцѣлѣли для Саксонцевъ.

(*) Авторъ говоритъ здѣсь какъ очевидный свидѣтель.

Переводч.

Съ перемѣною сей позиціи, осада шла слабѣе, и утратилась надежда покорить Дрезденъ. Между тѣмъ Австрійцы отбили транспортъ, съ военными припасами и хлѣбомъ на 8 баркахъ изъ Магдебурга плывшій въ лагерь королевскій, гдѣ показался недостатокъ продовольствія. Но какъ непріятель владѣлъ Эльбою, то всѣ обозы къ осаждающимъ могли приходить по сей рѣкѣ, подвергаясь большой опасности. Въ то время какъ Фридрихъ помышлялъ снять осаду Дрездена, тамъ было получено извѣстіе о взятіи приступомъ Глаца. Осажденные возвѣстили сію побѣду торжественными выстрѣлами, а въ слѣдъ за тѣмъ изъ всѣхъ орудій, кругомъ города, они открыли огонь ядрами; узнали и то, что неусыпный Лаудонъ, желая извлечь большую пользу отъ своихъ успѣховъ, осадилъ Бреславль. Сіе извѣстіе ускорило отступленіе короля. Въ бурную и дождливую ночь Пруссаки выступили изъ лагеря подъ Дрезденомъ. Нѣсколько пушекъ продолжали огонь въ траншеяхъ, который постепенно уменьшался и наконецъ совсѣмъ замолкъ.

Таковъ былъ успѣхъ осады Дрездена, которая стоила Пруссакамъ 1478 человѣкъ убитыми и ранеными; въ семъ городѣ превращено въ пламень 6 церквей и 416 частныхъ и общественныхъ зданій, замѣтимъ, что сгорѣли домы самые прекрасные и великіе. Множество гражданъ было

убито и изувѣчено, но большая часть обитателей, доселѣ жившихъ въ изобиліи, доведены были до крайней нищеты. Нѣсколько сотъ фамилій, пользовавшихся достояніемъ своихъ богатыхъ предковъ, безвозвратно лишились всего наслѣдственнаго имущества. — Доселѣ соединенные между собою узами нѣжнѣйшаго дружества, въ крайности обстоятельствъ, вынужденными они нашлись теперь разлучиться между собою. Дрезденцы покидали свою родину, дабы обрести для себя хотя бѣдное содержаніе на чужой сторонѣ. Молодыя особы прекраснаго пола, воспитанныя въ богатствѣ, которымъ прислуживало столько рукъ, лишились всякой надежды воротить свое, и сами должны были служить другимъ изъ куска хлѣба.

Съ неудачнымъ покушеніемъ противъ Дрездена кончилась и цѣпь несчастій, цѣлый годъ преслѣдовавшихъ Фридриха, который подвергался необычайнымъ ударамъ судьбы, но совершенно не изнемогъ подъ ними. Сраженіе при Цюллихау, выигранное Русскими въ 1759 году, было первымъ звѣномъ той цѣпи злополучій его: за нимъ послѣдовало страшное пораженіе подъ Кюнерсдорфомъ и потеря Дрездена. Вскорѣ послѣ сильный корпусъ Финка, неподалеку отъ Максена, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ симъ генераломъ. Диркъ, имѣвшій въ своихъ повелѣніяхъ другой корпусъ, хотя не столь значи-

тельный, подвергся подъ Мейсеномъ одинаковой участи съ Финкомъ. За несчастіями наступила жестокая зимняя кампанія, и явилась повальная зарзительная болѣзнь въ войскѣ: напослѣдокъ потеряна битва подъ Ландсгутомъ, взятъ Глацъ, а въ заключеніе неудачная осада Дрездена.

Король обратился отсюда въ Силезію освободить Бреславль, который Лаудонъ держалъ въ осадѣ. Нужно примѣтить, что Фридрихъ, имѣвшій особливый даръ открывать хорошихъ генераловъ для полевой службы, почти всегда ошибался въ назначеніи комендантовъ крѣпостей. На послѣднія мѣста у него обыкновенно поступали по старшинству въ чинахъ, или случайно: какой нибудь О, или Гейденъ (*) теперь его добрый геній содѣйствовалъ его намѣреніямъ.

Гвардія королевская, почти совершенно истребленая въ Коллинѣ, квартировала послѣ сего сраженія въ Бреславлѣ, почему и командиръ

(*) Фридрихъ не зналъ ни одного изъ сихъ офицеровъ. Онъ былъ изумленъ недостойными поступками перваго и мужественною защитою втораго. Гейдену, съ его гарнизоннымъ полкомъ, не суждено было служить въ полѣ и имѣть притязаніе на знаменитость; жизнь безвѣстная въ маленькомъ городкѣ, казалось, была его удѣломъ. Но его удивительная храбрость, при оборонѣ Колберга, въ разныхъ случаяхъ, разстроивала обширныя предначертанія Русскихъ.

Переводч.

оной, генералъ Тауэнціэнъ, оставался главноначальствующимъ въ столицѣ Силезіи. Воспитанный въ Потсдамской военной школѣ, и посѣдѣвшій на поляхъ брани, онъ соединялъ въ себѣ возвышенныя правила чести, былъ исполненъ неустрашимости, обогащенъ познаніями военной науки. Сіи достоинства, коими онъ обладалъ въ высшей степени, были неоцѣненны въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Лаудонъ съ 50 тысячною арміею окружилъ Бреславль, въ которомъ было 19000 военноплѣнныхъ Австрійцевъ, готовыхъ взбунтоваться Тауэнціенъ, противъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей, въ семъ обширномъ городѣ, могъ противупоставить только 3000 человѣкъ, въ числѣ коихъ было 2000 бѣглыхъ, или силою взятыхъ въ службу, и инвалидовъ. Такимъ образомъ онъ могъ только полагаться на королевскую гвардію, состоявшую около 1000 человѣкъ, побольшей части изъ иностранцевъ, которые, будучи недовольны малымъ жалованьемъ, служили не охотно, и удерживались подъ Прусскими знаменами единственно правилами чести и дисциплины. Подобные случаи достаточно обнаруживаютъ военный духъ Пруссаковъ. Одна сила дисциплины ихъ могла обуздать цѣлую военноплѣнную армію въ стѣнахъ города, противустоя тогда же и внѣ онаго сильнымъ нападеніямъ, отражая ихъ вмѣстѣ съ малымъ

числомъ или недовольныхъ солдатъ или инвалидовъ въ городѣ, посредственно укрѣпленномъ. Если историки и поэты до отдаленнаго потомства превозносятъ хвалами военныя доблести, то Гохкирхенъ и Бреславль, гдѣ обнаружилась во всемъ величіи эта дисциплина, вѣроятно пребудутъ для дѣтей нашихъ предметами удивленія.

Лаудонъ, требуя отъ коменданта сдачи города, ему представилъ, что противно правиламъ войны защищать Бреславль, который не есть крѣпость, что король былъ за Эльбою и принцъ Генрихъ неподалеку Варты, что 75 тысячь Русскихъ явятся чрезъ два дни, что онъ предоставляетъ на волю гарнизона изложить статьи капитуляціи; но, что въ случаѣ сопротивленія, 45 мортиръ превратятъ весь городъ въ пламень.« Тауэнціэнъ отвѣчалъ въ короткихъ словахъ: что Бреславль есть крѣпость, и что онъ будетъ ожидать непріятеля на валу, хотя бы весь городъ былъ превращенъ въ пламень.» Тогда началось бомбардированіе. Комендантъ принялъ такія мѣры къ оборонѣ противу осаждающихъ и своихъ враговъ внутреннихъ, что всѣ ихъ покушенія остались тщетными. Выстрѣлами изъ орудій болшаго калибра, коихъ ядра ложились въ главной квартирѣ Лаудона и нѣсколко ихъ падали на его домъ, онъ заставилъ непріятеля поотдалиться отъ города: между

16*

тѣмъ, въ неизвѣстности будетъ ли освобожденъ отъ осады, зная слабость гарнизона, Тауэнціэнъ созвалъ офицеровъ королевской гвардіи, объявилъ о своемъ положеніи, открылъ возможность непріятеля взять городъ до прибытія короля. Генералъ заключилъ, что въ семъ случаѣ онъ разстанется съ своею гвардіею, и на валу съ остальнымъ гарнизономъ онъ будетъ защищаться до послѣдней капли крови, дабы не видѣть постыднѣйшее позорище, какъ вся гвардія Фридриха будетъ взята въ плѣнъ. Офицеры, воспламененные честію и любовію къ отечеству, не отринули благородной рѣшимости своего генерала, они дали слово умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Къ счастію недошло до развязки сего отчаяннаго дѣла, ибо принцъ Гейнрихъ шелъ форсированными маршами, и Лаудонъ снялъ осаду, которая, хотя продолжалась неболѣе 5 дней, но причинила большой вредъ городу. Въ немъ сгорѣлъ самый прекрасный дворецъ, а также и домъ, занимаемый Фридрихомъ, во время пребыванія его въ Бреславлѣ.

Скорое прибытіе Гейнриха спасло не одинъ городъ, но и всю Силезію, ибо главная Россійская армія находилась только въ одной милѣ отъ Бреславля, и Салтыковъ разсчитывалъ безпрепятственно соединиться съ Австрійцами. Но, на сей разъ, принцъ Гейнрихъ своими мудрыми

мѣрами разстроилъ ихъ планъ, и Россійскій главнокомандующій не рѣшился перейти за Одеръ. Обѣ воюющія стороны теперь чрезвычайно дорожили временемъ, потому что Фридрихъ, страшившійся потерять Бреславль, шелъ форсированными переходами. Онъ оставилъ въ Саксоніи Гюльзена съ большимъ корпусомъ, переправился чрезъ Эльбу, Шпрею, Квейсъ и Боберъ, прошелъ между непріятельскими корпусами Лассія и Ридезеля, имѣя въ тоже время впереди себя непріятельскій корпусъ Бека, а въ тылу Австрійскую армію. При немъ слѣдовали 2000 повозокъ съ провіантомъ, и хотя мосты были испорчены, но онъ сдѣлалъ въ 5 дней 28 Нѣмецкихъ миль, и, безъ всякой потери, напослѣдокъ достигъ до Силезской границы. Даунъ шелъ по его слѣдамъ, но не давалъ ему сраженія, а потомъ соединился съ Лаудономъ въ томъ намѣреніи, что ежели укажетъ возможность, то затруднитъ Фридриху сблизиться съ съ арміею принца Гейнриха. Арміи, состоящія изъ 80,000 Пруссаковъ, 75,000 Русскихъ, 80,000 Австрійцевъ, раздѣлялись рѣчкою Катцбахомъ. Никогда Силезія не видала на землѣ своей толико страшныхъ ополченій.

Русскіе, еще находившіеся на противулежащемъ берегу Одера, неподалеку Бреславля, были крайне недовольны медлительными дѣйствіями Австрійцевъ. Они судили, что если король, со

стороны ихъ, не имѣлъ препятствій, при переправахъ чрезъ Эльбу, Шпрею и Боберъ, то и нынѣ онъ не будетъ затрудняемъ на Одерѣ, переправится чрезъ сію рѣку, и, соединившись съ принцомъ Гейнрихомъ, всѣми силами ударитъ на нихъ. *Для этого* говорилъ Салтыковъ *не больше будетъ нужно королю, какъ только нѣсколько форсированныхъ маршей и хитростей, ему свойственныхъ.* Въ тоже время сей генералъ объявилъ, что онъ отступитъ въ Польшу, ежели позволятъ королю перейти черезъ Одеръ.

Сія угроза вынудила Дауна вступить въ сраженіе, дабы задержать короля. Фельдмаршалъ составилъ планъ атаковать Пруссаковъ, расположенныхъ въ невыгодной позиціи при Лигницѣ. 15-го Августа, на разсвѣтѣ, слѣдовало состояться этому удару на Фридриха вдругъ съ четырехъ сторонъ, и, ежели удастся, здѣсь возобновить Гохкирхенское зрѣлище. Но, накапунѣ, король, по случаю, узналъ о намѣреніяхъ непріятеля; противу чего, немедленно принялъ свои мѣры. Лишь только наступила ночь, онъ вышелъ изъ лагеря и съ величайшею тишиною выстроился въ боевомъ порядкѣ на Лигницкихъ высотахъ: между тѣмъ, поселяне раскладывали огни въ прежнемъ мѣстѣ. Начинало разсвѣтать какъ Лаудонъ приближался съ 30,000 корпусомъ, ему слѣдовало атаковать Прусскій лѣвый флангъ въ его прежней позиціи, которая, какъ онъ зналъ,

была еще далеко. Но, къ величайшему удивленію своему, Лаудонъ очутился вдругъ передъ фронтомъ всей королевской арміи, изъ коей вторая дивизія тотчасъ бросилась на него. Свою первую дивизію, противъ праваго крыла Дауна помѣщенную, Фридрихъ назначилъ наблюдать движеніе сего генерала. Лаудонъ, въ увѣренности быть подкрѣпленнымъ, не отказался отъ дѣла, онъ полагался на мужество своихъ войскъ, и на счастіе, столь часто ему сопутствующее, онъ подвинулъ свою конницу, которая ударила на Прусскую, но неудачно. Потомъ, Прусская пѣхота тронулась и опрокинула Австрійскую. Лаудонъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, ибо, по невыгодной мѣстности, Даунъ не могъ съ успѣхомъ атаковать ожидающую его вторую дивизію Прусской арміи. Наконецъ Лаудонъ отступилъ здѣлавъ все, чего было можно ожидать отъ него, и, лично подвергаясь величайшимъ опасностямъ, онъ оставилъ королю поле сраженія, 82 пушки и 6000 плѣнныхъ; 2500 австрійцевъ были ранены и убиты. Уронъ Прусской арміи простирался до 1186 человѣкъ убитыми и ранеными.

Солнце, въ прекраснѣйшій день, позлащало своими лучами поле битвы, покрытое умирающими, убитыми и ранеными, обрызганное кровію, но оно освѣтило еще трогательнѣйшую картину. Полкъ Бернбурга, лишенный, какъ мы сказали, военныхъ почестей, идучи въ дѣло,

поклялся пріобрѣсти ихъ себѣ обратно, и рѣшимость сія, запечатленная въ душѣ всѣхъ рядовыхъ и офицеровъ разныхъ чиновъ и лѣтъ, одушевила ихъ на подвигъ отличной храбрости, достойный имени Прусскаго. Король не оставилъ это безъ вниманія. Послѣ сраженія онъ подъѣхалъ къ сему полку: офицеры наблюдали глубокое молчаніе, въ надеждѣ на правоту своего государя, но четверо старыхъ солдатъ, остановивши его лошадь, обнимали его колѣна, умоляя возвратить то благоволеніе его, котораго лишился полкъ. Тронутый Фридрихъ отвѣчалъ: дѣти мои! я вамъ возвращу его, все будетъ забыто. Того жъ числа приказомъ, отданнымъ по арміи, предоставлялось полку Бернбурга пользоваться отобранными почестями, по прежнему. Солдатамъ были отданы тесаки; всѣмъ возвѣщено о совершенномъ благоволеніи короля къ полку Бернбурга за отличіе, оказанное въ Лигницкомъ дѣлѣ.

Лигницкое сраженіе продолжалось неболѣе двухъ часовъ. Тогда какъ люди, называемые въ Европейскихъ земляхъ, людьми большаго свѣта, были погружены въ глубокомъ снѣ, а низшій класъ, питающійся трудами рукъ своихъ, едва только вставалъ, въ 5-мъ часу утра уже была одержана сія побѣда, воспрепятствовавшая соединенію Русскихъ съ Австрійцами, и уничтожившая ихъ виды на разныя Силезскія крѣпости.

Фридрихъ ознаменовалъ свой успѣхъ торжественными выстрѣлами, и тотчасъ пошелъ въ походъ. Тотъ же день армія перешла 3 Нѣмецкія мили. Ничто болѣе не препятствовало соединенію короля съ принцемъ Гейнрихомъ. Русскія отступили отъ береговъ Одера, и путь къ Бреславлю былъ открытъ Пруссакамъ.

Никогда не видали короля толико удовлетвореннымъ, какъ въ сей день. Фортуна, давно его преслѣдующая, казалось, начинала къ нему быть благосклонною, онъ выигралъ баталію, такъ сказать, на полномъ походѣ, на самыхъ тѣхъ поляхъ, гдѣ въ 1241 году происходила кровопролитная битва между Христіанами и Татарами.

Слѣдующее письмо Фридриха къ маркизу д'Аржансу, вскорѣ писанное, обнаруживаетъ настоящія его чувствованія.

«Баталія 15-го Августа, любезный маркизъ, прежде была бы важною, теперь она только улыбка. Великое сраженіе потребно, чтобы рѣшить участь нашу. Оно не отдалено, и тогда, если успѣхъ намъ поблагопріятствуетъ, мы можемъ радоваться. Я всегда вамъ признателенъ за принимаемое вами искреннее во мнѣ участіе. Силою искуства можно привести вещи къ желаемому концу. Не говорите мнѣ столько объ опасностяхъ: послѣднее сраженіе мнѣ стоило одной лошади и мундира. Такимъ образомъ сходно покупать побѣды. Я не получилъ письма, о коемъ

вы упоминаете. Наша корреспонденція блокируется съ одной стороны Русскими, съ другой Австрійцами. Чтобы очистить дорогу для адъютанта Кокцея, должно было подраться. Надѣюсь, что онъ вручилъ вамъ письмо мое. Въ жизни моей я не находился въ столь критическомъ положеніи, какъ въ сію кампанію, и увѣряю васъ, что развѣ, какимъ чудомъ, я преодолѣю всѣ препятствія, какія я предвижу. Конечно, я всегда исполню мой долгъ, но твердо помните, любезный маркизъ, что я не могу повелѣвать счастіемъ, и что во всѣхъ намѣреніяхъ моихъ я долженъ болѣе полагаться на случай, потому что я безъ средствъ имѣть непрерывные успѣхи. Мнѣ приходится довершить подвигъ Геркулеса въ такихъ лѣтахъ, когда силы меня оставляютъ, немощи мои увеличиваются, наконецъ, признаюсь вамъ, у меня не достаетъ и самой надежды, сей единственной утѣшительницы несчастныхъ. Вамъ недовольно извѣстны наши обстоятельства, чтобы составить ясную идею о всѣхъ опасностяхъ, угрожающихъ государству. Я ихъ знаю и скрываю. Я оставляю себѣ одному безпокойство, внушая прочимъ надежды, и сообщая немногія извѣстія, мнѣ благопріятныя. Если то предначертаніе, которое меня занимаетъ, будетъ удачно, то тогда только, любезный маркизъ, можно будетъ радоваться. Я живу теперь какъ военный Картезіанецъ. Дѣла чрез-

вычайно занимаютъ меня: остающееся время я удѣляю наукамъ, онѣ составляютъ единственное мое утѣшеніе, какое приносили тому великому консулу, который былъ отцемъ своего отечества, и краснорѣчія. Я не знаю увижу ли я конецъ этой войны. Если дождусь его, я непремѣнно рѣшился провести остатки дней моихъ, удалившись отъ шумности, въ нѣдрахъ философіи и дружества. Мой Бреславской домъ въ послѣднее бомбардированіе сгорѣлъ. Наши непріятели завидуютъ намъ въ дневномъ свѣтѣ, и въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, но, вѣдь, надобно же, чтобы они оставили для насъ какое безопасное мѣсто, и тогда я буду восхищенъ васъ тамъ видѣть. Согласитесь, любезный маркизъ, что ваши соотечественники болѣе слѣпы, какъ вы мыслили, они теряютъ Канаду и Пондишери, лишь бы доставить удовольствіе королевѣ Венгерской и царицѣ Россійской. Да поможетъ небо принцу Фердинанду достойно воздать имъ за таковую ихъ ревность!»

Владѣтельный герцогъ Виртембергскій, выставивши, какъ членъ Имперіи, свой участокъ войска, сверхъ того принялъ личное участіе въ сей войнѣ, и съ 12 тысячьми человѣкъ своего собственнаго войска, теперь вступилъ въ Саксонію, гдѣ и соединился онъ съ окружною Нѣмецкою арміею. Гильзенъ, стоявшій у Мейсена, при наступленіи столь превосходныхъ силъ, оста-

вилъ сей постъ, и занялъ укрѣплѣнный лагерь близъ Штрелена. Хотя 18-го Августа на него учинено было нападеніе, но Пруссаки удержались въ своей позиціи, отразили, послѣ жаркаго дѣла, атакующихъ, и взяли у нихъ 1300 плѣнныхъ. Послѣ этого дѣла, Гильзенъ слѣдовалъ къ Торгау для прикрытія тамошнихъ магазейновъ. Здѣсь онъ укрѣпилъ свой лагерь, удерживаясь въ немъ полтора мѣсяца.

Такимъ образомъ Прусскія войска торжествовали въ Силезіи и Саксоніи. Впрочемъ, выгоды, имъ пріобрѣтенныя, не были столь рѣшительны, дабы непріятель совершенно лишился возможности продолжать войну, и наносить вредъ своему страшному врагу. Даунъ, послѣ Лигницкой баталіи, превосходными движеніями короля, былъ вынужденъ отойдти въ горы, чтобы сохранить свои коммуникаціи съ Богеміею; Салтыковъ отказался отъ всякаго соединенія съ Австрійцами; генералъ Гольцъ, стоявшій съ Прусскимъ отрядомъ въ Глогау, наблюдалъ его движенія. Но въ Помераніи Россійскія войска не оставались въ бездѣйствіи: Россійской флотъ явился на томошнихъ берегахъ, и обложилъ, съ моря, Колбергъ 27 своими и Шведскими кораблями, фрегатами и бомбардирскими лодками. Въ одно время 15 тысячный корпусъ, съ сухаго пути, атаковалъ сію крѣпость. Но сіе намѣреніе также было безуспѣшно, какъ и прежнія.

Гейденъ удерживался съ удивительною храбростію до прибытія къ себѣ на помощь Вернера съ 6000 человѣкъ изъ Силезіи; сей генералъ, въ 12 маршей, сдѣлалъ 40 миль и, 18-го Сентября, явясь къ Колбергу, ударилъ на Русскихъ, которые, по отдаленности Пруссаковъ, не думали, чтобы предстояла какая возможность выручить отъ осады, окруженную ими крѣпость. Они сняли осаду и отступили частію сухимъ путемъ, частію на корабляхъ. Непріятельскій флотъ скоро удалился отъ Померанскихъ береговъ.

Тогда Вернеръ пошелъ противъ Шведовъ, атаковалъ ихъ, въ расплохъ, въ Пазевальскомъ предмѣстіи, отбилъ у нихъ семь орудій и взялъ шесть человѣкъ плѣнныхъ

Такъ прошло лѣто, наступала ненастная осень, Австрійцы и Русскіе начали помышлять о своихъ зимнихъ квартирахъ. Но, желаніе заключить сію кампанію такимъ блестящимъ подвигомъ, обратило ихъ виды на Берлинъ! Чернышевъ съ двадцатитысячнымъ корпусомъ Русскихъ войскъ и четырнадцать тысячь Австрійцевъ, подъ начальствомъ Лассія, тронулись въ Брандебургію, прикрываемую Салтыковымъ. Русскій генералъ, графъ Тотлебенъ, долгое время жившій въ Берлинѣ, начальствовалъ надъ авангардомъ ихъ. Онъ шелъ такъ поспѣшно, что въ шестой день, по выступленіи

своемъ изъ Бейтена, что въ Силезіи, съ 3000 человѣкъ, 3-го числа Октября, явился у воротъ сего столичнаго города.

Тогда находилось въ обширномъ и неукрѣпленномъ Берлинѣ 1200 человѣкъ гарнизона, слѣдовательно они не имѣли возможности удерживаться. Но престарѣлый фельдмаршалъ Левальдъ и генералъ Зейдлицъ, еще излечившійся отъ ранъ, убѣдили обороняться коменданта генерала Рахова, которому, за два года предъ симъ, Австрійцы уже отдали визитъ. Оба героя, также и генералъ Кноблаухъ, сіи истинные патріоты, хотѣли лично защищаться въ небольшихъ редутахъ, внѣ городскихъ валовъ построенныхъ. Когда комендантъ, по требованію непріятелей, отказалъ сдать городъ, то, въ слѣдъ за симъ отвѣтомъ, открылось по немъ бомбардированіе калеными ядрами и гранатами, ночью произведена сильная атака противу двухъ воротъ. Пламя показывалось въ разныхъ мѣстахъ, но осажденные успѣвали тушить пожары. Благородный примѣръ вождей, увѣнчанныхъ славою, которые, забывая свои чины и старшинство, отправляли службу на ряду съ субалтернъ-офицерами, воспламенялъ духомъ бодрости каждаго сражающагося и дополнилъ недостатокъ защитниковъ. Русскіе не штурмовали города. Назавтре, принцъ Евгеній Виртембергскій, съ 5 тысячью человѣкъ, явился на помощь Берлину. Сдѣлавши въ

одинъ переходъ 7 миль, онъ далъ небольшой роздыхъ своему отряду и атаковалъ Тотлебена и тѣснилъ его до Кереника, но въ самое то время показался корпусъ Чернышева. Онъ подкрѣпилъ Тотлебена, который снова подступилъ къ городу. Пруссаки были принуждены уступить превосходнымъ силамъ.

Между тѣмъ и Гильзенъ пришелъ въ Берлинъ изъ Саксоніи, тогда надѣялись удерживаться впереди городскихъ воротъ, и, на самой вещи, ежели бы это случилось нѣсколько дней ранѣе, столица была бы спасена, потому что Фридрихъ былъ сюда на полномъ походѣ изъ Силезіи. Военный совѣтъ положилъ вынудить Австрійскій и Русскій корпусы обратиться назадъ прежде нежели бы они овладѣли Берлиномъ. Но Прусскіе генералы щитали сіе дѣломъ слишкомъ рискованнымъ, тогда какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что большая Россійская армія прибыла къ Франкфурту на Одерѣ, и что генералъ Панинъ, съ семью полками, шелъ присоединиться къ Чернышеву. Въ слѣдствіе чего оба вновь прибывшіе Прусскіе корпуса выступили къ Шпандау, предоставивъ Берлинъ его собственному жребію.

Жребій онаго не столь былъ жестокъ, какъ ожидали: городъ немедленно сдался на капитуляцію графу Тотлебену, который здѣсь нашелъ многихъ своихъ старинныхъ друзей, и, помня съ

какимъ удовольствіемъ онъ проводилъ нѣкогда здѣсь время, поступалъ въ столицѣ съ кротостію, удивившею всѣхъ жителей. Собственно отъ Тотлебена зависѣло причинить Прусскому королю неизгладимыя потери. Берлинъ, сія новая Пальмира, съ своими великолѣпными изящной архитектуры зданіями, на песчаной равнинѣ воздвигнутый, съ своими правильными улицами, былъ тогда изъ числа самыхъ большихъ мануфактурныхъ городовъ Германіи и центромъ, откуда Прусскія арміи получали всѣ свои потребности. Тамъ находилось множество разнаго рода военныхъ снарядовъ и припасовъ, въ здѣшнихъ мастерскихъ работало ежедневно по нѣскольку тысячь человѣкъ. Коммерція въ Берлинѣ была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и тамошніе негоціанты по своимъ капиталамъ, огромному кредиту и обширнымъ оборотамъ, ни въ чемъ не уступали первѣйшимъ коммерческимъ Домамъ въ Европѣ. Негоціантъ Эникѣ на своихъ займахъ, въ теченіи года, пріобрѣлъ выгоды 400,000 марокъ звонкою серебряною монетою. Купецъ Гоцковскій подрядился выставить для короля запасовъ продовольствія на сумму 7,500,000 имперскихъ червонцевъ, и вскорѣ потомъ онъ же учинилъ заемъ городу Лейпцигу, для уплаты наложенныхъ на него контрибуцій въ 2 миліона червонныхъ. Ни одинъ частный человѣкъ въ Европѣ, не имѣлъ мануфактуръ, которыя

бы могли сравниться съ Берлинскими, негоціанта Вегелина. Евреи Ефраимъ и Ицка взяли на откупъ монету и изъ сего великаго оборота правительства, они знали извлечь столь знатныя для себя выгоды, что установляли денежный курсъ въ самыхъ знаменитыхъ торговыхъ мѣстахъ Европы, и содѣлались первостатейными богачами изъ Евреевъ, сей части свѣта.

Въ столь цвѣтущемъ состояніи находился Берлинъ, когда Тотлебенъ овладѣлъ онымъ. Скоро послѣ того, какъ сей генералъ принялъ начальствованіе въ столичномъ городѣ, прибылъ туда Ласси и съ особеннымъ неудовольствіемъ увидѣлъ такое поведеніе Русскихъ. Тогда Тотлебенъ нашелся въ необходимости принимать на себя разныя роли. Публично слышали отъ него ужасныя угрозы, въ частномъ всегда и къ каждому былъ онъ въ благосклонныхъ отношеніяхъ и выполнялъ это точно на дѣлѣ. Непріятели Фридриха не имѣли границъ въ своихъ разрушительныхъ варварскихъ притязаніяхъ: между прочимъ они хотѣли взорвать арсеналъ, зданіе величественное, образецъ совершенства новой архитектуры. Послѣдствія отъ сего лютаго замысла, были бы убійственны, ибо взрывъ предполагали начать въ центрѣ самыхъ многолюдныхъ улицъ, среди прекрасныхъ домовъ и по близости королевскаго дворца. Тотлебенъ, вынужденный уступить этому, отря-

дилъ команду изъ 50 человѣкъ Русскихъ за порохомъ въ ближайшій къ городу пороховой погребъ. По неосторожности ихъ, весь пороховой магазейнъ и съ ними взлетѣлъ на воздухъ, а какъ непріятель не слишкомъ достаточно снабженъ былъ порохомъ, то этотъ случай и спасъ арсеналъ.

Берлинскій газетчикъ говорилъ открыто о жестокостяхъ Русскихъ. Его присудили за наказаніе прогнать сквозь строй, но нѣкоторые почетные особы исходатайствовали ему милость, и онъ избѣгнулъ наказанія.

Небольшой Берлинскій гарнизонъ, по силѣ капитуляціи, сдался военноплѣннымъ, а также половинная часть кадетъ, воспитывавшихся въ военномъ училищѣ.

Берлинъ заплатилъ 15.000,000 Имперскихъ червонныхъ контрибуціи и 200,000 поднесъ въ подарокъ Австрійской и Русской арміямъ, на семъ основаніи было постановлено: дабы ни одинъ солдатъ не квартировалъ въ городѣ. Но Ласси, не уважая обоюднаго договора, вопреки Русскихъ, ввелъ нѣкоторые полки свои на постой въ городъ, который содѣлался тогда театромъ чрезвычайныхъ опустошеній. Австрійцы, получая хорошую пищу и напитки, отнимали у хозяевъ деньги, драгоцѣнныя вещи, платье, словомъ все, что можно было унести въ рукахъ. Въ нѣсколько минутъ Берлинъ наводнился шум-

нымъ зборищемъ казаковъ, кроатовъ и гусаръ, которые, средп бѣлаго дня, разъѣзжая по улицамъ, грабили проходящихъ, били ихъ чѣмъ ни попало, нѣкоторые наносили раны. Если кто изъ жителей вечеромъ осмѣлпвался показаться на улицѣ, тотъ до нага былъ обдираемъ: двѣсти девяносто два дома были ими отбиты, совершенно разграблены. Австрійцы преступили въ этомъ безчеловѣчномъ подвигѣ всѣ мѣры; не ставя ни во что капитуляцію, они слѣдовали только внушеніямъ своей національной ненависти противу королевскихъ подданныхъ, жаждѣ къ грабѣжамъ, ихъ пожирающей; какъ бѣшеные, ворвавшись въ королевскіе конюшни, до коихъ по силѣ капитуляціи не слѣдовало и прикасаться, и кои были охраняемы Русскимъ карауломъ изъ 90 человѣкъ, они разхватали всѣхъ лошадей, и ободравши экипажи изрубили ихъ въ куски. Домъ управляющаго по конюшенной части Шверина тожъ равно былъ опустошенъ. Не лучшей участи подверглись и госпитали, мѣста призрѣнія немощныхъ и нуждающихся, которые щадили всѣ варварскіе народы. Лозунгъ этихъ былъ: *грабежъ:* все равно они поступали съ храмыми и убогими, они разграбили всю утварь такъ называемой Іерусалимской церкви, похитили драгоцѣнныя чаши и кассы съ деньгами, на бѣдныхъ собранныя. Даже раскрыли нѣсколько гробницъ, и сняли съ покойниковъ

ихъ одѣяніе. Это варварское хищничество уподоблялось эпидеміи. Саксонскіе солдаты, устроенные какъ и всѣ Европейскія войска, здѣсь обнаружили свой народный характеръ. Они были расположены квартирами въ Шарлотенбургѣ, гдѣ находится знаменитый загородный дворецъ короля. Солдаты сіи выпустили изъ своей памяти, что Фридрихъ скоро войдетъ въ Саксонію непремѣнно, и слѣдовательно надъ отечественной землею ихъ, можетъ воздать мщеніемъ; подобно сумасшедшимъ они устремились въ Шарлотенбургскій дворецъ, истребляя тамъ все, что попадалось имъ на глаза; разбивали дорогія мебели, ломали въ дребезги фарфоры, зеркала, рвали по лоскуткамъ тканые и шитые золотомъ обои, прокалывали ножами картины, рубили топоромъ полы, двери и всѣ рѣзныя украшенія. Многія вещи уцѣлѣли отъ истребленія, но не отъ грабежа, потому что офицеры старались приберечь ихъ для себя. Придворная королевская церковь, была расхищена вся совершенно, тамошніе органы были поломаны. Саксонцы, въ довершеніе сихъ варварствъ, истребили всѣ изящныя Греческія антики, собранные въ Римѣ. Для короля эта утрата особенно казалась чувствительною, она была не возвратима. Сія драгоцѣнная коллекція рѣдкостей была пріобрѣтена имъ изъ кабинета кардинала Полиньека и теперь она содѣлалась до-

бычею не времени, все истребляющаго, ни тѣхъ хищныхъ ордъ, гордящихся презрѣніемъ изящныхъ искуствъ, но послужила добычею воиновъ, народа просвѣщеннаго науками и художествами. Саксонцы мало того, что бросали статуи, но отламывали у нихъ головы, руки и ноги, разбивали ихъ въ куски съ такимъ намѣреніемъ, чтобы не было возможности снова составить изъ сихъ обломковъ цѣлое.

Австрійцы, бывшіе вмѣстѣ съ Саксонцами, не отставали отъ своихъ товарищей. Начальники ихъ смотрѣли равнодушно на поступки своихъ подчиненныхъ. Шарлотенбургскіе граждане, представивъ 15,000 червонныхъ контрибуцій, надѣялись избавиться отъ всякихъ притязаній; но они жестоко всѣ ошиблись, ибо всѣ ихъ домы были разграблены, чего не можно было вынести, то было разбито и изломано. Мущинъ сѣкли до крови, или наносили имъ раны саблями, насильничали женщинъ и дѣвицъ. Двое изъ сихъ, бывшихъ раненыхъ непріятелями вмѣсто забавы, умерли предъ глазами своихъ палачей. Загородный домъ королевы въ Шенгаузенѣ, испыталъ одинаковую участь съ Шарлотенбургомъ.

Австрійцы и Русскіе, намѣреваясь занять зимнія квартиры въ Брандербургіи, полагали, что война почти кончилась. Многочисленныя войска ихъ, находились въ самомъ центрѣ владѣній Фридриха, откуда они наводняли сосѣдствен-

ныя области. Шведы начали движеніе, войска Имперскихъ округовъ были въ Саксоніи и владѣли Эльбою, Лаудонъ стоялъ въ Силезіи, Даунъ съ превосходными силами шелъ съ боку короля, но сіе мнимое торжество продолжалось только нѣсколько дней. Съ быстротою потока Фридрихъ выходилъ изъ Силезіи, и тогда сцена совершенно перемѣнилась. Слова: *король идетъ*, подобно электрической силѣ, поразили непріятельскія арміи и привели ихъ въ скороспѣшныя движенія. Большая Русская армія перешла за Одеръ, Австрійцы и Русской корпусъ оставили Берлинъ, Чернышевъ и Тотлебенъ болѣе 12 миль отошли въ два перехода отъ сей столицы. Ласси ретировался въ Саксонію на присоединеніе къ арміи Дауна.

Сіе отступленіе, разстроившее всѣ ихъ надежды, было сопровождаемо невѣроятными жестокостями. Прежде болѣе терпѣли, нежели бы приказывали грабежу: теперь грабежъ былъ слѣдствіемъ обдуманной системы: города Кепеникъ, Фюрстенвальдъ, Бѣсковъ, Ландсбергъ, Ораніенбургъ, Люббенвальдс, увеселительный замокъ Фридрихсфельдъ, и вообще всѣ мѣста, коими проходили сіи чудовища, были совершенно разграблены и опустошены. Начиная отъ воротъ Берлинскихъ до Польской, Саксонской и Силезской границъ, все пространство земли походило на пустыню. Бѣднымъ жителямъ не

оставили никакого домашняго животнаго, ни пищи, даже кровати, на чемъ бы они спать могли. Хлѣбъ въ зернѣ, который непріятель не могъ забрать съ собою, топтали въ грязь, или выпускали на воздухъ.

Австрійцы на своемъ отступленіи не щадили даже и гробницъ: въ Вильмерсдорфѣ, имѣніи Швериновъ, они раскрыли склѣпъ, въ которомъ покоились владѣльцы онаго, вынули изъ гробовъ тѣла, нѣсколько лѣтъ уже служащія пищею червямъ, ободрали ихъ и побросали въ поле. Такія злодѣйства, весьма рѣдкія между людьми образованными, неизвѣстныя дикимъ Ирокейцамъ, заслуживаютъ занять мѣсто въ исторіи и быть переданными потомству, какъ характеристическая черта этой войны.

Сан-суси и Потдсамъ, только одни, изъ всѣхъ загородныхъ дворцевъ короля, уцѣлѣли отъ разграбленія. Австрійскій генералъ Эстергази, начальствующій въ сей экспедиціи, поддержалъ честь Австріи, соблюдая самую похвальную дисциплину въ своихъ полкахъ. Онъ удивлялся драгоцѣннымъ памятникамъ искуствъ, вкуса и изящности, какія хранили тѣ дворцы, и воспретилъ до чего либо въ нихъ прикасаться.

Король, прибывши на Саксонскую границу, узналъ о поступкахъ непріятелей. Ни одна потеря не была ему чувствительнѣе разграбленія Шарлотенбурга: въ семъ случаѣ гнѣвъ одержалъ

верхъ надъ его философіею, онъ приказалъ разграбить Губертсбургскій замокъ; до того же времени Пруссаки не токмо не прикасались ни къ одному королевскому дворцу въ Саксоніи, но всегда ставили для сбереженія ихъ караулы. Волонтерскій баталіонъ Квинтусъ-Ицпліуса былъ посланъ на грабежъ и черезъ нѣсколько часовъ въ замкѣ остались однѣ только стѣны.

Когда Фридрихъ прибылъ въ Саксонію, Имперская армія была расположена при Лейпцигѣ. Сей многолюдный городъ, богатый удобствами жизни, въ чемъ съ нимъ немногія мѣста въ Германіи могли сравниться, всегда былъ приманкою какъ малымъ, такъ и большимъ войскамъ. Непріятели и друзья, безпрестанно спорили кому изъ нихъ владѣть Лейпцигомъ? Укрѣпленія онаго только что могли удерживать легкія войска, но чтобы защитить его, требовалась цѣлая армія, впереди расположенная. Но вмѣсто крѣпости онъ вмѣщалъ въ себѣ богатства, которыя навлекали на себя нападенія. Ни одинъ городъ въ эту войну не перемѣнялъ чаще его повелителей. Въ настоящемъ случаѣ Имперскія войска дѣйствительно помышляли занять въ немъ для себя зимнія квартиры, и сами жители, коимъ надоѣли безпрестанныя контрибуціи Пруссаковъ, которымъ они умѣли давать разныя названія, охотно желали того; но Фридрихъ въ своихъ планахъ никогда не забы-

валъ о семъ богатомъ золотомъ рудникѣ. По прибытіи въ Саксонію, онъ отправилъ тотчасъ генерала Гильзена противу Лейпцига. Имперскія войска поспѣшно удалились изъ онаго, и городъ былъ занятъ безъ выстрѣла.

Даунъ положилъ непремѣнно утвердиться въ Саксоніи; въ ней онъ владѣлъ Дрезденомъ, городомъ самымъ большимъ и хорошо укрѣпленнымъ; большая часть сего курфиршества, въ которомъ были сосредоточены всѣ силы Австріи, находилась въ его власти, и какъ наступала зима, то казалось, что кампанія была кончена. Но король Прусскій, въ свою очередь, никакъ не переставалъ домогаться объ удержаніи Саксоніи за собою. И такъ одна рѣшительная битва должна была указать ея властелина. Фридрихъ былъ готовъ принять се, но Даунъ не взирая на великое превосходство своихъ силъ, избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, надѣясь оборонительною системою вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Въ таковомъ предположеніи онъ избралъ крѣпкую позицію близь Торгау, ту самую, которую въ прошедшемъ году занималъ принцъ Гейнрихъ, и на которой онъ не отважился напасть на принца. Тогда король, увѣрившись въ невозможности вызвать своего противника и принять генеральное сраженіе, рѣшился, несмотря на многія препятствія, самъ атаковать Австрійцевъ. 2-го Ноября, вечеромъ, былъ отданъ при-

казъ Прусской арміи на другой день вступить въ дѣло съ непріятелемъ. 3-е Ноября было тѣмъ достопримѣчательнымъ днемъ въ лѣтописяхъ войнъ, въ который кровь человѣческая текла ручьями, и совершенное истребленіе армій, столь часто торжествующихъ, висѣло, такъ сказать, на волоскѣ и когда побѣда, долго колеблющаяся среди темноты ночной, наконецъ у непріятеля была исторгнута Пруссаками.

Король составилъ превосходный планъ нетокмо разбить, но уничтожить всю Австрійскую армію. Тремя колоннами онъ двинулся черезъ Торгаусскій лѣсъ. Австрійцы, въ случаѣ ихъ разбитія, по невозможности отступить за Эльбу, должны были или пасть сражаясь, или бросаться въ рѣку, или положить оружіе. Король въ одно время думалъ ударить на оба непріятельскіе фланга и стѣснить къ ихъ центру. Для выполненія чего, генералъ Цитенъ, съ частію арміи, былъ посланъ занять возвышенности Сиптицкія, находящіяся неподалеку Торгау. Если бы королю съ другою половиною войска удалось побить непріятеля, тогда вся большая Австрійская армія совершенно была бы сокрушена, изчезли бы силы Маріи Терезіи на дальнѣйшее продолженіе войны, и имя Торгау, подобно Каннамъ, содѣлалось бы вѣчнымъ у поэтовъ и историковъ.

Но требовалось чрезвычайнаго, дабы преодо-

лѣть всѣ препятствія. Даунъ стоялъ въ самой выгодной позиціи, примыкая лѣвымъ крыломъ къ Эльбѣ, высоты, занятыя сильными батареями, прикрывали его правый флангъ, передъ фронтомъ были лѣсъ и болота. Фридрихъ, проходя лѣсомъ, повстрѣчалъ Австрійскій Драгунскій полкъ Сентъ-Инона, который слѣдовалъ отдѣльно и теперь внезапно очутился между королевскихъ колоннъ. Прусская пѣхота заняла выходы изъ лѣсу, а кавалерія окружила непріятельскихъ Драгунъ. Гусары Цитена наиболѣе отличились въ этой операціи, они храбро приняли Австрійцевъ и весь полкъ съ генераломъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ король продолжалъ свой маршъ. Онъ обошелъ лѣвое непріятельское крыло, и хотя его колонны оставались еще сзади, не теряя времени, однимъ авангардомъ, изъ десяти гренадерскихъ баталіоновъ сформированнымъ, онъ ударилъ на Австрійцевъ. Онъ рѣшился на это, слыша вдали канонаду, и полагая, что Цитенъ уже вступилъ въ дѣло. Теперь всякая минута была слишкомъ дорога. Было два часа пополудни, немного оставалось до вечера, и сіи часы должны были рѣшить судьбу Фридриха, а можетъ быть и участь всей Прусской монархіи.

Даунъ встрѣтилъ Пруссаковъ такимъ пушечнымъ огнемъ, какого не видывали на землѣ съ

самаго изобрѣтенія пороха. Двѣсти орудій въ одинъ пунктъ, можно сказать, направленныя изъ своей пасти изрыгали всюду смерть и опустошеніе. Это было изображеніе ада, который, казалось, расторгнулъ зевъ, дабы проглотить свою добычу. (*) Старые солдаты никогда невидывали столь ужаснаго побоища. Король часто умолкалъ, говоря своимъ адьютантамъ: *какая страшная канонада! слыхали ли вы когда нибудь подобную ей?* И точно, ужасное дѣйствіе, производимое ею, превосходитъ всякую мысль. Въ полчаса времени 5,500 Прусскихъ гренадеръ, производившихъ атаку, были убиты или ранены, большая часть изъ нихъ не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла. Изъ нихъ на другой день осталось не болѣе 600 человѣкъ въ строю. Во время сраженія пустился проливной дождь, но громъ пушекъ, ударъ за ударомъ, разогналъ

(*) Если описаніе сіе слишкомъ пламенно, извинимъ автора. Это Экскизъ того, что онъ самъ видѣлъ, находившись въ Торгауской битвѣ въ первомъ баталіонѣ полка Форкада, который шелъ въ головѣ первой колонны королевской дивизіи противу непріятеля. Одинъ полкъ Форкада въ сей убивственной баталіи имѣлъ слишкомъ 800 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими и двадцать шесть офицеровъ раненыхъ и убитыхъ.

Переводч.

мрачныя облака, носящіяся надъ полемъ сраженія, и небо нѣсколько прояснѣло.

Между тѣмъ главная колона стала выходить изъ лѣсу. Еще храбрые воины ея не видали, гдѣ стоитъ непріятель, какъ обломки деревъ, сучьевъ разбитыхъ ядрами, осыпали ихъ градомъ. Эхо въ отдаленности лѣса, мрачно вторило гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, подобно трубѣ суда страшнаго. Наконецъ Пруссаки, вышедши изъ лѣсу, продолжали идти въ облакахъ дыма, и вмѣсто зрѣлища, изображающаго побѣду, они нашли поле сраженія, всюду устланное трупами, умирающими, и ранеными плавающими въ своей крови, борящимися съ мучительною смертію. Они были уже не тѣ гренадеры, отъ коихъ ожидали торжества оружія. Цитенъ находился далеко, не знали что съ нимъ случилось? и непріятель неподвижно держался позади своихъ большихъ батарей. Пруссаки старались подвинуть и пушки, но искуснымъ дѣйствіемъ Австрійской артиллеріи они были всѣ подбиты, лошади частію или переранены или убиты.

Несмотря на сію неудачу, пѣхота возобновила атаку съ твердостію и порядкомъ, отличающимъ Прусскія войска въ минуты битвъ. Австрійцы, истребивши непріятельскихъ гренадеръ, выступили также впередъ; но здѣсь пришли въ разстройство. Между тѣмъ, пушечный огонь ихъ

продолжалъ сильно вредить Пруссакамъ, вырывая у нихъ цѣлые ряды, но ихъ быстро смыкали. Молодые офицеры заступали старшихъ, когда тѣ были убиты, и своимъ примѣромъ поощряли на подвигъ самихъ ветерановъ; въ такомъ порядкѣ, подавались впередъ, вошли на возвышенія и отбили Австрійскія батареи.

Но сцена скоро перемѣнилась. Даунъ ввелъ свѣжія войска въ сраженіе: его кирасиры врубились въ Прусскую пѣхоту, произвели въ ней страшное кровопролитіе и гнали ее до самаго лѣса. Явилась Прусская конница на помощь своей бѣгущей пѣхотѣ, но и она, въ мгновеніе ока, была опрокинута. Новая атака Прусской кавалеріи была удачнѣе, она разстроила Австрійскую пѣхоту, и тутъ успѣла отхватить нѣсколько тысячь плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находилась пополовина полка Императора. Уже непріятельская линія была въ опасности, но конница Австрійская смѣло бросилась на Прусскую, и принудила ее отступить. Фридрихъ произвелъ пѣхотою новую атаку, но неуспѣшно. Ночь наступала, силы были истощены, самъ король раненъ, и сраженіе, казалось, для него было совершенно потеряно. Даунъ отправилъ въ Вѣну курьеровъ съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ. Они въѣхали въ столицу окруженные почталіонами, которые, трубя въ рога, возвѣщали объ одержанной побѣдѣ.

Но въ книгѣ судебъ опредѣленъ былъ сей тріумфъ не Маріи Терезіи, а Фридриху. Цитенъ не терялъ по напрасну времени, преодолѣвая разныя затрудненія, дабы придти къ королю на помощь, онъ дошелъ до пылающей деревни Сиптицъ. Гвардіи маіоръ Меллендорфъ, (въ послѣдствіи фельдмаршалъ) офицеръ съ великими познаніями, предложилъ одинъ маневръ, который рѣшилъ сраженіе. Мысль его была, чтобы нѣсколько баталіоновъ изъ этого селенія штурмовали ближнія высоты и главную непріятельскую батарею, все было взято. Прочіе полки, прикрываемые конницею, тащили на себѣ пушки стезею побѣды. Тогда съ Сиптицкихъ горъ открылась неожидаемая и убивственная канонада, которая весьма увеличивала безпорядокъ, уже показавшійся между Австрійцами. Пруссаки съ лѣваго фланга равномѣрно стали наступать все ближе. Ласси хотѣлъ прогнать ихъ съ высотъ, но Пруссаки удержались на томъ мѣстѣ, которымъ они овладѣли. Сей успѣхъ рѣшилъ битву. Австрійцы имѣли въ предметѣ одно отступленіе за Эльбу, на которой были наведены три плавучіе моста.

Шумъ рѣки служилъ имъ вмѣсто проводниковъ въ самую темную ночь, ибо небо было покрыто столь густыми мрачными облаками, что не было никакой возможности находить или различать предметы. Пруссаки, не имѣя и сего

указателя, блуждали толпами по полю сраженія, въ лѣсу, туда и сюда. Не зная гдѣ теперь непріятели, малѣйшее движеніе или шумъ обращалъ ихъ вниманіе, каждый шагъ часто назади ихъ дѣланъ былъ съ робостію и безпокойствомъ. Подобно привидѣнію, мечтаемому видѣть среди ночи и устрашающему слабыя души, Пруссаки всюду, казалось, видѣли непріятелей, кучи людей случайно другъ съ другомъ столкнувшіяся, стрѣляли одинъ по другому, дотолѣ какъ не обнаруживался ихъ обманчивый страхъ. Большое число Пруссаковъ были убиты своими товарищами, не было возможности ни отдавать приказаній, ни исполнять ихъ. Начальники были убиты или ранены, или ходили по полю туда и сюда, отыскивая свои разсѣянные баталіоны. Эта зимняя ночь должна была продлиться четырнадцать часовъ и была очень холодна. Нѣкоторыя Прусскія когорты къ счастію успѣли собраться въ лѣсу и разложили тамъ огни, но другія не имѣли вовсе никакого пристанища, гдѣ бы могли обогрѣться, солдаты во мракѣ бѣгали безъ чувствъ, дабы, дѣлая движенія, возвратить нѣкоторую теплоту своимъ окостенѣлымъ членамъ. Съ самаго утра они ничего не ѣли и измучились въ кровопролитномъ дѣлѣ, цѣлый день продолжавшемся. Если кто изъ нихъ и успѣлъ сберечь сухари въ ранцѣ, то негдѣ было отыскать воды, чтобы утолить

жажду. Изнеможенные, терзаемые голодомъ и жаждою, они съ великою нетерпѣливостію ждали разсвѣта, и съ нимъ новой кровавой битвы Король провелъ ночь въ сельской церкви, гдѣ перевязали его рану, принималъ рапорты, отдавалъ повелѣнія.

Сколь ни горестно было состояніе солдатъ усталыхъ и блуждающихъ, но положеніе раненыхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, было несравненно злосчастнѣе. Другъ за другомъ тащились они въ ближнія деревни, судьба опредѣлила нѣкоторымъ изъ нихъ кончить дни ихъ на самомъ томъ полѣ, гдѣ дрались они. Несчастные, окостенѣвшіе отъ мороза, нѣкоторые съ отстрѣленными членами, другіе съ раздробленными костями, плавая въ собственной крови, безъ всякой помощи, призывали себѣ скорую смерть. Многіе изъ нихъ остались еще на большія страданія: солдаты, деньщики, бабы и разные изверги, пользуясь темнотою ночи, принялись обдирать живыхъ и мертвыхъ, злодѣи не оставляли даже рубашки на бѣдныхъ раненыхъ. Напрасно страдальцы наполняли воздухъ своими жалобами: они смѣшивались съ шумомъ тысячей голосовъ. Большая часть этихъ раненыхъ были умерщвлены сими чудовищами, изъ предосторожности послѣ не быть изобличенными въ грабительствѣ. Множество были легко ранены въ ноги и по сей причинѣ не въ состоя-

нія сами были ходить, но въ холодную Ноябрскую ночь, до нага ограбленые и брошеные на оледенѣвшую землю, они учинились добычею смерти.

Между тѣмъ король, находившійся въ сельской церкви, былъ въ совершенной дѣятельности. Не зная отступленія непріятелей, онъ желалъ возобновить сраженіе, почему пѣхотѣ было приказано: не стрѣляя, съ разсвѣтомъ, прямо броситься въ штыки. Дождались только ранняго появленія дня, чтобы собрать разстроенныхъ людей, и поставить ихъ въ боевой порядокъ. Но когда разсвѣтъ открылъ поле смерти, Фридрихъ примѣтилъ, что болѣе уже не нужно было сражаться съ непріятелями. Онъ былъ властелиномъ мѣста срежения. Побѣда была рѣшительная, и Саксонія осталась въ его власти. Австрійцы, перешедши за Эльбу, отступили внизъ по ея теченію къ Дрездену: Пруссаки расположились на зимнихъ квартирахъ.

Даунъ, будучи тяжело раненъ въ семъ сраженіи, сдалъ по себѣ команду Баккову, но когда и у сего генерала вскорѣ ядромъ раздробило руку, генералъ о'Доннель принялъ главно-начальствованіе надъ арміею. Онъ поспѣшилъ прикрыть Дрезденъ и занять весьма крѣпкую позицію около Плауэна. Цитенъ, неослабно преслѣдовавшій о' Доннеля, взялъ у него много плѣнныхъ.

Обѣ арміи чрезвычайно были ослаблены Тор-

гаускимъ сраженіемъ. Австрійцы щитаютъ свою потерю въ 9000 убитыми и ранеными и 8000 плѣнными, у нихъ было взято пятьдесятъ пушекъ, тридцать знаменъ и двадцать понтоновъ. Уронъ Пруссаковъ убитыми и ранеными былъ не меньшій и тысячу пять сотъ человѣкъ плѣнныхъ достались непріятелю.

Даунъ защищался превосходно и войска Маріи Терезіи оказали величайшую храбрость. Хотя на другой день въ Вѣнѣ получили извѣстіе о перемѣнившемся событіи, которое заставило умолкнуть радостные клики о побѣдѣ, Императрица королева не престала быть очень довольною своимъ фельдмаршаломъ, который, весь израненый, возвращался ко Двору. Изъявляя особенные знаки своего къ нему уваженія, государыня выѣхала за нѣсколько миль встрѣтить фельдмаршала. Вообще сія великая монархиня умѣла воспламенять свои войска. Она обыкновенно всегда присудствовала, когда близь Вѣны проходили полки въ армію, она возбуждала ихъ къ мужеству, называя солдатъ *своими дѣтьми*, когда же имя *матушки* раздавалось въ рядахъ ихъ, ея улыбка была имъ отвѣтомъ. Наконецъ, она никогда не разставалась съ ними, не оказавъ имъ щедротъ своихъ. Послѣдствія Торгауской побѣды были весьма важны для Пруссаковъ, ибо вся Саксонія, за исключеніемъ Дрездена, опять подпала подъ власть ихъ, и ихъ зимнія кварти-

ры были теперь обезпечены. Фридрихъ былъ въ возможности послать войска въ Силезію, Бранденбургскую Мархію и Померанію, чтобы вытѣснить непріятелей изъ сихъ провинцій, онъ даже могъ усилить герцога Фердинанда 8000 человѣкъ. Пруссаки снова овладѣли Мекленбургомъ. Лаудонъ, осаждавшій Козель, теперь снялъ эту осаду и ретировался къ Глацу. Генералъ Вернеръ оттѣснилъ Шведовъ до самаго Стральзунда, и Русскіе возвратились въ Польшу на свои прежнія зимнія квартиры.

Король учредилъ свою главную квартиру въ Лейпцигѣ, куда было свезено много раненыхъ въ послѣдней баталіи. Лейпцигъ былъ крѣпко наказанъ за то, что его граждане хотѣли удержать у себя Имперскія войска, какъ вспомогательныя своего государя, и желаніе свое обнаружили явнымъ образомъ. Теперь Пруссаки начали входить къ нимъ съ своими, наиболѣе прежнихъ значительнѣйшими требованіями. Жители Лейпцига должны уплатить огромныя суммы денегъ, выставлять безчисленное множество запасовъ продовольствія. Магистратъ ссылался на невозможность удовлетворить наступающія требованія: онъ предъявилъ актъ, королемъ подписанный, коимъ означались сроки разнымъ поставкамъ, нынѣ нарушаемый; но срокъ относили до взноса контрибуціи 500,000 червонныхъ, которая была наложена на городъ. Представле-

нія магистрата по сему предмету, были безполезны и какъ оный хотѣлъ упорствовать, то Пруссаки прибѣгли къ насиліямъ: они забрали въ тюрьмы, подобно уголовнымъ преступникамъ, старшихъ членовъ магистрата и самыхъ богатѣйшихъ купцовъ, тамъ ихъ заперли весьма тѣсно по каморкамъ, гдѣ они валялись на соломѣ. Имъ было отказано въ разныхъ необходимостяхъ жизни, къ коимъ они сдѣлали привычку, не позволялось имѣть постелей, ни даже горячаго кушанья. Сначала сто двадцать достопочтеннѣйшихъ особъ, подверглись сей участи, чрезъ десять дней ихъ выпустили, ограничившись удержаніемъ только семнадцати человѣкъ, которые цѣлые четыре мѣсяца томились въ темницахъ. Привыкшіе ко всякому наслажденію жизни, здѣсь они получали самое грубое содержаніе, валялись на жесткомъ полу, и щитали за самый благодѣтельный даръ, когда ихъ чувствительныя и милыя дочери украдкою проносили имъ немного супу. Заключенные жили въ срамотѣ, обросли большими бородами. *Ну! заплатите ли собаки?* всякое утро было имъ обыкновенное привѣтствіе отъ управляющаго контрибуціею и иными сборами, который находилъ свои собственныя пользы столь немилосердо обращаться съ узниками. Если бы ихъ разсадили порознь, можетъ быть скоро бы достигли до настоящей цѣли, но, заключенные всѣ вмѣстѣ,

они ободряли другъ друга къ взаимному терпѣнію. Между ими родилось какое то особое ожесточеніе, внушившее имъ переносить скорби и лютость. Но когда имъ объявили, что ихъ съ связанными руками погонятъ пѣшкомъ въ Магдебургъ, что для сего уже все готово, тогда только они обѣщали исполнить все, что имъ будетъ возможно.

Столь безчеловѣчные и лютые поступки надъ самыми почетными гражданами Лейпцига, выполненные безъ приказаній короля, стоили жизни многимъ изъ нихъ: печаль свела ихъ самихъ, ихъ женъ и дѣтей въ могилу. Многіе частные люди выѣхали изъ Лейпцига; его торговля почти упала, его ярмарки утратили свою знаменитость, и обѣдняли.

Нужда продолжать войну самую раззорительную, вынудила Фридриха принимать и чрезвычайныя мѣры. Главнѣйшая состояла въ пониженіи достоинства монетъ Прусской и Саксонской, отданныхъ на откупъ Берлинскому Еврею Ефраиму, который каждогодно билъ слишкомъ много оной подъ Прусскимъ и Саксонскимъ штемпелями, примѣшивая въ эту монету съ излишкомъ примѣси полуметалловъ при сплавкѣ, или лигатуры. Годъ отъ году деньги Ефраимова издѣлья упадали въ промѣнахъ и покупкѣ, такъ, что августдоры его, сдѣланные почти изъ одной мѣди, ходили на равнѣ съ рейхсталлерами.

Прежде старинные августдоры принимались по пяти экю, цѣнность ихъ нынѣ на сію монету возрасла уже до двадцати экю. Сими деньгами выдавали жалованье и уплачивали за всѣ поставки для арміи, ими же получали жалованье гражданскіе чиновники и они же были пущены въ торговлю. Вся Сѣверная Германія была наводнена этими деньгами. Большіе коммерческіе города имѣли милліоны ихъ, и еще болѣе и болѣе ихъ портили, сохраняя весь наружный видъ и штемпель. Оборотливые люди, владѣющіе большими суммами тѣхъ денегъ, думали, что обладаютъ страшными сокровищами, даже, надѣясь, по заключеніи мира, купить низкими цѣнами хлѣбъ и Прусской лѣсъ, пріобрѣтали ихъ чрезвычайное множество. Всѣ сырыя произведенія, всѣ издѣлія фабрикъ и всѣ товары вообще возвышались въ цѣнности, по мѣрѣ выпуска въ оборотъ этихъ денегъ.

Марія Терезія въ семъ отношеніи дѣйствовала иначе. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ на время войны, всѣ офицеры генеральнаго штаба арміи отъ маіора до фельдмаршала получали жалованье государственными облигаціями, которыя собственно не назначались быть въ обращеніи. Тѣ, кои не хотѣли ожидать уплаты по нихъ назначенной, по окончаніи войны, съ значущею потерею, вносили ихъ въ банкъ, учрежденный императоромъ Францомъ изъ его собствен-

наго капитала, отдѣльно отъ ссудныхъ капиталовъ государства. Императоръ такимъ образомъ получилъ весьма большую прибыль, почти всѣ подряды уплачивались этими облигаціями.

Сверхъ того были великія пожертвованія дворянства: князь Венцеславъ Лихтенштейнъ, богатый помѣщикъ въ Австріи, явилъ собою прекрасный къ тому примѣръ. Будучи начальникъ артиллеріи, онъ содержалъ часть оной на свой щетъ. Другіе частные люди равномѣрно являли всю готовность къ пожертвованіямъ. Придворныя дамы, по чувствамъ патріотизма, щипали корпію. Онѣ были особенно поощрены къ подвигамъ благотворенія высокимъ примѣромъ Маріи Терезіи, которая своими руками работала корпію, для перевязки раненыхъ воиновъ. Сначала сіе занятіе было, такъ сказать, однимъ тономъ, но послѣ обратилось въ эпидимію по цѣлой Вѣнѣ. Жены простыхъ мастеровыхъ жертвовали бѣльемъ; торговля холстомъ тогда усилилась, и въ полевые госпитали отвсюду высылалось столько корпіи, что послѣ просили, чтобы прекратилось сіе добровольное подаяніе.

Надежда завоевать Силезію, послѣ безплодной пятилѣтней войны, не токмо не уменьшилась въ Вѣнѣ, но напротивъ того, взятіе Глаца питало ее, а мощные союзники Австріи принимали въ томъ дѣятельное участіе. Побѣду при Торгау, по множеству пролитой на ней крови, они щитали пора-

женіемъ короля Прусскаго, и теперь болѣе, нежели когда либо, поставили неизмѣннымъ правиломъ отнюдь не размѣнивать плѣнныхъ. Но у Фридриха не было недостатка въ солдатахъ; какъ въ его государствѣ землепашество было въ упадкѣ, то тысячи молодыхъ пахарей мѣняли охотно соху на ружье, а по недостатку въ людяхъ теперь мало разбирали ростъ и сложеніе человѣка; изъ поступившихъ на службу крестьянъ скоро образовали солдатъ. Къ рекрутамъ въ домы были командируемы офицеры съ унтеръ офицерами, для обученія ихъ день и ночь. Наставники не смотрѣли ни на морозъ, ни на снѣгъ, ни на темноту, ни на воскресные или праздничные дни. Каждодневно они учили вновь принятыхъ въ общественныхъ домахъ, въ конюшняхъ, по гумнамъ, и, по мѣрѣ успѣховъ рекрутъ, отправляли ихъ въ полки.

Послѣ толикихъ битвъ число старыхъ солдатъ, въ дѣйствующихъ арміяхъ, очевидно уменьшилось. Но у Пруссаковъ военный духъ, всасываемый вмѣстѣ съ молокомъ, замѣнялъ годы службы: на ваканціи убитыхъ офицеровъ, въ какіе чины особенно любилъ жаловать дворянъ, безпрестанно отправлялись въ армію изъ корпуса кадеты, еще недостигшіе совершенныхъ лѣтъ (*). Но эти юноши были совершенными вои-

---

(*) Такъ и пятнадцатилѣтній Архенгольцъ съ трид-

нами, и исключая крѣпости тѣлесныхъ силъ, равнялись ветеранамъ прочихъ армій. Не смотря, что они были дворяне, взрощенные подъ ружьемъ, привыкнувшіе къ пищи грубой, пріученные къ суровой жизни, переносить холодъ и зной, они знали всѣ части службы, питая въ душѣ своей высокія мысли о чести воина. Въ арміи, часто и вскорѣ по пріѣздѣ, ихъ употребляли въ довольно значительныя порученности, которыя они исправляли какъ старые офицеры съ зрѣлымъ разсужденіемъ, со вниманіемъ, съ ревностію. Иногда они учили рекрутъ, управляли небольшими отрядами, служили въ должности адьютантовъ. Въ сраженіяхъ они одушевляли даже старыхъ солдатъ, ободряя ихъ своимъ примѣромъ. Австрійцы, находивши ихъ нерѣдко между плѣнными, не обращая вниманія на способности ихъ, заключали, что у Фридриха долженъ быть крайній недостатокъ въ людяхъ, когда онъ былъ принужденъ дѣтьми наполнять убыль солдатъ.

Но эта убыль большею частію вознаграждалась Австрійскими солдатами, которые, къ концу войны, столь же много дезертировали, какъ

цатью девятью кадетами, въ Декабрѣ 1798 года, былъ отправленъ изъ корпуса въ главную квартиру короля, въ Бреславль.

Переводч.

бѣгали и солдаты короля Прусскаго. О послѣднихъ болѣе заботились въ теченіи семи кровопролитныхъ кампаній, въ коихъ счастіе столь было перемѣнчиво. Прусскія арміи никогда не нуждались продовольствіемъ: Прусскій солдатъ обыкновенно имѣлъ въ запасѣ хлѣба на три дни и болѣе, два фунта онаго выдавалось ему ежедневно, и даже послѣ потерянныхъ сраженій, при истребленіи большихъ магазейновъ, ранецъ его никогда небывалъ совершенно пустъ. Овощи доставали въ огородахъ и по деревнямъ за умѣренную цѣну, а исправный платежъ и строгая дисциплина, въ арміи наблюдаемая, приманивали въ лагери множество торгующихъ разными припасами. Кромѣ того отъ короля опредѣлено было солдату въ недѣлю по фунту мяса. Полки покупали на сію пропорцію рогатый скотъ, который не отгоняли отъ лагеря далеко на подножный кормъ безъ особой крайности.

Сія мясная порція, сама собою, впрочемъ, малозначущаяся, привлекала подъ знамена Фридриха много дезертировъ. Любовь къ свободѣ, получаемая каждымъ человѣкомъ, при его рожденіи, среди самыхъ трудовъ военныхъ, дѣлаетъ для него несноснымъ малѣйшее принужденіе. У Австрійцевъ, солдаты должны были удѣлять большую часть своего малаго жалованья въ артель, капралъ на эти деньги кормилъ своихъ людей такъ, какъ ему хотѣлось. Пруссаки не знали по-

добнаго приневоливанія, они были обязаны имѣть общее всѣмъ хозяйство, у нихъ мясная порція, варилась въ большихъ котлахъ, откуда разносили ее въ каждую палатку, по числу людей. Многіе дезертиры откровенно сознавались, что хорошая и достаточная здѣсь пища заставляла ихъ дѣлать побѣги. Въ Прусской арміи смотрѣть за скотомъ избирались солдаты, къ тому привычные; они стерегли стада съ кнутомъ въ рукахъ и ружьемъ за спиною, и какъ выбранные изъ природныхъ Пруссаковъ, они никогда потому не дѣлали побѣговъ. Будучи вооружены, они могли останавливать непріятельскія гусарскія партіи, когда тѣ нападали, дабы отбивать скотъ. Подобная экономія въ арміяхъ короля, начивая съ людей, простиралась на все. Она-то уменьшила обозы и потребности войскъ, она благопріятствовала порядку, и во всѣхъ операціяхъ совершенно клонилась къ своей цѣли. Каждая рота имѣла своего сапожника и портнаго, которые освобождались отъ обыкновенной службы, и которые на квартирахъ, въ лагеряхъ и въ отдѣльныхъ постахъ, работали на своихъ товарищей. Многія роты имѣли своихъ мясниковъ, которые покупали и убивали скотину, продавая мясо сходными цѣнами. Солдаты были и маркитантами. Пѣхота имѣла своихъ плотниковъ и оружейниковъ; кавалерія кузнецовъ и сѣдѣльниковъ; артиллерія колесниковъ и всѣ они были солдаты.

Каждый офицеръ имѣлъ деньщика изъ солдатъ же, который былъ обмундированъ и служилъ ему. Во всякой ротѣ находился каптенармусъ, имѣющій попеченіе объ оружіи и аммуниціи, и фурьеръ, на котораго заботливость возлагалось продовольствіе людей и лошадей, послѣдній также принималъ мѣста въ занятыхъ лагеряхъ; для чего въ помощь фурьера прикомандировывались двое рядовыхъ. Когда лагерь былъ занятъ, сіи квартирьеры шли впереди прочихъ войскъ, не рѣдко, составляя родъ авангарда; какъ солдаты, они не нуждались въ особенномъ прикрытіи, и нападали на непріятеля, когда онъ думалъ препятствовать ихъ занятіямъ.

Австрійцы не столь были бережливы въ людяхъ: ихъ фурьеры набирались изъ мѣщанъ, которые своими мыслями, правилами и поступками, совершенно не согласовались съ солдатами, и которые почти не знали подчиненности. Отъ сего часто рождались между тѣми и другими вражда и не устройства, неслыханныя у Пруссаковъ. Въ Прусскомъ лагерѣ каждый человѣкъ былъ солдатъ, слѣдственно все вело у нихъ къ общей и единственной цѣли. Военный мастеровой, который, во время зимнихъ квартиръ, или во время лагерное, освобождался отъ карауловъ, былъ обязанъ становиться въ ряды съ ружьемъ, когда показывался непріятель или полкъ его шелъ въ походъ. Ничто не могло уволить ихъ отъ

сраженій, отъ участвованія при осадахъ крѣпостей, они должны занимать свое мѣсто во фронтѣ, раздѣлять опасности съ своими товарищами на поляхъ сраженій, въ траншеяхъ, на приступахъ.

За сими историческими подробностями, заслуживающими сохраниться для потомства, я обращаюсь къ операціямъ, въ другой сторонѣ происходившимъ.

Французы открыли кампанію 1760 года въ числѣ ста сорока тысячь человѣкъ; сто тысячь изъ нихъ назначались дѣйствовать въ Вестфаліи, а тридцать тысячь на Рейнѣ. Броліо надѣялся и союзниковъ заставить также раздѣлиться. Нѣкоторые изъ генераловъ, сему маршалу подчиненныхъ, недовольные повышеніемъ его на сію степень, не вполнѣ содѣйствовали его предначертаніямъ; отъ этого несогласія произошла нерѣшимость, которая подала Фердинанду время черезъ Эмбденскій путь получить подкрѣпленіе Англійскихъ войскъ, поставившее Британскую армію, подъ командою его состоящую, въ двадцать тысячь сражающихся.

Тогда Фердинандъ предпринялъ атаковать Французовъ, которые показывали намѣреніе войдти въ Ганноверъ, и на тотъ конецъ началъ движеніе. Наслѣдный принцъ, командуя авангардомъ, встрѣтилъ непріятеля по близости Корбаха и, щитая, что здѣсь только одинъ отдѣльный кор-

пусъ, ударилъ на него. Но этотъ корпусъ былъ очень недалеко отъ своей большой арміи, которая безпрестанно подкрѣпляла его свѣжими войсками, между тѣмъ какъ Фердинандъ былъ въ невозможности усилить наслѣднаго принца, почему сей и долженъ былъ отступить. Французская кавалерія думала отрѣзать его ретираду, но принцъ съ конницею отбросилъ непріятеля. Союзники лишились въ этомъ дѣлѣ 800 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, и 15 пушекъ. Наслѣдный принцъ былъ раненъ, оказывая примѣры личной неустрашимости и благоразумныхъ распоряженій, коими онъ отвратилъ свое совершенное разбитіе. 16-го Іюля, семь дней спустя послѣ Карбахскаго дѣла, онъ атаковалъ другой Французскій корпусъ, близь Эмсдорфа, разбилъ его совершенно, взялъ 2000 плѣнныхъ и 6 пушекъ, множество снарядовъ и тяжести.

Корпусъ Виртембергскихъ войскъ, при началѣ кампаніи, возвратился въ отечество. Онъ оставилъ службу Франціи потому, что герцогъ не пожелалъ быть подчиненымъ Саксонскому принцу Ксаверію, брату Дофины, и потому имѣвшему при Версальсскомъ Дворѣ большее вліяніе, нежели герцогъ. Французскіе генералы: графъ Сен-Жерменъ, графъ дю-Люкъ, маркизъ Войе, также, по неудовольствію, оставили армію, отказавшись отъ службы своего государя. Ихъ

отбытіе изъ войска причинило пропасть безпорядковъ. Фердинандъ, чтобы воспользоваться онымъ, при Зарбургѣ, атаковалъ Французовъ, состоящихъ въ начальствѣ кавалера Ме. Дѣло продолжалось не долго, Французы были обращены въ бѣгство, оставивши на полѣ сраженія 1500 убитыми, 1600 плѣнными и 10 пушекъ. Въ нижней Саксоніи и Вестфаліи, гдѣ не имѣлось крѣпостей, вели малую войну съ перемѣннымъ счастіемъ и занятіемъ городовъ и округовъ, которые столь же скоро забирали какъ и очищали. Французы, принимая во владѣніе какую провинцію, назначали туда сборщиковъ податей изъ Парижа, но, по прибытіи ихъ, нерѣдко было, что въ рукахъ тѣхъ же Французовъ не оставалось тамъ ни одной деревни изъ всей провинціи. Потому завоеваніе ихъ не производило никакого дѣйствія надъ умами жителей; союзникамъ оставалось только избирать, гдѣ бы ближе можно было атаковать непріятеля.

Вскорѣ такъ и случилось: во время успѣховъ большой арміи, Минденъ, Кассель, Геттингенъ и Эймбенъ, были взяты Французами, они грозили осадить Гамельнъ. Черезъ нѣсколько дней явился Люннеръ, выгналъ завоевателей и захватилъ у нихъ большее число плѣнныхъ. Но и Французы взяли у союзниковъ въ Цигегоймѣ плѣнныхъ 700 человѣкъ, а въ Касселѣ у Фердинанда

отбили и полевую гошпиталь и показывали, что станутъ удерживать сей городъ.

Броліо, превосходный въ силахъ, не желалъ болѣе принять сраженія, по причинѣ неудовольствія, которое обнаружилось въ его арміи. Онъ укрѣпилъ свою позицію близъ Касселя; между тѣмъ какъ партіи Фердинанда затрудняли подвозы продовольствія Французамъ, и даже истребили нѣкоторые ихъ магазейны.

Въ это время Англія исключительно повелѣвала на морѣ, и успѣхи ея, въ прочихъ частяхъ свѣта, болѣе и болѣе возрастали. Въ Америкѣ, при Квебскѣ, Французы претерпѣли совершенное пораженіе; вся Канада досталась во власть побѣдителей, которые теперь простерли свои виды на Французскіе острова, въ западной Индіи находящіеся. Английскій Кабинетъ, неограниченно управляемый великимъ Питтомъ, рѣшился, ежели предстанетъ возможность, внести войну въ нѣдра самой Франціи. Для выполненія сего плана, корпусъ наслѣднаго принца былъ отряженъ въ Клевъ, дабы выгнать оттуда Французовъ. Принцъ переправился за Рейнъ, захватилъ много плѣнныхъ и окружилъ Везель, но проливные дожди, испортившіе дороги, и разлившіяся рѣки, весьма затрудняли его операціи. Но передъ крѣпостью траншеи были открыты 10-го числа Октября, и осада началась въ формѣ. Броліо, зная важность этого мѣста, рѣ-

шился освободить Везель, для чего послалъ значительный корпусъ войскъ, подъ предводительствомъ маркиза де Кастри. По прибытіи сего генерала форсированными переходами въ Рейнбергъ, сраженіе содѣлалось неизбѣжнымъ. Наслѣдный принцъ быстро ударилъ на Французовъ, занимающихъ выгодную позицію около лѣсу. Оба войска съ утра до вечера сражались съ неимовѣрною храбростію, но союзники не имѣли возможности прогнать Французовъ изъ лѣсу, всѣ усилія ихъ остались тщетны. Наслѣдный принцъ не щадилъ себя: онъ былъ вторично раненъ и подъ нимъ была убита лошадь. Союзники отступили въ наилучшемъ порядкѣ, не обезпокоиваемые непріятелемъ и перешли обратно за Рейнъ, взявши въ плѣнъ отличившагося генерала барона Врангеля, нѣсколько Французскихъ солдатъ и пушекъ Въ семъ кровопролитномъ дѣлѣ союзники потеряли 1000 человѣкъ убитыми, ранеными, и безъ вести пропавшими; уронъ со стороны Французовъ былъ еще превосходнѣе. Осада Везеля была снята, и наслѣдный принцъ расположился близь Брюйнена: около сего города, также произошло не большое дѣло, въ которомъ Французы были разбиты, потерявши 1200 человѣкъ.

Въ сіе время большая Французская армія оставалась при Касселѣ, овладѣла Геттингеномъ, и, укрѣпивши оный, поставила тамъ сильный

гарнизонъ. Фердинандъ блокировалъ сей городъ двадцать сутокъ, но гарнизонъ, защищаясь неустрашимо, 12-го Октября, произвелъ сильную вылазку и заставилъ снять блокаду.

Тогда полагали, что кампанія была кончена, но Фердинандъ, составилъ другіе рѣшительные планы, отложивъ до зимы выполненіе ихъ. Французы владѣли Гессеномъ, имѣя въ сей провинціи весьма значительные магазейны и занимая пространство отъ Везеля отъ Геттингена.

КАМПАНІЯ 1761 ГОДА.

Неудачная зимняя кампанія Фердинанда. Перемѣна въ Англинскомъ министерствѣ. Фридрихъ бесѣдуетъ въ Лейпцигѣ съ Готшедомъ и Геллертомъ. Укрѣпленный лагерь при Бунцельвицѣ. Штурмъ Швейдница. Нѣчто о Лаудонѣ. Помѣщикъ Варкочъ умышляетъ предать Фридриха непріятелямъ. Румянцевъ беретъ въ плѣнъ корпусъ генерала Кноблоха и покорлетъ Колбергъ. Тренкъ генералъ де Во заставляетъ Фердинанда снять блокаду Геттингена. Дѣйствія Союзниковъ. Фридрихъ въ самомъ отчаянномъ положеніи.

11-го числа Февраля, Фердинандъ четырью колонами атаковалъ зимнія квартиры Французовъ, и принудилъ отступить сіи войска. Французы, очиствъ многіе укрѣпленные пункты въ позиціи, ими занятой, оставили только въ Касселѣ 10,000 и въ Геттингенѣ 7,500 гарнизона, продолжая терять мѣста, менѣе укреплѣнныя: они истребляли свои магазейны, и отступали далѣе и далѣе. Союзники, безъ отдыху преслѣдуя непріятеля, успѣли захватить пять большихъ ихъ магазейновъ, и въ нихъ 80,000 четвертей муки, 50,000 четвертей овса и милліонъ раціоновъ сѣна. Дабы еще болѣе воспользоваться сими выгодами, Ганноверской генералъ Шперкъ, отъ Саксонской границы, съ корпусомъ шелъ на

соединеніе съ Пруссаками; Саксонцы же и имперскія войска старались воспрепятствовать этому соединенію. Почему 15 Февраля произошло кровопролитное дѣло у Лангонзальце, гдѣ Французы были разбиты съ потерею 5000 человѣкъ. Непріятель послѣ сего пораженія оставилъ многіе, еще имъ удержанные посты, и чрезвычайное множество перебѣжчиковъ явилось на сторону побѣдителей. Но всѣ эти выгоды были малозначущи, доколѣ Кассель былъ во власти Французовъ: осада же сего мѣста, имѣющаго сильный гарнизонъ, обезпеченнаго продовольствіемъ, и въ которомъ начальствовалъ извѣстный своею неустрашимостію графъ Броліо, братъ маршала, представляла великія затрудненія. Фердинандъ принялъ такое расположеніе своею арміею, что могъ блокировать Марбургъ и Цигенгайнъ и прикрывать осаду Касселя. Послѣ сихъ распоряженій, траншеи, подъ послѣднимъ городомъ, были открыты 1-го Марта въ самое холодное время. Но маршалъ Броліо постигалъ всю важность удержать за собою Кассель, онъ собралъ всѣ войска свои на нижнемъ Рейнѣ, пошелъ впередъ и атаковалъ наслѣднаго принца близъ Стангероде. Французы, имѣя выгоды мѣстнаго положенія и будучи превосходны въ силахъ, разбили союзниковъ, взяли у нихъ 2000 плѣнныхъ, 12 пушекъ и 18 знаменъ.

За этою неудачею послѣдовали многія другія: блокады Цигенгайна и Марбурга, а потомъ и самая осада Касселя, были сняты; всѣ посты, коими успѣли овладѣть союзники, были ими оставлены. Фердинандъ возвратился съ войскомъ въ Падерборнъ и Французы, снова владѣя всею Гессенскою землею, имѣли открытую для себя дорогу въ Ганноверъ; только недостатокъ продовольствія, послѣ утраты магазейновъ, затруднялъ успѣхи ихъ операцій. Такимъ образомъ обѣ воюющія стороны, удовольствовались возвратиться на свои зимнія квартиры.

Всѣ воюющія Державы оказывали наклонность къ миру, но требованія ихъ были такого рода, что невозможно было помышлять о дѣйствительномъ достиженіи онаго. Между тѣмъ съ потерею Англинскаго короля Георга II, умершаго въ Октябрѣ 1760, Фридрихъ получилъ утрату соразмѣрную цѣлой провинціи. Съ Георгомъ угасла въ Англіи ревность продолжать дѣятельно войну въ Нѣмецкой имперіи, или, какъ говорилъ Питтъ, завоевать Америку въ Германіи. Хотя вся Британская нація, прежде недовольная этою сухопутною войною, теперь соглашалась въ ея пользѣ, единодушно хотѣла продолженія оной и Питтъ, владычествующій въ Нижней Палатѣ, хотя держалъ еще въ своихъ рукахъ кормило государства, но его вліяніе въ Кабинетѣ уже было не то, какъ при Георгѣ II.

Онъ былъ принужденъ раздѣлять свою власть съ Лордомъ Бутомъ, фаворитомъ новаго короля, министромъ, неимѣющимъ нужныхъ способностей къ управленію, но знавшимъ сдѣлаться необходимымъ своему государю. Бутъ, не чувствуя себя способнымъ удержать правленіе государствомъ въ рукахъ своихъ, но и желая властвовать, надѣялся, во время мира найдти, въ томъ менѣе затрудненій. Сверхъ того, съ цѣлію распространить власть королевскую, онъ составилъ проэкты, коихъ не льзя бы выполнить во время военное, почему миръ былъ предметомъ его желаній. (*) Но какъ прочіе министры, Парламентъ, и вся нація, были противу того, онъ не рѣшился обнаруживать своихъ мыслей, но работалъ подъ рукою, чтобы достигнуть своей цѣли. Сіе вскорѣ обнаружилось. Англія не возобновляла трактата съ Пруссіею и Фридрихъ

(*) Архенгольцъ ошибочно судитъ о дѣйствіяхъ сего министра. Лордъ Бутъ постигалъ, что Англія входила болѣе и болѣе въ долги, участвуя въ сей для нея безплодной войнѣ. Мы знаемъ теперь, что эта война стоила Британскому народу 111,000,000 фунтовъ стерлинговъ!!! все же вознагражденіе за такіе чрезмѣрные расходы состояло въ пріобрѣтеніи Гренады, Табаго, Сен-Винцента и Канады, за которую было уплачено 3,000,000 фунтовъ стерлинговъ!

Переводч.

не получилъ субсидій, хотя Георгъ III въ рѣчи, произнесенной въ Парламентѣ, торжественно обѣщалъ выполнить всѣ обязательства, въ отношеніи союзников учиненныя. Это обѣщаніе было принято со всеобщимъ удовольствіемъ, Парламентъ положилъ поднести за сіе королю благодарственный адресъ, въ которомъ Сенатъ чужеземный, къ чести Фридриха, говорилъ сими словами: » мы не можемъ довольно удивляться непоколебимой твердости и обширному разуму нашего союзника короля Прусскаго. Отъ всего сердца, и безъ всякаго промедленія, соглашаемся мы опредѣлить ему субсидіи,» Но Бутъ не хотѣлъ болѣе и слышать о тѣхъ вспомогательныхъ суммахъ. Сначала прибѣгли къ пустымъ всякаго рода уверткамъ и отлагательствамъ, а напослѣдокъ прямо отказали въ томъ.

Король Прусскій въ своихъ зимнихъ квартирахъ не оставлялъ наукъ и искуствъ, посвящая имъ часть своего времени. Ученый офицеръ Гишаръ, или полковникъ Квинтусъ-Ициліусъ, обогащенный рѣдкими познаніями древней и новой литературы, ежедневно здѣсь бесѣдовалъ съ королемъ. Гишаръ преимущественно изучилъ тактику Грековъ и Римлянъ, и столь превосходно объяснилъ оную въ своихъ сочиненіяхъ, что сіе подало мысль Фридриху назвать его Квинтусъ-Ициліусомъ, которое имя Гишаръ взялъ съ собою и во гробъ. Когда, послѣ Тор-

гаускаго сраженія, Фридрихъ проводилъ первую зиму въ Лейпцигѣ, Квинтусъ уговорилъ его допустить въ свой кругъ и профессоровъ тамошняго университета. Надобно знать, что предубѣжденія Фридриха противу Нѣмецкихъ ученыхъ вовсе не имѣли предѣловъ: онъ не удостоивалъ никого изъ нихъ знать лично: никогда не читалъ никакихъ книгъ, на своемъ природномъ языкѣ выходящихъ, предполагая, что въ 1760 году нѣмецкая литература была на такой же степени, на какой находилась оная въ 1730 году, когда придворный шутъ Гюндлингъ начальствовалъ надъ Берлинскою Академіею наукъ. Готтшедъ, удостоившись быть допущеннымъ къ королю, хотя почитался тогда чрезвычайнымъ геніемъ, но съ коронованнымъ поэтомъ также не успѣлъ разсѣять его предубѣжденіе. Слава, носившаяся о Готтшедѣ, не взирая на его ограниченные таланты и совершенный недостатокъ въ немъ вкуса и генія, еще сильнѣе утвердила короля въ невыгодномъ мнѣніи, относительно нѣмецкихъ писателей, и сіе мнѣніе Фридрихъ не перемѣнилъ во всю жизнь свою. (*)

(*) Нѣсколько лѣтъ Готтшедъ ополчался противу писателей, составлявшихъ славу Германіи. Галлеръ, Бодмеръ, Клопштокъ, Лессингъ, по мнѣнію Готтшеда, способствовали только къ поврежденію національнаго языка и вкуса!!!

Переводч.

Напослѣдокъ, по убѣжденію Квинтуса, Фридрихъ пригласилъ къ себѣ профессора Геллерта. Его глубокія познанія, его изящный вкусъ и манера объясняться удивили короля, и увлекли его похвалы, отъ коихъ смѣшался скромный Геллертъ. Онъ свободно говорилъ королю, чѣмъ Фридрихъ не оскорбился, о его до излишества предпочтеніи Французовъ, о его непокровительствѣ нѣмецкой литературы. Впрочемъ, Фридрихъ сей только одинъ разъ и бесѣдовалъ съ этимъ ученымъ, хотя приглашалъ Геллерта чаще быть у него. Геллертъ, какъ выразился въ письмѣ Рабснеру, слѣдовалъ въ этомъ разѣ буквально правилу Сираха:» егда тя сильный призоветъ, отступай, и толико паче призоветъ тя, не приближайся, да неотриновенъ будеши.»

Фридрихъ, не получая субсидій изъ Англіи, долженъ былъ ограничиться оборонительною войною. Но Австрійцы, непривыкшіе къ тому, думали, что въ томъ скрывается такая уловка, дабы посредствомъ оной, нанести имъ иной рѣшительный ударъ. И они въ свою очередь также не хотѣли дѣйствовать наступательно, наблюдая въ самой близости за движеніями короля.

Какъ Силезія всегда была предметомъ помышленій Австрійцовъ и Русскихъ, потому наступившею весною король выступилъ въ сію провинцію, оставивъ принца Гейнриха въ Саксоніи. Даунъ пребывалъ также въ семъ курфи-

шествѣ, предоставивъ Лаудону, испытать свое счастіе противу короля. Первый разъ сей генералъ увидѣлъ себя начальникомъ большой арміи, съ которою и вошелъ въ Силезію. Главное намѣреніе его, начертанное въ планѣ послѣдней кампаніи, заключалось въ соединеніи съ большею Россійскою арміею. Но король быстротою своихъ маршей успѣлъ опередить его и поставилъ Русскихъ, которые, прибывши изъ Польши къ Бреславлю, открыли канонаду по сему городу изъ семи батарей, въ невозможность перейдти за Одеръ. Наконецъ, 12-го числа Августа, они переправились чрезъ сію рѣку, и желаемое соединеніе двухъ армій, о которомъ заботились четыре года, совершилось.

Фельдмаршалъ Бутурлинъ нынѣ былъ главнокомандующимъ Россійскими войсками въ Германіи. Армія Русская состояла изъ 70 тысячь человѣкъ, Австрійцы имѣли въ строю 60 тысячь, Фридрихъ обоимъ имъ могъ противуставить 50 тысячь сражающихся, съ коими и занялъ лагерь у Бунцельвица, близь Швейдница. Непріятель окружилъ его въ сей позиціи, предоставивъ одинъ тылъ ему свободнымъ. За нѣсколько дней передъ симъ, были получены въ Россійской главной квартирѣ медали, выбитыя въ память Кунерсдорфскаго сраженія и изображающія сію знаменитую битву. Медали сіи

были розданы воинамъ, участвовавшимъ въ томъ дѣлѣ.

Въ продолженіе этой войны, часто военныя и политическія дѣла Фридриха находились въ самомъ критическомъ положеніи, но въ настоящее время они достигли до возможной крайности. Теперь баталія, во всякое иное время столь бы для него выгодная, была бы дерзостію, по причинѣ несравненно превосходнѣйшаго числомъ непріятеля. Самая побѣда, столь для него нынѣ трудная, могла быть куплена весьма дорогою цѣною, и была бы одна пустая выгода: напротивъ, проигранное имъ сраженіе навлекло бы для него ужасныя и гибельнѣйшія послѣдствія. Король недолго затруднялся въ выборѣ: въ первой разъ своей жизни онъ положилъ всѣми мѣрами избѣгать сраженія. Въ его главной арміи, составленной изъ отборнѣйшихъ полковъ, не знали, что такое окапываться, въ особенности когда самъ король былъ съ нею; при занятіи лагерей имѣли привычку, по уставамъ войны, возвышать эполементы для пѣхотныхъ пикетовъ и ставить батареи для орудій большаго калибра. Но теперь слѣдовало укрѣпить цѣлый лагерь. Фридрихъ былъ вынужденъ на этотъ трудъ чрезвычайностію обстоятельствъ и отмѣнно скоро произвелъ всѣ нужныя полевыя работы.

Центръ этого лагеря находился около мили отъ Швейдница. Вся черта его, за коею стояла пѣхо-

та, была обведена ретраншаментами съ глубокими рвами, двадцать четыре большія батареи возвышались на сихъ окопахъ. Передъ валомъ былъ врытъ полисадъ, поставлены рогатки, а передъ ними выкопаны еще въ три ряда вольчьи ямы. Подъ каждою батареею были проведены по два фугаса, выкопаны, на нѣкоторомъ разстояніи отъ батарей, рвы, наполненные порохомъ, ядрами и гранатами, но посредствомъ гласисовъ сообщающіеся съ батареями. Для усиленія ихъ король взялъ изъ Шведница въ лагерь полтораста орудій.

Такъ былъ устроенъ лагерь Пруссаковъ при Бунцельвицѣ, уподобляющійся крѣпости, которою непріятель не могъ овладѣть, не превозмогши самыхъ чрезвычайныхъ затрудненій. Если удивительны были укрѣпленія его, то не менѣе и та поспѣшность, съ которою довершили, въ трое сутокъ, столь большія работы. Между тѣмъ какъ половина арміи здѣсь работала, другая отдыхала, что и продолжалось день и ночь дотолѣ, какъ все было окончено. Въ одной большой равнинѣ, къ которой примыкали ретраншаменты, было равположено 90 эскадроновъ Прусской кавалеріи, горящей желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, и деплоировать на этомъ пространномъ мѣстѣ тѣми учеными маневрами, которымъ Зейдлицъ обучилъ ее.

Непріятельскіе генералы сперва располагали

было атаковать короля, но для сего требовался планъ, который, по причинѣ противоположныхъ мыслей, военныхъ и политеческихъ наставленій, которыя имѣли Австрійскіе и Русскіе генералы, различныхъ ихъ обычаевъ воевать, ихъ сомнѣнія и опасенія въ частности, не могъ быть соображенъ и выполненъ въ одинъ день. Фридрихъ воспользовался столь дорогимъ для него временемъ, и когда усторонились всѣ сомнѣнія непріятелей, и ихъ главнокомандующіе положили рѣшительно напасть на короля, имъ представился не простой Прусскій лагерь, но они увидѣли предъ собою цѣпь ретраншаментовъ, которые, смѣю выразиться, какъ бы волшебною силою, вдругъ явились изъ подъ земли. Итакъ слѣдовало снова сообразить какимъ образомъ вести теперь нападеніе на лагерь и видѣть текущія рѣки крови, прежде нежели удастся побить Пруссаковъ въ ихъ окопахъ. Одна мысль объ этомъ предпріятіи устрашала самыхъ храбрыхъ въ рядахъ непріятелей. Еслибы здѣсь произошла битва, она содѣлалась бы самою рѣшительною изъ всѣхъ, какія были въ сію войну.

Между тѣмъ Фридрихъ былъ въ полной готовности на сраженіе. Днемъ, когда можно было видѣть непріятельскія движенія, солдаты его отдыхали, но съ сумерками всѣ палатки и тяжести арміи отсылались назадъ подъ пушки Швейдница; полки же съ ружьями становились

на валъ. Такое принимали положеніе каждую ночь пѣхота, конница и артиллерія. Король обыкновенно находился на одной главной батареѣ, гдѣ для него ставили палатку, но его обозъ, наравнѣ съ прочими, каждый вечеръ выходилъ изъ лагеря и возвращался обратно не прежде, какъ по утру. Войска, не выходя изъ подъ ружья, разбивали палатки по восхожденіи солнца. Жары наступали весьма отяготительные и, за исключеніемъ хлѣба, былъ большой недостатокъ въ продовольствіи. Одинъ хлѣбъ и вода, которую получали солдаты, поселяли между ими особенное неудовольствіе: къ симъ непріятностямъ присоединилась потребность сна, съ каждымъ днемъ все въ нихъ увеличивающаяся, число больныхъ прибывало до невѣроятности и ихъ безпрестанно отвозили въ Швейдницкіе госпитали. Негодованіе въ арміи было всеобщее, люди очень часто стали дезертировать, не смотря на то, что днемъ линіи укрѣпленій, а ночью необходимость стоять въ ружье, содѣлали всякой побѣгъ слишкомъ затруднительнымъ; это обстоятельство увеличило нерѣшимость непріятельскихъ генераловъ, а болѣе извѣстность относительно силы и слабости разныхъ пунктовъ лагеря.

Король ожидалъ всего отъ времени и голоду. Наполненные его магазейны въ Швейдницѣ, въ коихъ достаточно было заготовлено провіанта и фуража, успокоивали его на счетъ послѣдняго.

Но недостатокъ продовольствія, сей первой потребности войска, не могъ не показаться скоро между многочисленными непріятельскими силами, которыя, сосредоточившись въ небольшомъ гористомъ округѣ, не могли на долгое время тамъ находить для себя продовольствіе. Тамъ четверикъ хлѣба доходилъ до 15 экю, и поселяне, продавая по столь высокой цѣнѣ, думали, что еще это для нихъ невыгодно. Русскимъ, въ особенности, показался голодъ нетерпимымъ. Между тѣмъ генералъ Платенъ, съ 7,000 человѣкъ посланный отъ короля тревожить ихъ отдаленные посты, захватилъ ихъ огромный вагенбургъ, слишкомъ 5000 повозокъ заключающій, разбилъ прикрытіе онаго, изъ 4000 человѣкъ состоящее, взялъ 1900 плѣнныхъ и истребилъ три огромные непріятельскіе магазейна. Въ сіе время какъ Платенъ угрожалъ ихъ главному провіантскому депо, въ Позенскомъ воеводствѣ учрежденному, Русскіе увидѣли, что пришло время имъ ретироваться. Бутурлинъ отступилъ, 13 Сентября перешелъ за Одеръ, оставивъ при Австрійской арміи Чернышева съ 20,000 корпусомъ.

Вѣсть объ отступленіи Русскихъ произвела всеобщій восторгъ въ Бунцельвицскомъ лагерѣ, радость Пруссаковъ уподоблялась той, какую ощущали они, одерживая гдѣ либо полную побѣду. Не взирая, что армія Лаудона была несра-

венно сильнѣе королевской, но отселѣ были устранены всѣ предосторожности въ Бунцельвильскомъ станѣ, гдѣ уже не снимали по вечерамъ палатокъ, не отправляли тяжестей, люди не стояли ночью въ ружьѣ. Пушки, привезенныя изъ Швейдница, были отосланы назадъ въ крѣпость, фугасы очищены, зарыты волчьи ямы, рогатки сожжены, большая часть ретраншаментовъ были разрыты. Коммуникація возстановилась по прежнему и снова лагерь Прусскій былъ снабжаемъ всѣми потребностями. Послѣ отступленія Русскихъ, Фридрихъ остановился въ сей позиціи только на 15 дней. Не полагая кампанію оконченною, онъ желалъ заключить ее какимъ либо важнымъ дѣйствіемъ. Но какъ Лаудонъ занималъ всегда выгодное мѣсто, то король надѣялся угрожающими маршами оттянуть его изъ сей позиціи, прогнать въ Богемію или изыскать случай съ выгодою дать ему битву. Основываясь на этомъ планѣ, Фридрихъ снялъ свой лагерь, и на два перехода отошелъ отъ Швейдница.

Швейдницъ, какъ и другія Прусскія крѣпости, былъ слабо охраняемъ, и большая часть тамошняго гарнизона состояла или изъ перебѣжчиковъ, или солдатъ ненадежныхъ. Самая крѣпость, столь часто осаждаемая, и именитая по многимъ битвамъ, подъ ея стѣнами происходившимъ, щиталась только крѣпостью перваго класса. Но

комендантъ оной генералъ Застровъ, опытный, искусный въ военномъ дѣлѣ, своимъ благоразуміемъ, казалось, могъ пополнить недостатки города, защитѣ его ввѣреннаго; всѣ полагали видѣть осаду Швейдница и потому, что король былъ слишкомъ не далеко отъ онаго.

Лаудонъ въ семъ случаѣ не помышлялъ объ осадѣ, но онъ рѣшился штурмовать Швейдницъ. Чернышевъ самъ предложилъ для приступа всѣ свои войска, но Лаудонъ принялъ 800 Русскихъ гренадеръ. Пріуготовленія къ тому, въ тайнѣ производимыя, образъ жизни коменданта большаго охотника, какъ знали, хорошо поѣсть да попить, и слабость гарнизона удостовѣряли въ успѣхѣ предпріятія. Въ крѣпости было 240 орудій, а при нихъ только 191 человѣкъ артиллеристовъ. Застровъ ничего не боялся, и въ безпечности рѣдко высылалъ партіи открывать непріятельскія движенія, и потому то Лаудонъ свободно могъ производить всѣ свои пріуготовленія, не будучи никѣмъ примѣченъ или затрудняемъ въ нихъ. Австрійскій генералъ сначала окружилъ крѣпость легкими войсками, и, 1-го Октября, Кроатами повелъ фальшивую атаку, между тѣмъ какъ двадцать баталіоновъ, устроенные въ четыре колоны, шли съ лѣстницами и фашинами; по полуночи въ 3 часа, никѣмъ не примѣченные, подступили съ четырехъ разныхъ мѣстъ къ наружнымъ пристройкамъ. Здѣсь,

нимало неостанавливаясь, они бросились на покрытый путь, ворвались въ ретраншаменты, выбили оттуда гарнизонъ, или вырѣзали его, поворотили отбитыя тамъ Прусскія пушки противу крѣпости, а потомъ пошли на общій приступъ.

Когда пошли войска въ дѣло, имъ была роздана винная порція, и они содѣлались равнодушными ко всякой опасности: Русскіе предавали смерти всѣхъ, имъ сопротивляющихся: на одномъ взятомъ баталіонѣ караулъ умолялъ о пощадѣ, но Русскіе въ ярости кричали: *нѣтъ пардону.* Въ эти роковыя минуты Прусскій артиллеристъ не хотѣлъ умереть безъ отмщенія, зажегъ пороховой погребъ, и такимъ образомъ погибъ самъ съ тремя стами своихъ непріятелей.

Командиръ Лаудонова полка, графъ Валлисъ, велъ послѣднюю атаку на главный фортъ, отчаянно защищаемый Пруссаками. Здѣсь Австрійцы были дважды отбиты, но Валлисъ, примѣтя ихъ нерѣшимость, вскричалъ солдатамъ:» чего бы не стоило, но должно ворваться въ крѣпость, или я здѣсь лягу. Я это обѣщалъ нашему шефу; полкъ, который носитъ его имя, долженъ умереть или побѣдить.» Эти слова воспламенили сердца, офицеры сами несли и ставили лѣстницы, и укрѣпленіе вмигъ взято было сими храбрыми воинами. Австрійцы дѣйствовали холоднымъ оружіемъ, кололи штыками и рубили саб-

лями; такъ были отбиты всѣ крѣпостныя орудія Пруссаковъ.

Послѣ приступа, продолжавшагося три часа, на разсвѣтѣ дня, крѣпость Швейдницъ съ трехтысячнымъ гарнизономъ, съ арсеналами и со всѣми магазейнами пала во власть непріятелей Пруссіи безъ всякой осады или капитуляціи. Лаудонъ, для удержанія отъ грабежа солдатъ, обѣщалъ имъ 100,000 гульденовъ, чѣмъ отчасти былъ удержанъ безпорядокъ. Грабежъ продолжался только нѣсколько часовъ. Валлонскіе гренадеры не участвовали въ ономъ, самая награда, имъ обѣщанная отъ Лаудона въ вознагражденіе за то, нисколько не прельщала ихъ. *Ведите только насъ къ славѣ*, вскричали они единодушно, *для насъ она дороже денегъ*. Комендантъ Застровъ дерзнулъ оправдываться предъ королемъ, относительно своей доброй обороны крѣпости. Фридрихъ отвѣчалъ ему, что это для него еще загадка, и что онъ отлагаетъ предать его суду. Вѣроятно король имѣлъ какія особенныя побужденія, по заключеніи мира, не приказать военному совѣту разсмотрѣть поступокъ Швейдницкаго коменданта и ограничиться только увольненіемъ его изъ службы.

Лаудонъ, покоривъ Швейдницъ, доставилъ величайшую выгоду Австрійскимъ арміямъ, которыя, послѣ шести кровопролитныхъ кампаній, въ первый разъ теперь только, могли занять

зимнія квартиры въ Силезіи. Но награда сему генералу нимало несоотвѣтствовала знаменитымъ заслугамъ его, онъ былъ заплаченъ неблагодарностію, подвергся бы самой отвѣтственности, если бы не защищалъ его Императоръ Францъ и престарѣлый князь Венцеславъ Лихтенштейнъ, котораго Императрица уважала какъ своего отца. Сіи могущественные патріоты, ревнительные къ чести Двора своего, не хотѣли выставить оный предметомъ посмѣянія всей Европы, они не остановились на томъ, но убѣдили Марію Терезію изъявить письменно признательность ея Лаудону, которая была сопровождена подарками, но все таки ему не было прощено случившееся: преступленіе Лаудона состояло въ томъ, что онъ самъ собою рѣшился штурмовать Швейдницъ, не испросивъ предварительно на сіе въ Вѣнѣ разрѣшенія военнаго совѣта, и даже безъ позволенія онаго; но соблюденіе этой формы, какъ требовавшее времени, конечно, могло разстроивать выполненіе его смѣлаго плана.

Быстрое возвышеніе Лаудона на самую высокую военную степень, безъ происковъ и безъ протекціи у Двора, но собственно по его личнымъ достоинствамъ, и въ такомъ государствѣ какъ Австрія, было безпримѣрмымъ происшествіемъ нашего времени. Самый тотъ Кроатскій маіоръ, который, въ 1757 году, былъ принужденъ почтительно испрашивать у секретарей

Австрійскаго правительства на щетъ себя повелѣній Императрицы королевы, и для того принужденный выжидать часовъ ихъ досуга, въ 1761 былъ почитаемъ всею Европою самою твердою опорою трона Маріи Терезіи, и дѣйствительно былъ этою опорою. Лаудонъ составилъ планъ ударить въ расплохъ на Фридриха въ Гохкирхенѣ; Лаудонъ спасъ Ольмюцъ, отбивши весь большой обозъ, слѣдующій къ Пруссакамъ въ Моравію. Онъ побилъ корпусъ Фукета и взялъ въ плѣнъ сего отличнаго генерала. Онъ взялъ Глацъ. Не Салтыковъ, а онъ побилъ Фридриха при Кунерсдорфѣ, Австрійцы кромѣ того, всегда были ему обязаны своими другими значительными успѣхами, и теперь онъ овладѣлъ Швейдницемъ.

Чрезвычайные таланты сего генерала казались быть предназначенными пользамъ Фридриха. Передъ началомъ войны, Лаудонъ пріѣзжалъ въ Берлинъ, и искалъ вступить капитаномъ въ Прусскую службу. Фридрихъ отказалъ ему; тогда человѣкъ, казавшійся весьма обыкновеннымъ, по наружности, но которому судьба опредѣлила имѣть самое знаменитое участіе и вліяніе въ эту войну, удалился изъ его королевства. Если бы Лаудонъ не служилъ въ арміи Маріи Терезіи, не сражались бы сряду семь лѣтъ, и всѣ операціи Фридриха, а также и результаты ихъ получили бы иной видъ. Но

Лаудонъ, располагая внезапно ударить на Швейдницъ, писалъ о томъ Императору, онъ представилъ ему, что формы и самая малая отсрочка времени могутъ помѣшать выполненію его плана; что одна быстрота ручается въ успѣхѣ онаго, что движенія короля ему не были достовѣрно извѣстны, но что малѣйшее открытіе его секрета уничтожило бы все. Такимъ образомъ Императоръ принялъ на себя обязанность передъ своею Августѣйшею супругою оправдать Лаудона: онъ первый объявилъ ей о штурмѣ Швейдница, болѣе знаменитѣйшемъ, нежели выигранная баталія въ полѣ. Марія Терезія имѣла въ правилѣ не получать никакихъ донесеній черезъ своего супруга, и, до крайности ревнительная своей власти, при семъ извѣстіи не изъявила радости. Она была раздражена тѣмъ, и военный совѣтъ, щитая себя обойденнымъ въ этомъ дѣлѣ, сильнѣе возбудилъ гнѣвъ ея: не хотѣли принимать во вниманіе никакихъ причинъ, никакихъ обстоятельствъ, и Лаудонъ не устоялъ бы безъ великодушнаго предстательства Франца и Лихтенштейна.

Неожиданная вѣсть о взятіи Швейдница посѣяла великое уныніе по цѣлой Прусской арміи. Ни одинъ уронъ, ни одна неудача, въ теченіи всей войны претерпѣнные ею, не производили столь сильнаго дѣйствія надъ не поколебимыми Пруссаками. Вдругъ увидѣли они всѣ плоды

славной и самой трудной кампаніи исторгнутыми отъ нихъ, и не безъ оснований начали страшиться выдержать трудную зимнію кампанію. Сюда же достигли теперь изъ Помераніи непріятныя извѣстія, будущее болѣе и болѣе страшило всѣхъ. Впрочемъ такое уныніе не было продолжительнымъ. Фридрихъ непоколебимый влилъ духъ мужества въ свою армію. Онъ собралъ генераловъ и старшихъ офицеровъ, онъ имъ объяснилъ о своихъ неудачахъ и о своей надеждѣ, предоставивъ на волю каждаго, кто во все утратилъ ее, оставить его службу, чѣмъ однакоже никто не воспользовался, но всѣ почувствовали въ себѣ мужество, болѣе и болѣе возрастающее. Король и войско охотно желали принять теперь сраженіе. Но Лаудонъ, удовлетворенный своими выгодами, не находилъ за полѣзное вступить въ битву. Онъ занималъ позицію у Фрейбурга, имѣя надежныя сообщенія съ Саксоніею, съ Богеміею и Моравіею. Король расположилъ свои войска на контониръ квартирахъ, и избралъ для себя мѣстопребываніемъ Штреленъ, что на рѣкѣ Олау.

Здѣсь-то измѣна угрожала ему великимъ несчастіемъ. Силезскій дворянинъ Баронъ Варкочъ, имѣющій помѣстья близь Штрелена, представился королю въ его главной квартирѣ, и былъ приглашенъ къ столу. Ласковый пріемъ, учиненный Барону, не могъ отвратить его отъ

злонамѣреній противу Фридриха, всегда безпечнаго во всемъ, что только касалось до его безопасности. Было весьма легко схватить его во время ночи. Королевская квартира находилась внѣ Штреленской стѣны, одна рота гренадеръ отряжалась для прикрытія оной, но только тридцать человѣкъ изъ той роты занимали тамошній караулъ. Хотя въ городѣ было помѣщено 6000 человѣкъ, но при ночномъ отчаянномъ нападеніи смѣлыхъ гусаръ, командуемыхъ рѣшительнымъ офицеромъ, чему ближній лѣсъ весьма благопріятствовалъ, нельзя было полагаться на ту помощь изъ Штрелена. Король былъ бы уже схваченъ и увезенъ прежде, чѣмъ въ городѣ успѣли броситься къ оружію, а лѣсъ, ограждающій армію Лаудона, затруднялъ всѣ пути Пруссакамъ, если бы они кинулись на освобожденіе короля. Варкочъ, сообразивъ все это, обдумалъ планъ, и представилъ о томъ Австрійскому главнокомандующему. Въ награду за сіе измѣннику было обѣщано 100,000 червонцевъ. Пасторъ Шмидтъ между ими былъ посредникомъ; къ нему адресовали и письма, но надобно знать, что въ этомъ злодѣйствѣ фанатизмъ не имѣлъ никакого вліянія, ибо и Варкочъ все равно какъ и король, слѣдовалъ Лютеранскому вѣроисповѣданію. Варкочъ обыкновенно отсылалъ письма черезъ своего двороваго егеря, но разные случаи посѣяли въ этомъ служителѣ

подозрѣніе. Наконецъ егерь раскрылъ одно письмо, содержащее въ себѣ всѣ подробности злоумышленія, и, нисколько немедля, принесъ оное королю.

Такимъ образомъ Фридрихъ избѣжалъ отъ самой очевидной опасности, никогда не грозившей ему столь близко въ жизни. Варкочъ съ сообщникомъ своимъ Пасторомъ успѣли скрыться, при самомъ появленіи офицера съ командою, чтобы задержать ихъ, но имѣнія измѣнника были конфискованы, и портреты его и Шмидта прибиты на висѣльницу. Когда была представлена на утвержденіе короля сентенція о Варкочѣ и Шмидтѣ, Фридрихъ, подписывая оную, усмѣхнувшись, сказалъ: «пусть копіи отвѣчаютъ вмѣсто «оригиналовъ.» Но послѣ случившагося происшествія король расположилъ армію на зимнія квартиры по Одеру, начиная отъ Брига до Глогау, а самъ переѣхалъ въ Бреславль.

Между тѣмъ какъ сіе происходило въ Силезіи, Русскіе, выступившіе въ поле въ превосходныхъ силахъ, имѣли поверхность въ Помераніи. Когда генералъ Тотлебенъ, по нѣкоторымъ подозрѣніямъ за поведеніе его, въ Берлинѣ арестованный, (*) былъ отозванъ въ

(*) Въ журналѣ главной арміи фельдмаршала Бутурли-«на 21 Іюня означено: къ немалому удивленію получено

Петербургъ, на Румянцова снова возложили осадить Колбергъ, почему въ Августѣ мѣсяцѣ, съ большимъ корпусомъ, онъ и поступилъ подъ эту крѣпость. Россійскій флотъ, изъ 21 линейнаго корабля, 3 фрегатовъ и 3 бомбардирскихъ судовъ состоящій, подъ начальствомъ Адмирала Мишукова (*), вышедши изъ Кронштата, соединился съ Шведскою эскадрою, въ которой было 6 линейныхъ кораблей и 2 фрегата. Такими соединенными силами въ третій разъ начали осаждать Колбергъ.

Покореніе Колберга было весьма важно для Русскихъ, ибо тогда только они надѣялись имѣть твердую ногу въ Помераніи. Но Прусскій генералъ, принцъ Виртемберскій, окопавшись съ 6-тью тысячнымъ корпусомъ, подъ пушками крѣпости, прилагалъ всевозможныя усилія, чтобы не допустить непріятеля овладѣть онымъ. Румянцевъ нашелся въ необходимости прежде вести траншеи противу укрѣпленнаго лагеря,

---

« извѣстіе, что генералъ маіоръ графъ-Тотлебенъ, за производимую съ непріятелемъ недозволенную переписку, « арестованъ.

Переводч.

(*) Адмиралъ Захаръ Даниловичъ Мишуковъ, кавалеръ Св. Андрея и Св. Александра Невскаго, умеръ 1 Октября 1762 года, 78 лѣтъ отъ рожденія.

Переводч.

и открылъ въ одно время по лагерю и по крѣпости сильную канонаду. Принцъ Виртембергскій въ станѣ, и храбрый комендантъ Гайденъ въ крѣпости, своими благоразумными мѣрами оспоривали каждый шагъ земли у непріятеля. Бомбардированіе не прерывалось ни съ сухаго пути, ни съ моря, только днемъ нѣсколько часовъ прекращался огонь. Въ началѣ Октября поднялась столь ужасная буря, что она разсѣяла соединенный флотъ, одинъ линейный Русскій корабь разбился и пошелъ на дно со всѣмъ экипажемъ; другой, на которомъ былъ госпиталь, загорѣлся и погибъ. Флоты были принуждены тогда отдалиться отъ Померанскихъ береговъ, и осажденнымъ изъ Штетина, водою, подвезли продовольствіе, въ которомъ они начинали чувствовать недостатокъ.

Русскіе взяли одинъ редутъ, весьма важный для Пруссаковъ, которые послѣ упорнаго сраженія вытѣснили оттуда непріятеля. Но Румянцевъ непремѣнно, во что не стало бы, велѣлъ опять овладѣть тѣмъ редутомъ. Здѣсь завязался самый кровопролитный бой, которой продолжался три часа съ половиною, и Русскіе, лишившись слишкомъ 3000 человѣкъ, принуждены были отступить.

Наступала зима. Съ нею возрасли препятствія и трудности для Русскихъ. Но Румянцевъ велъ осаду съ величайшею твердостію. Здѣсь

онъ былъ значительно усиленъ войсками, отъ Бутурлина подъ Колбергъ присланными, который, изъ Силезіи, шелъ также въ Померанію. Между тѣмъ корпусъ генерала Платена соединился съ принцемъ Виртембергскимъ, а Прусскій генералъ Кноблохъ, съ 2000 человѣкъ, былъ отряженъ въ Трептау, конвоировать транспортъ, оттуда слѣдующій къ Колбергу. Это было все, что только могъ учинить Фридрихъ въ его настоящемъ положеніи, дабы освободить Колбергъ отъ осады. Надобно сказать, что во всю войну никогда Русскіе не дѣйствовали съ большимъ мужествомъ и искуствомъ, какъ нынѣ. Восьмитысячный корпусъ ихъ въ Трептау атаковалъ Кноблоха, который пять дней защищался въ этомъ открытомъ мѣстѣ, и напослѣдокъ былъ принужденъ сдаться военноплѣннымъ съ двумя тысячами человѣкъ. (*) Принцъ Виртембергскій и генералъ Платенъ разсчитывали, что, дѣйствуя въ полѣ, они болѣе принесутъ пользы осажденному мѣсту, очистили свой укрѣпленный лагерь и ретировались въ Штетинъ.

(*) При чемъ взято 7 пушекъ, 15 знаменъ. Капитуляція о сдачѣ корпуса Кноблоха, съ нашей стороны, подписана $\frac{14}{25}$ Октября генералъ квартермистръ лейтенантомъ княземъ Вяземскимъ.

Переводч.

Между тѣмъ всемѣрно старались подвести въ Колбергъ продовольствіе. Гайденъ съ слабымъ гарнизономъ не страшился многочисленной непріятельской арміи, но ему былъ нуженъ хлѣбъ, въ которомъ началъ появляться недостатокъ, такъ что онъ долженъ былъ выдать онаго солдатамъ и воружившимся гражданамъ по одному фунту вмѣсто двухъ. Когда Румянцевъ потребовалъ здачи крѣпости, Колбергцы отвѣчали своему коменданту, спрашивавшему ихъ мнѣнія «мы станемъ защищаться до тѣхъ поръ, покуда у насъ будетъ порохъ и хлѣбъ.» Платенъ выступилъ, чтобы подвезти въ городъ продовольствіе, но часть запасовъ его была отбита, и самъ онъ отброшенъ въ Штетинъ. Принцъ Виртембергскій употреблялъ всѣ мѣры, чтобы приблизиться къ непріятельскому лагерю, но въ томъ успѣхъ его былъ не лучше Платена. Русскій корпусъ генерала Берха прервалъ всѣ сообщенія Штетина съ Колбергомъ. Къ большему несчастію Русскіе завладѣли однимъ фортомъ, который командовалъ городомъ, чѣмъ и отрѣзали совершенно коммуникацію крѣпости съ моремъ. Генералъ Вернеръ, столь отважно въ прошедшемъ году освободившій эту крѣпость, и котораго такъ привыкли въ сихъ мѣстахъ видѣть всегда торжествующимъ, отъ принца Виртембергскаго былъ отряженъ, чтобы обойти и ударить въ тылъ Русскихъ, раззорить ихъ

магазейны, и отрѣзать подвозы ихъ продовольствій. Но онъ былъ разбитъ ими и самъ взятъ въ плѣнъ. Всегда чуждый страха, Вернеръ упустилъ принять необходимыя мѣры предосторожности, разсѣялъ свой отрядъ, въ расплохъ былъ атакованъ Русскими. Отчаянное сопротивленіе генерала не могло освободить его отъ плѣна. (*)

Такимъ образомъ осажденные утратили и послѣднюю свою надежду, но Гайденъ, имѣя еще немного хлѣба, продолжалъ защищаться. Наступилъ Декабрь и прежестокіе морозы. Комендантъ приказалъ поливать водою крѣпостныя стѣны, которыя блестѣли отъ того какъ зеркала. Русскіе неоднократно бросались на приступъ, но всегда были отбиваемы, напослѣдокъ, послѣ четырехъ мѣсячной достопримѣчательной осады, $\frac{5}{16}$ Декабря, Гайденъ былъ принужденъ сдаться графу Румянцеву. (*)

(*) Генералъ лейтенантъ фонъ-Вернеръ, 3 числа Сентября, былъ разбитъ полковникомъ Бибиковымъ въ Трептау и съ отрядомъ взятъ въ плѣнъ, при чемъ отбиты у него 2 пушки. Съ нашей стороны въ числѣ раненыхъ находился Архангелогородскаго Драгунскаго полка подполковникъ графъ Витгенштейнъ. Наступившая ночь спасла бѣгущихъ, которыхъ Бибиковъ неутомимо преслѣдовалъ за мѣстечко Грейфенбергъ.

Переводч.

(*) Генералъ поручикъ графъ Петръ Александровичъ

Тогда только въ Помераніи прекратились военныя дѣйствія. Принцъ Виртембергскій выступилъ къ Мекленбургу, а корпусъ Платена соединился съ войскомъ принца Гейнриха въ

Румянцевъ, отъ 8-го Декабря, заключаетъ свое донесеніе Государынѣ Императрицѣ, съ бригадиромъ Мельгуновымъ изъ Колберга отправленное, слѣдующимъ образомъ:

« По отступленіи непріятельскомъ, я немедленно послалъ къ коменданту крѣпости Колбергской, полковнику Гейде, сказать, что понеже всѣ употребленныя герцогомъ Виртембергскимъ силы не были достаточны подать ему ожидаемую помощь, паче же онъ самъ прогнанъ и разбитъ, а проломъ въ городъ сдѣланъ, тобы онъ помышлялъ объ отвѣтѣ не предъ Колбергомъ, но предъ Богомъ въ напрасномъ погубленіи толикаго числа неповинныхъ людей, и что я, сдѣлавъ столько для исполненія Всевысочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, конечно ничего не пожалѣю совершить оную, и тогда, по справедливости, все побѣдителю оставить принужденъ буду. Послѣдній его отвѣтъ былъ не токмо учтивъ, но онъ и признавалъ, что всѣ, употребленныя со стороны короля, его государя, старанія не были достаточны помѣшать моему предпріятію, и что онъ, исполня все то, чего ревность и должность честнаго и вѣрнаго подданнаго требовала, пришлетъ ко мнѣ, 3-го числа сего мѣсяца, штабъофицера съ капитуляціею, что дѣйствительно и воспослѣдовало.» Капитуляція о сдачѣ Колберга въ 29-ти пунктахъ и 1-мъ прибавочномъ артикулѣ, утверждена въ Колбергѣ $\frac{6}{16}$ Декабря 1761 графомъ Румянцевымъ. Съ Прусской стороны подписали оную: фонъдеръ-Гейденъ, Полковникъ Шмелингъ и Маіоръ Штаденъ.

Переводч.

Саксоніи, гдѣ Принцъ во всю кампанію удерживался противу большой Австрійской арміи Дауна и войскъ имперскихъ. Русскіе, покоривши Колбергъ, въ первый разъ заняли зимнія квартиры въ Помераніи и новой Мархіи, встрійцы расположились по Силезіи.

Потерять Колбергъ и Швейдницъ, въ столь короткое время, было великимъ ударомъ для короля. Русскіе получили съ моря неостановочный подвозъ всѣхъ своихъ потребностей, Австрійцы стояли твердою ногою въ Силезіи. Чтобы вытѣснить непріятелей изъ сихъ обѣихъ провинцій, требовалось много времени, много крови, еще болѣе особеннаго счастія. Большія арміи могли только выполнить сіе дѣло. Но откуда и гдѣ было взять ихъ? всѣ старые солдаты пали на поляхъ сраженій; источники доходовъ въ большей части Прусскихъ владѣній или вовсе изсякли, или чрезвычайно уменьшились; вытребованныя суммы отъ Саксоніи начали приходить къ концу, Англія не платила субсидій; часть Саксоніи и Дрезденъ находились во власти Австрійцевъ, непріятельскія арміи всѣ были устроены въ самомъ лучшемъ положеніи и готовы продолжать свои блестящіе подвиги. Король, хотя непотерявшій баталіи, былъ въ самомъ критическомъ положеніи, нежели когда либо при окончаніи прежнихъ кампаній.

Непоколебимая твердость войскъ короля

Прусскаго, усердіе и дѣятельность его опытныхъ генераловъ, сокровища, еще не совсѣмъ истощенныя и его умъ, столь изобрѣтательный, содѣлывали сіи измѣненія счастія не столь чувствительными. Самый величайшій даръ есть не терять надежды. Но по мѣрѣ того, какъ Фридрихъ и армія его были полны оною, его союзники и партизаны, внутри и внѣ Германіи живущіе, слѣдовали инымъ чувствованіямъ. Они страшились видѣть паденіе самаго могущественнаго изъ всѣхъ протестанскихъ государей Нѣмецкой земли, недавно противника толь грознаго Австрійской монархіи, принца ревнительнаго поддерживать права слабѣйшихъ владѣній противу самоуправства Императорскаго, поборника протестанской религіи отъ посягательства фанатизма, наконецъ того, который одинъ могъ поддержать конституцію Германіи.

Король въ семъ положеніи былъ угрожаемъ новымъ великимъ несчастіемъ, котораго онъ никакъ не могъ ожидать. Нужно знать, что въ Магдебургѣ, щитаемомъ первою крѣпостію въ королевствѣ, тогда находилось чрезвычайно много плѣнныхъ Австрійцевъ, Русскихъ, Французовъ, Саксонцевъ, Шведовъ и Нѣмцевъ, сверхъ того, тамъ помѣщались всѣ архивы правительства и всѣ государственныя сокровища. Королевская фамилія и множество знатнѣйшихъ дворянъ

также имѣли пребываніе въ Магдебургѣ. Здѣсь же — въ средоточіи владѣній Фридриха, находились большіе магазейны, и многіе частные люди свезли сюда свои драгоцѣнности, для вѣрнѣйшей сохранности ихъ. И точно, неоткрываемъ примѣра въ новыхъ бытописаніяхъ, чтобы участь цѣлаго государства когда зависѣла отъ сохраненія или потери одного укрѣпленнаго города. Будь взятъ Магдебургъ непріятелемъ, все торжество оружія Пруссаковъ не принесло бы имъ никакой пользы, и война была бы окончена. Крѣпость сія не имѣла достаточнаго гарнизона, но и тотъ былъ составленъ частію изъ національныхъ и иностранныхъ войскъ, частію изъ перебѣжчиковъ. Несмотря на то, осадить Магдебургъ было дѣломъ крайне труднымъ по причинѣ великихъ для того пріуготовленій и времени, коихъ требовала осада, и Прусскихъ армій. Фридрихъ пожертвовалъ бы Саксоніею, Силезіею, словомъ, онъ бы все оставилъ для спасенія одного Магдебурга, онъ бы рѣшительно ударилъ на сильныя ополченія, стоявшія въ окопахъ или въ полѣ, которыя бы предприняли осадить сію крѣпость. Непріятель, удостовѣренный въ отважности короля на все, не обратилъ своихъ видовъ на сію крѣпость, и Фридрихъ уже перестал безпокоиться о Магдебургѣ.

Но то, отъ чего отказалась сила оружія, могла совершить измѣна: она начертала коварный

планъ содѣйствовать непріятелямъ короля Прусскаго, даже неподозрѣвавшаго о возможности состояться оному. — Австрійской службы ротмистръ Тренкъ, преслѣдуемый королемъ, содержался тогда въ Магдебургской темницѣ, онъ-то, удрученный тягостію оковъ, замыслилъ овладѣть этою крѣпостію. И едва было участь самовластителя большаго государства, котораго самыя могущія Европейскія Державы всѣми силами армій своихъ не могли удержать, не рѣшилъ одинъ преступникъ, въ кандалахъ прикованный на вѣки къ гробовому камню своему, получающій въ пищу одинъ черствый хлѣбъ! Тренкъ въ терзаніяхъ раздраженнаго сердца своего дышалъ одною свободою и мщеніемъ. Но къ счастію короля не исполнился его отчаянный замыселъ.

Въ Вестфаліи кампанія открылась посреди лѣта по той причинѣ, что Фердинандъ, видя превосходство непріятельскихъ силъ, дѣйствовалъ въ сей провинціи оборонительно, а Французы, лишившись своихъ магазейновъ, не могли рано выдти изъ своихъ кантониръ квартиръ. Въ исходѣ Іюня, Субизъ началъ движенія и съ арміею перешелъ за Рейнъ. Онъ взялъ направленіе на Минстеръ, но былъ встрѣченъ Брауншвейгскимъ наслѣднымъ принцемъ. Между тѣмъ Броліо выступилъ изъ Касселя, чтобы соединиться съ Субизомъ и тогда уже атаковать союзниковъ.

На этомъ маршѣ онъ повстрѣчалъ корпусъ генерала Шперкера, который, хотя занималъ выгодное положеніе, но не рѣшился вступить въ дѣло противу превосходныхъ силъ. Шперкеръ отступилъ, оставивъ во власть Французовъ 800 плѣнныхъ, 19 пушекъ и 170 повозокъ.

Фердинандъ, не будучи въ бездѣйствіи, осадилъ замки: Марбургъ и Цигенгайнъ въ теченіи 18 дней, въ послѣдней изъ нихъ было брошено полуторы тысячи бомбъ, и хотя городъ весь былъ превращенъ въ пламень, но Французскій гарнизонъ защился храбро; наступили продолжительные дожди, затруднявшіе вести траншеи, и сіи обѣ осады были сняты. Но Кассель, который былъ взятъ союзниками, въ Мартѣ снова покоренъ Французами. Графъ Броліо, братъ герцога, пріуготовлялся къ самой упорной защитѣ Касселя, и съ тою цѣлію приказалъ заготовить большой запасъ соленаго лошадинаго мяса, срылъ всѣ прекрасные сады, окрестъ города лѣжащіе, и принудилъ осаждающихъ, послѣ тридцатидневнаго открытія траншей, къ отступленію. Потомъ Фердинандъ легкими войсками снова началъ тревожить Французовъ, раззорилъ ихъ новые магазейны и отбилъ транспорты, съ военными запасами къ нимъ слѣдующіе. Почему Броліо, соединясь съ Субизомъ, рѣшился союзниковъ принудить къ битвѣ. Фердинандъ, открывши намѣреніе его, занялъ весьма крѣпкій лагерь

въ окрестностяхъ Гогановера. 15 Іюля Броліо здѣсь атаковалъ его, дрались до самой ночи, Французы были отбиты и отступили въ мѣлкой лѣсъ и кустарники, къ Зальцбахскому ручью примыкающіе. Съ разсвѣтомъ другаго дня, Броліо возобновилъ атаку. Сильный ружейный и пушечный огонь продолжался безпрерывно 5 часовъ, и Французамъ не удалось выиграть ни шагу земли, напослѣдокъ союзники овладѣли нѣкоторою высотою, привели въ разстройство непріятелей и прогнали ихъ. Французы обратились въ бѣгство, бросивъ на мѣстѣ сраженія убитыхъ, раненыхъ и множество пушекъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ взятъ весь *красный полкъ.* Лѣвое Французское крыло, вступившее въ дѣло съ наслѣднымъ принцемъ, тогда также начало ретироваться. Мѣстоположеніе совершенно недозволяло конницѣ преслѣдовать бѣгущихъ, ибо тогда побѣда сія содѣлалась бы еще знаменитѣе. Французы лишились 5000 убитыми, ранеными и плѣнными, уронъ союзниковъ простирается до 3000 человѣкъ убитыми и 1000 ранеными. Нѣсколько дней послѣ того принцъ Албертъ Гейнрихъ Браушвейскій, недавно прибывшій въ армію явить себя достойнымъ соревнователемъ своего брата и дяди, въ самой ничтожной ошибкѣ, къ сожалѣнію, получилъ смертельную рану. Субизъ, извѣстясь о семъ, отправилъ въ лагерь союзниковъ двухъ самыхъ искусныхъ

врачей изъ всей своей арміи, но уже не было имъ никакой возможности спасти жизнь молодаго принца, подававшаго о себѣ великія надежды. Впрочемъ хотя честь одержанной побѣды относилась Фердинанду, но въ существенности она не принесла ему никакой пользы, ибо непріятель, превосходный въ силахъ, ни во что цѣнилъ свою потерю, и соединенныя войска Французовъ дѣлали видъ снова атаковать слабыхъ союзниковъ. Но между обоими Французскими военачальниками, по причинѣ старинной между ними вражды, не могло быть единства, и вскорѣ послѣ сраженія обѣ арміи раздѣлились, для удобнѣйшаго отступленія. Броліо шелъ на Кассель. Субизъ переправился за Реръ. На одномъ рекогносцированіи Броліо чуть было не былъ въ плѣнъ взятъ чернымъ гусаромъ, который уже схватилъ его за воротъ въ то время, какъ генералъ скакалъ чрезъ изгороду, но лошадь подъ гусаромъ опрокинулась и между тѣмъ герцогъ ускользнулъ; однакоже десять офицеровъ, при немъ здѣсь находившихся, и двѣсти человѣкъ изъ коннаго конвоя, были взяты въ плѣнъ. За нѣсколько дней прежде сего Брауншвейгскій наслѣдный принцъ, рекогносцируя Французовъ около Уппы, внезапно ими окруженный, подвергся было точно тому же какъ и Броліо, но ему съ конвоемъ удалось пробиться сквозь непріятельскій отрядъ.

Фердинандъ, чтобы наблюдать объ непріятельскія арміи, которыя опять подались впередъ, былъ принужденъ раздѣлить свои силы. Броліо твердо рѣшился проникнуть какъ можно далѣе въ область Ганноверскую, а Субизъ угрожалъ осадить Минстеръ, блокируя оный. Но наслѣдный принцъ, неутомимо дѣйствуя противу его, взялъ городъ Дорстенъ, въ немъ большіе магазейны и всю полевую пекарню, при чемъ болѣе ста хлѣбопекательныхъ печей были разрушены и гарнизонъ взятъ въ плѣнъ. Субизъ долженъ былъ отступить за Липпу.

Фердинандъ, видя невозможность заградить Французамъ путь въ Ганноверъ, по ихъ превосходству въ силахъ, желалъ принудить Броліо вступить съ нимъ въ битву въ какой невыгодной позиціи, но Французскій генералъ весьма осторожно избѣгалъ всякаго съ нимъ дѣла. Фердинандъ, не могши остановить успѣхи Броліо, быстро обратился къ Гессену, отрѣзывая повсюду всѣ запасы, слѣдующіе во Французскую армію. Этотъ искусный маневръ, достойный настоящаго генерала, былъ удаченъ, ибо Броліо немедленно обратился назадъ въ Гессенъ, а Фердинандъ пошелъ на Паддерборнъ наблюдать Французовъ, еслибы они возобновили свои дѣйствія противъ Ганновера. Наслѣдный принцъ соединился съ большою арміею, истребивъ на

маршѣ тѣ Французскіе магазейны, какіе встрѣтилъ неукрѣпленными.

Между тѣмъ Субизъ снова перешелъ на сей берегъ Липпы и послалъ партіи въ Вестфалію, которыя страшнымъ образомъ раззоряли тамошнюю землю. Броліо отправилъ отряды въ Гарцвальдскій округъ за сборомъ большихъ контрибуцій. Саксонскій принцъ Ксаверій осаждалъ Волфенбиттель, который здался ему по 5-ти дневной канонадѣ. Отсюда онъ обратился къ осадѣ Брауншвейга. Но наслѣдный принцъ и его братъ Фридрихъ поспѣшили предстать въ помощь своей устрашенной столицѣ, и послѣ весьма жаркаго дѣла прогнали осаждающихъ, которые лишились слишкомъ 1000 человѣкъ и нѣсколькихъ пушекъ. Тогда и Волфенбиттель былъ очищенъ отъ непріятеля.

Одинъ изъ отрядовъ арміи Субиза, взявши Оснабрикъ, поступалъ здѣсь варварски по той причинѣ, что городъ не въ состояніи былъ внести чрезвычайную контрибуцію, на него наложенную. Другой отрядъ Французовъ явился къ Эмбдену, защищаемому двумя ротами Англійскихъ инвалидовъ, которые сдались, внимая обѣщаніямъ непріятеля столько же, какъ и неотступнымъ просьбамъ устрашившихся граждан. Но Французы не заботились выполнить здѣсь своихъ обѣщаній, и наложили контрибуцію на всю Остъ-Фрисландію. Чрезмѣрность тре-

буемыхъ суммъ, превышающая всякую возможность внести жителямъ, и безчеловѣчные поступки непріятеля, привели народъ въ отчаяніе. Крестьяне, вооружившись чѣмъ кто могъ, соединились между собою, напали на своихъ злыхъ враговъ и прогнали ихъ изъ своей стороны. Но за тѣмъ вступилъ новый отрядъ Французовъ, которые перевѣшали многихъ изъ отважнѣйшихъ поселянъ, защищавшихъ свои дома и собственность.

Имперскій городъ Бременъ, выгодно расположенный при Везерѣ, большой, богатый, близкій къ морю, которое представляло всѣ удобства къ безостановочному подвозу туда разныхъ потребностей, вмѣщающій въ себѣ большіе магазейны союзниковъ, и наконецъ обезпечивающій сообщенія съ Штаде, всегда обращалъ на себя вниманіе Французскихъ генераловъ. Уже во Франкфуртѣ Французы обнаружили свою систему, въ случаѣ надобности, поступать все равно съ Имперскими городами какъ и съ городами непріятельскими, а жалобы послѣднихъ, Главѣ Германскаго союза приносимыя, оставались безъ всякаго уваженія. Дѣйствуя такимъ образомъ Французы рѣшились взять Бременъ; но молва и опыты ихъ жестокостей влили духъ бодрости въ Бременскихъ гражданъ, которые положили защищаться до послѣдняго человѣка; Французы были отражены ими и весьма поспѣшно удали-

лись. Тогда, чтобы на будущее время обезопасить отъ нападенія и удержать сіе мѣсто, Фердинандъ ввелъ нѣсколько Англинскихъ баталіоновъ въ Бременъ для усиленія тамошняго гарнизона.

Французы между тѣмъ старались обезпечить себя всѣми потребностями. Отъ нихъ было приказано Ганноверцамъ выставить множество кошекъ, по причинѣ чрезвычайнаго числа мышей, явившихся въ ихъ магазейнахъ, а какъ кошки не утерпѣли сидѣть въ заперти, потребовали вмѣсто ихъ также большое число лисицъ и ежей. Въ Геттингенѣ Французы сѣкли на площади башмачниковъ, коихъ робота найдена была не настоящей доброты, заставляя всѣхъ мастеровыхъ находиться при такой экзекуціи. Множество изъ учащихся въ тамошнемъ университетѣ и профессоровъ выбрались изъ Геттингена въ Клаусталь, надѣясь тамъ быть нѣсколько спокойнѣе.

Приближалась зима, наступилъ Ноябрь и Броліо являлъ бездѣйствіе, ему несвойственное, оставаясь неподвижно въ весьма крѣпкомъ лагерѣ у Эймбека, впрочемъ отдѣливъ оттуда многія войска. Фердинандъ, видя ослабленіе главныхъ силъ его, и соображая объ отдаленности Субиза отъ Броліо, думалъ принять сраженіе съ послѣднимъ, но напрасно вызывалъ его въ дѣло. Слишкомъ было бы дерзко атаковать Фран-

цузовъ въ крѣпкомъ Эймбекскомъ станѣ. Фердинандъ ограничился одними движеніями будто имѣетъ въ предметѣ отрѣзать у Броліо коммуникацію съ Геттингеномъ. И дѣйствительно онъ блокировалъ сей городъ, весьма нужный Французамъ, и защищаемый пятитысячнымъ корпусомъ отличныхъ Французскихъ гренадеръ. Старецъ де-Во, находившійся при восьмнадцати осадахъ, раненый въ руки и въ ноги, былъ ихъ начальникомъ. Храбрый ветеранъ учинилъ превосходныя распоряженія защищаться; наступившее ненастное время, разлитіе рѣкъ и ручьевъ, чрезвычайно были для него полезны. Между союзниками явилась потомъ повальная болѣзнь, истреблявшая во множествѣ людей и лошадей. Всѣ дороги, покрытыя послѣдними, сдѣлались непроходимыми, и затрудняли подвозы потребностей для войска. Тогда союзники потеряли надежду взять Геттингенъ, снабженный продовольствіемъ еще на шесть мѣсяцовъ. Но Фердинандъ достигъ своей цѣли, блокируя Геттингенъ, ибо Броліо отошелъ на зимнія квартиры въ Кассель и окрестности, а Субизъ на нижній Рейнъ. Союзники, видя Вестфалію очищенною отъ непріятелей, заняли въ ней зимнія квартиры.

Фердинандъ, озабочиваясь наполнить магазейны, въ Вестфаліи и Остфрисландіи истребленные Французами, закупилъ провіантъ въ Гол-

ландіи и Англіи, а также заблаговременно за наличныя гинеи и въ Балтійскихъ портахъ учинилъ закупъ хлѣба въ зернѣ, для раззоренныхъ непріятелемъ провинцій, коимъ безъ сихъ пособій угрожалъ голодъ.

Австрійцы и Русскіе между тѣмъ старались болѣе и болѣе утвердиться въ областяхъ, ими завоеванныхъ у Пруссаковъ, гдѣ, прежде этой кампаніи, они никогда не зимовали. Вѣнскій Дворъ уже щиталъ Силезію своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. По повелѣнію Маріи Терезіи тамошнимъ поселянамъ раздавали семяна для засѣва ихъ полей, а въ Шмидбергѣ еженедѣльно былъ установленъ торгъ хлѣбомъ въ зернѣ. Извѣстные тамошніе негоціанты были приглашены въ Прагу для состава новаго Коммерческаго уложенія. Въ началѣ наступающаго года положили составить и конгрессъ въ Аугсбургѣ для трактованія о мирѣ, отъ обоихъ Императорскихъ Дворовъ назначили на сей конгрессъ посланниковъ, опредѣлили имъ содержаніе, но все это не имѣло никакихъ послѣдствій, и болѣе уже вовсе не думали о мирѣ.

Фридрихъ, безъ вспомогательныхъ войскъ и почти безъ надежды, съ твердостію взиралъ на приближеніе своей гибели. Побѣды конечно могли остановить дальнѣйшіе успѣхи его непріятелей, но, чтобы обратно исторгнуть у нихъ крѣпости, требовались продолжительныя, не-

прерывныя осады и много выигранныхъ сраженій. Операціонный, для слѣдующей кампаніи, планъ короля, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, еще и донынѣ неизвѣстенъ. Но оный былъ оставленъ или совершенно измѣнился тогда, какъ лучь благотворной надежды возсіялъ надъ нимъ, и когда фортуна, часто благопріятствующая сему государю, обманула ожиданіе его непріятелей, изливши свои дары на вѣнценоснаго мудреца въ такое время, когда онъ, лишившись всего, угрожаемый отовсюду превосходными непріятельскими арміями, спокойно ждалъ самаго жестокаго для себя переворота. Онъ не могъ надѣяться ни на какое великодушіе своихъ мощныхъ враговъ, составившихъ страшные союзы единственно для угнетенія его одного. Слѣдовало ожидать конца Прусской монархіи. Проницательный умъ Фридриха не могъ ослѣпляться ложными надеждами. Иногда смущеніе господствовало въ душѣ его, но онъ ко всему и на случай плѣна былъ пріуготовленъ. Въ эту кампанію король всегда имѣлъ при себѣ ядъ, дабы онымъ предускорить послѣдніе удары рока. Полковникъ Квинтусъ-Ицилiусъ, другъ и ежедневный собесѣдникъ героя, въ своихъ сочиненіяхъ коснулся этого неизвѣстнаго, любопытнаго обстоятельства.

КАМПАНІЯ 1762 ГОДА.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III заключаетъ миръ съ Фридрихомъ. Битва на Букерсдорфскихъ высотахъ. Осада и покореніе Пруссаками Швейдница. Сраженіе подъ Фрейбергомъ. Перемиріе. По удаленіи Броліо, Фердинандъ разбиваетъ Французовъ при Вильгельмсталѣ и Люттернбергѣ. Принцъ Конде побѣдителемъ въ Іоганнисгебергской баталіи. Сдача Касселя. Миръ между Англіею и Франціею. Стѣснительное положеніе въ плѣну Прусскихъ и Австрійскихъ генералъ лейтенантовъ. Клейстъ вторгается во Франконію. Неутралитетъ Баваріи и миръ Мекленбурга съ Пруссіею.

Въ эти критическія минуты курьеръ привезъ извѣстіе королю о кончинѣ Императрицы Елизаветы Петровны, 25-го Декабря 1761-го года послѣдовавшей. Кончина Ея совершенно перемѣнила горизонтъ дѣлъ политическихъ. Всѣ проэкты союзниковъ, всѣ ихъ операціонные планы, вся надежда враговъ Пруссіи, мгновенно были уничтожены, и Русскіе, страшнѣйшіе изъ всѣхъ непріятелей Фридриха, по единому мановенію своего новаго Монарха, содѣлались его друзьями. Петръ III, вступающій во владѣніе обширною Россійскою Имперіею, столь былъ привязанъ къ королю, сколько король былъ нелюбимъ скончавшеюся Государынею. Новый Императоръ, при возшествіи на престолъ, не оставилъ увѣрить

Фридриха въ Своей высокой дружбѣ, повелѣлъ прекратить военныя дѣйствія, и вскорѣ заключилъ миръ съ Пруссіею.

Елизавета скончалась среди великихъ пріуготовленій къ продолженію войны, но лишь только она закрыла глаза, то, по повелѣнію Преемника Престола, Россійскія войска стали пріуготовляться къ очищенію королевства Прусскаго, Помераніи и Новой Мархіи. Крѣпость Колбергъ, ими покоренная, была отдана обратно, всѣ военноплѣнные получили свободу, и корпусъ генерала Чернышева былъ отозванъ изъ Австрійской арміи. Петръ III благоразумно совѣтовалъ Маріи Терезіи заключить миръ, но какъ въ Вѣнѣ отклоняли это подъ разными неудобоисполнительными условіями, то Чернышевъ получилъ повелѣніе съ 20 тысячнымъ корпусомъ присоединиться къ королю и безусловно повиноваться ему.

Видѣть, среди Прусскихъ армій, Русскія войска, сряду шесть лѣтъ сражавшіяся противъ нихъ съ чрезвычайнымъ остервененіемъ, было нѣчто похожее на сновидѣніе для Пруссаковъ и для партизановъ Австріи, сначала никакъ тому невѣрившихъ, даже Австрійскіе офицеры, бывшіе военноплѣнными въ Бреславлѣ, которые и имѣли случай все то видѣть своими глазами, принимали сіе за хитрость, вымышленную королемъ для ободренія своихъ солдатъ, и когда

Чернышевъ, съ другими Русскими генералами и многочисленною свитою, поѣхалъ представиться королю въ Бреславлѣ, плѣнные Австрійскіе генералы утверждали, что тѣ сановники, украшенные Россійскими орденами, были просто переодѣтые Прусскіе офицеры. Но когда, въ Іюнѣ мѣсяцѣ корпусъ Россійскихъ войскъ соединился съ арміею короля, всѣ тѣ сомнѣнія сами собою и рушились.

Война приняла тогда совершенно иной видъ. Отъ Бреславля до границъ Россіи всѣ владѣнія Фридриха были очищены отъ непріятеля. Шведы, наскучившіе войною и страшившіеся Россіи, въ Маѣ также заключили миръ.

Австрійцы, отдѣливши большой корпусъ въ имперскую армію, сосредоточили большія силы въ Силезіи, въ которой они владѣли Глацомъ, Швейдницомъ, имѣя также и горы въ своей власти. Предвидя, что Швейдницъ непремѣнно осажденъ будетъ, они старались усилить оный, для чего нѣсколько тысячь поселянъ и солдатъ, всю зиму на ближайшихъ высотахъ, строили укрѣпленія, такъ что сколько было высотъ, столько явилось и фортовъ. Самыя горы представляли цѣпь укрѣпленныхъ террассъ. Не меньшее было обращено вниманіе и на крѣпость: въ ней учредили 12 тысячный гарнизонъ отборныхъ войскъ, снабженный достаточно всѣми воинскими потребностями и запасами продо

вольствія. Генералъ Гаско, извѣстный своею неустрашимостію, былъ назначенъ тамошнимъ комендантомъ, и ему данъ въ помощь генералъ Грибоваль, щитаемый первѣйшимъ инженеромъ въ Европѣ.

Фридрихъ, соединившись съ корпусомъ Русскихъ войскъ, пошелъ противу Швейдница. Соединеніе сіе не могло произойдти прежде Іюня, чѣмъ и замедлились здѣсь операціи. Но теперь король отрядилъ генерала Нейвида съ корпусомъ въ Богемію, съ приказаніемъ, дабы онъ вынудилъ Австрійцевъ къ прикрытію магазейновъ, которые расположили они по близости, и слѣдовательно и отдѣлить отъ коммуникаціи ихъ съ Швейдницомъ; въ семъ корпусѣ находилось и 2000 казаковъ, которые, по своему обыкновенію, разсыпались всюду, дѣлая набѣги подъ стѣны Праги. Этимъ движеніемъ, въ тылу непріятелей, Фридрихъ надѣялся принудить Дауна оставить высоты у Букерсдорфа. Но онъ былъ неподвиженъ. Пруссаки возвратились изъ Богеміи съ большею добычею, и тогда приняты всѣ нужныя мѣры къ осадѣ Швейдница. Но трудно было покорить сію крѣпость, дотолѣ, какъ Австрійцы останутся господствовать надъ укрѣпленными горами; выгнать же ихъ оттуда, значило отважиться на самое опаснѣйшее предпріятіе, успѣхъ коего былъ сомнителенъ.

Въ семъ положеніи дѣлъ обѣихъ непріятель-

скихъ армій, 6-го числа Іюля, скончался Императоръ Петръ III. Ему наслѣдовала престолъ обширнѣйшей изъ всѣхъ монархій Екатерина II. Премудрая Государыня приняла бразды правленія послѣ кончины своего супруга 25-го Іюня, день ознаменовавшій блестящую эпоху славнѣйшаго царствованія въ лѣтописяхъ Россійской Исторіи. Тотчасъ по возшествіи на престолъ Екатерины II, согласно желанію сената и народа, сдѣланъ былъ разрывъ съ Фридрихомъ, столь недавно прекращенный послѣднимъ миромъ.

Фридрихъ готовился атаковать Австрійцевъ на ихъ укрѣпленныхъ высотахъ, какъ получилъ изъ Россіи непріятнѣйшее извѣстіе о кончинѣ Петра III. Чернышеву было повелѣно немедленно оставить Прусскую армію. Посреди столь перемѣнившейся системы Россійскаго Кабинета, королю оставалось только ожидать, что корпусъ Чернышева черезъ нѣсколько дней присоединится къ его непріятелямъ, или станетъ отдѣльно дѣйствовать противу него. Собственно зависѣло отъ короля обезоружить сихъ 20,000 человѣкъ, но присемъ случаѣ онъ поступилъ совсѣмъ иначе. Отпуская Русскихъ, Фридрихъ явилъ имъ знаки своего уваженія и дружества. Они были снабжены всѣми потребностями, проходя Прусскими владѣніями. Генералы ихъ, видя столь благородное обращеніе съ ними, разставались съ особеннымъ прискорбіемъ съ Прусскою арміею.

Въ особенности Чернышевъ былъ тронутъ, прощаясь съ Фридрихомъ, который жаловалъ графу богатые подарки.

Повелѣніе, которое получили Русскіе ретироваться, оставалось нѣсколько дней въ тайнѣ для нихъ и для Пруссаковъ. Въ Австрійскомъ лагерѣ вовсе о томъ не знали. Слѣдовало предварительно устроить выступленіе въ походъ столь сильнаго корпуса войскъ, но это не могло сдѣлаться въ одинъ день. Фридрихъ воспользовался столь дорогимъ временемъ, образомъ, свойственнымъ великимъ военачальникамъ. Онъ рѣшился немедленно атаковать Австрійцевъ въ ихъ ретраншаментахъ, имѣя между тѣмъ выгоду поставить Русскихъ въ боевой порядокъ, которые, въ случаѣ нападенія на нихъ, были бы принуждены и защищаться. Онъ зналъ, что Даунъ противупоставитъ имъ часть его войскъ, и черезъ это будетъ слабѣе въ прочихъ пунктахъ. Кромѣ того, королю весьма было желательно, прощаясь съ Русскими, оставить имъ блестящій опытъ мужества и искуства въ войнѣ Пруссаковъ.

Лишь только наступила ночь, 20-го числа Іюля, король велѣлъ построить большую батарею на равнинѣ, впереди укрѣпленныхъ горъ лежащей, гдѣ прежде не было ни лагеря, и которая не занималась никакимъ отдѣльнымъ постомъ. Въ ту же ночь вступили туда войска и

на разсвѣтѣ явились онѣ устроенными въ боевомъ порядкѣ. Страшная батарея изъ 45 гаубицъ была готова, и черезъ нѣсколько часовъ явилась какъ бы вышедшая изъ подъ земли. Лишь только ранній свѣтъ позволилъ различать предметы, Пруссаки открыли ужасный огонь. Австрійская конница, расположенная въ долинахъ между горами, была осыпаема гранатами, разстроилась и вогнана въ ущелья горъ. Тогда посыпался градъ бомбъ на ретраншаменты, начался ихъ приступъ. Генералъ Меллендорфъ (*) съ отборнѣйшими Прусскими полками, атаковалъ высоты: ни обрывистыя горы съ ихъ эполементами и выкопанными волчьями ямами, ни палисады и пушки, которые, образовали изъ каждой горы отдѣльный фортъ, не могли остановить ихъ натиска. Пруссаки со всѣхъ сторонъ стремительно лѣзли на возвышенія, куда только возможно было проникнуть. Меллендорфъ отыскалъ одинъ узкой проходъ, нестоль трудный на эти возвышенія, онъ воспользовался симъ

(*) Спустя 44 года послѣ сего дѣла Меллендорфъ, въ чинѣ фельдмаршала, 14 Октября 1806 года, командуя въ кровопролитной битвѣ подъ Ауэрштедомъ противу маршала Даву, былъ раненъ на высотахъ Экирсберга. Престарѣлый Меллендорфъ, съ мѣста сраженія, удалился въ Эрфуртъ съ 6 тысячьми человѣкъ и 8 тысячью раненыхъ, гдѣ былъ окруженъ Мюратомъ и Неемъ.

Переводч.

открытіемъ, а солдаты полка наслѣднаго принца, по причинѣ слишкомъ обрывистаго склона горы, схватили одно орудіе и ввезли оное на вершину горы. Тогда непріятель, со всѣхъ сторонъ, обратился въ бѣгство и въ четыре часа времени всѣ высоты, съ толикимъ тщаніемъ укрѣплѣнныя, были взяты Пруссаками, 1400 человѣкъ Австрійцевъ легло на мѣстѣ и 800 взято въ плѣнъ, при чемъ отбито нѣсколько пушекъ, и Австрійцы были отброшены до ихъ главной арміи.

Въ продолженіи сего дѣйствія, прочія Прусскія и Россійскія войска, хотя и отдаленныя отъ мѣста сраженія, были подъ ружьемъ для наблюденія за главною Австрійскою арміею, которая никуда не трогалась съ мѣста. Главные Русскіе генералы находились въ числѣ зрителей при королѣ, въ долинѣ, гдѣ сражались. Это былъ военный спектакль, который Фридрихъ давалъ Русскимъ, прежде разставанія съ ними. Онъ собою былъ очень доволенъ, что не употреблялъ ни въ какое дѣло этихъ союзниковъ во все время нахожденія ихъ въ его арміи, исключая казаковъ, посланныхъ въ Богемію съ генераломъ Нейвидомъ. Русскія войска всегда спокойно оставались у себя въ лагеряхъ, ни одна капля Русской крови не была пролита за Фридриха, нынѣ и прежде сражавшагося безъ всякой посторонней помощи противу всѣхъ

его непріятелей. 22-го Іюля, на другой день сего великаго сраженія, Русскіе вышли изъ Прусской арміи.

Даунъ, послѣ неудачнаго Бекерсдорфскаго дѣла, потерялъ свои сообщенія съ Швейдницомъ, до коего отовсюду открылся путь королевскимъ войскамъ. По учиненіи нужныхъ пріуготовленій, генералъ Тауенціенъ, вызванный изъ Бреславля, получа въ начальство корпусъ, изъ 20-ти баталіоновъ пѣхоты и нѣкоторыхъ конныхъ полковъ устроенный, 8-го Августа открылъ траншеи подъ Швейдницемъ. Двѣ арміи, командуемыя королемъ и принцемъ Беверискимъ, прикрывали сію осаду, знаменитую въ военномъ отношеніи искуствомъ атаки, обороны, по продолжительной упорной защитѣ крѣпости и другимъ особеннымъ обстоятельствамъ. Два Француза Грибогаль и Ле-февръ были главными инженерами внутри и внѣ крѣпости; первый, щитаясь во Французской службѣ, по его обширнымъ свѣденіямъ, былъ посланъ Людовикомъ XV въ Австрійскую армію. Ле-февръ служилъ у Фридриха: оба были связаны узами дружбы: оба писали о своей наукѣ, каждый изъ нихъ слѣдовалъ особенной системѣ на щетъ обороны крѣпостей, и каждый изъ нихъ защищалъ свою методу въ своихъ сочиненіяхъ. Теперь представился случай весьма рѣдкой оправдать на опытѣ предъ всѣми просвѣщенными народами, чья система изъ нихъ

была превосходнѣе? матеріалы для этихъ опытовъ: кровь человѣческая, желѣзо и порохъ были въ полномъ распоряженіи ихъ. Ле-февръ преимущественно минами располагалъ овладѣть крѣпостью, но онъ не выполнилъ обѣщаній своихъ, и потребовалось большею частію обратиться къ старинной системѣ. Ужасное бомбардированіе продолжалось день и ночь, осаждающіе всегда отвѣчали такимъ же огнемъ, каждую ночь они дѣлали вылазки, хотя съ малымъ успѣхомъ.

Рѣшившись освободить крѣпость, Даунъ черезъ шесть дней думалъ атаковать большой Прусскій корпусъ принца Бевернскаго, отдѣльный отъ короля, между Австрійскою арміею и Швейдницомъ расположенный при Рейхенбахѣ. Планъ его былъ, внезапно со всѣхъ сторонъ броситься на него и уничтожить, прежде чѣмъ король, стоявшій далеко, приспѣетъ сюда на помощь, и въ полной увѣренности на превосходство своихъ силъ, Даунъ надѣялся возобновить здѣсь сцену Максена. Четыре корпуса: Ласси, о'Донеля, Бека и Сентъ-Игнона, съ фронта, въ тылъ и съ фланговъ ударили на Пруссаковъ. Но въ семъ случаѣ принцъ явилъ себя искуснымъ полководцемъ. Непріятель бросился на Прусскіе обозы, которые казались совсѣмъ потерянными; нѣкоторые генералы съ бригадами хотѣли было защищать ихъ, но главнокомандующій воспретилъ сіе: «если насъ разобьютъ, сказалъ онъ, намъ

трудно будетъ спасти наши тяжести; но ежели мы побѣдимъ, тогда скоро воротимъ ихъ.» Такимъ образомъ, сообразно сему благоразумному правилу, которое въ 1745 году способствовало Фридриху выиграть побѣду при Сорѣ, Пруссаки допустили непріятеля грабить ихъ обозы и сражались, не разстраивая своихъ линій; они дѣлали фронтъ всюду, гдѣ было надобно, полагаясь на неусыпность своего короля, никогда ихъ неоставлявшаго. Дѣйствительно ихъ не обмануло сіе ожиданіе: ибо лишь только послышались первые пушечные выстрѣлы, какъ принцъ Виртембергскій, во весь духъ, прискакалъ съ конницею короля, напалъ и опрокинулъ корпусъ о'Донеля. Конная артиллерія слѣдовала на всемъ скаку за принцемъ; за нею самъ Фридрихъ съ пѣхотою. Но еще до прибытія его непріятель былъ совершенно опрокинутъ, лишившись 1200 человѣкъ убитыми, и ранеными и 1500 плѣнными. Уронъ Пруссаковъ простирался убитыми и ранеными до 1000 человѣкъ, и сверхъ того они потеряли весьма немного обозовъ. Тогда Даунъ пошелъ на Глацъ, предоставя Швейдницъ его жребію.

Осада Швейдница продолжалась неослабно; шестдесятъ восемъ осадныхъ орудій, и тридцать двѣ мортиры и гаубицы, производили по немъ безпрестаный огонь. Но гарнизонъ, хотя потерявшій надежду на пособіе, не лишился муже-

ства. По принятымъ мѣрамъ обезпечить внутренее продовольствіе, солдатъ покупалъ въ крѣпости жизненныя потребности за самую дешевую цѣну, сверхъ сего каждое утро онъ получалъ стаканъ водки, а за обѣдомъ мѣру вина. Мѣсяцъ спустя по открытіи осады, генералъ Гаско предложилъ капитуляцію, требуя для себя свободнаго выходу, въ чемъ ему было отказано. Однакожъ, искусно веденныя мины Ле-Февра, отняли много времени, и приносили малой успѣхъ. Въ теченіи этой осады онъ устроилъ четыре Глобъ де-компрессіонъ, изобрѣтенные славнымъ Белидоромъ, которые были заряжены и взорваны, но нѣкоторые изъ нихъ неуспѣшно. Иногда минеры съ обѣихъ сторонъ встрѣчались подъ землею и тамъ сражались на пистолетахъ. На гораздо болшихъ дистанціяхъ они употребляли пимфы или бумажныя трубки, зажигаемыя съ конца, которыя, пуская изъ себя дымъ, способствовали къ заваливанію подземныхъ проходовъ осаждающихъ. Австрійскіе минеры, многочисленнѣе минеровъ Прусскихъ, во многомъ обманывали сихъ послѣднихъ въ ихъ надеждѣ. Ле-Февръ былъ въ отчаяніи, видя, что всѣ планы его не сбывались, онъ искалъ смерти, подвергаясь всѣмъ опасностямъ.

Между тѣмъ подземная война безпрестанно истребляла людей на обѣихъ сторонахъ: всякой часъ днемъ и почью были убитые. Волонтеры,

бывшіе въ крѣпости, которыхъ до селѣ посылали въ самыя опасныя работы, начинали уже отъ нихъ отказываться. Самыя награды, имъ за то обѣщаемыя, служили имъ явнымъ ручательствомъ ихъ гибели, и на нихъ возлагались наиболѣе труднѣйшія порученія. Фридрихъ, часто осматривавшій траншеи, былъ недоволенъ этою неожиданною медленностію, онъ учинилъ новыя распоряженія, которыя служили доказательствомъ его глубокихъ свѣденій въ наукѣ осажденія мѣстъ. Взятіе этой крѣпости для весьма многихъ казалось дѣломъ слишкомъ сомнительнымъ, и послѣ кровопролитныхъ трудовъ, два мѣсяца продолжавшихся, предстояло, что въ двѣ или три недѣли Швейдницъ или будетъ взятъ, или оставятъ осаду онаго. Но вдругъ выстрѣломъ изъ единорога гранатою зажгло тамъ пороховой погребъ, при чемъ весь бастіонъ въ фортѣ Яуфникъ, съ двумя ротами Австрійскихъ гренадеръ, взлѣтелъ на воздухъ. Восемь офицеровъ, которые тогда обѣдали на этомъ мѣстѣ, посвященномъ злому духу войны, въ сіи ужасныя минуты также погибли; даже ближнія горы потряслись отъ онаго ужаснѣйшаго удара.

Тогда начались пріуготовленія къ приступу, но Гаско не допустилъ до сей послѣдней крайности, и 9-го Октября, въ 64-й день послѣ открытія траншей, сдалъ крѣпость: девятитысячный оставшійся гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Король, желая почтить неустрашимость коменданта, пригласилъ его къ столу, онъ, по великодушію своему, забылъ про ту особенную непристойность, которую являлъ этотъ Италіанецъ при взятіи Дрездена противу Прусскаго гарнизона. Въ Швейдницѣ досталось Пруссакамъ 353 орудія, 35000 ядръ, бомбъ и гранатъ, и слишкомъ 1000 центнеровъ пороху; изъ запасовъ продовольствія получено болѣе 2000 центнеровъ муки, 740 центнеровъ сухарей и 25000 хлѣбовъ. Плѣнные офицеры и нижніе чины были препровождены въ Пруссію, откуда на судахъ ихъ перевезли въ Штетинъ. Уронъ Пруссаковъ въ сію осаду простирался до 3033 и Австрійцевъ 3552 убитыми и ранеными. Первые бросили въ Швейдницъ 172000 бомбъ и ядръ, послѣдніе учинили 125000 такихъ же выстрѣловъ.

Король расположился теперь идти въ Саксонію, но, чтобы усилить армію принца Генриха, онъ отправилъ напередъ туда двадцать баталіоновъ и сорокъ пять эскадроновъ подъ начальствомъ генерала Нейвида. Принцъ неусыпно дѣйствовалъ въ эту кампанію и, присоединивъ къ себѣ генерала Беллина изъ Мекленбурга, который наблюдалъ Шведовъ до заключенія съ ними мира, онъ пошелъ впередъ, дабы воспрепятствовать Австрійцамъ соединиться съ имперскими войсками. Близь Дебельна онъ ата-

коваль Австрійскаго генерала Сербеллони и обратилъ его въ бѣгство, который лишился при семъ случаѣ 2000 человѣкъ. Спустя потомъ нѣсколько недѣль, Сербеллони произвелъ нападеніе на ближайшіе Прусскіе посты, но тутъ былъ отбитъ, съ потерею слишкомъ 1000 человѣкъ. Происходили и другія дѣла близъ Ауерсбаха и подъ Теплицемъ, гдѣ генералъ Зейдлицъ одержалъ поверхность надъ непріятелемъ, взялъ у него 600 повозокъ и множество плѣнныхъ. Гейнрихъ сталъ лагеремъ у Фрейберга. Австрійцы между тѣмъ успѣли соединиться съ имперскими войсками и, будучи превосходны въ силахъ, представили Пруссакамъ благопріятный случай выиграть сраженіе, послѣдовавшее 29-го октября, и которое, хотя продолжалось только два часа, но было кровопролитное и рѣшительное. Сперва были опрокинуты легкія Австрійскія войска, потомъ Пруссаки атаковали Имперцовъ въ ихъ укрѣпленіяхъ, и отбросили ихъ къ Мульдѣ. Регулярныя Австрійскія войска, во время дѣла, видя передъ собою корпусъ Пруссаковъ, полагали себя слишкомъ слабыми, чтобы имъ однѣмъ оспорить побѣду, и отступили. Даунъ, хотя и отправилъ подъ Фрейбергъ корпусъ съ Саксонскимъ Принцомъ Албертомъ, но эти подкрѣпленія подошли весьма поздно. Побѣдители щитаютъ свой уронъ подъ Фрейбергомъ въ 1400 человѣкъ убитыми и ранеными; потеря

непріятельская простирается до 3000 человѣкъ, исключая 4400 плѣнныхъ и взятыхъ Пруссаками, 28 пушекъ и 9 знаменъ.

Побитыя войска потянулись въ Богемію. Генералъ Клейстъ, съ летучимъ корпусомъ посланный преслѣдовать ихъ, истребилъ многіе ихъ магазейны и собиралъ контрибуціи до самой Праги. Король, получивъ, на походѣ въ Саксонію, извѣстіе о сраженіи подъ Фрейбергомъ выиграномъ, увидѣлъ себя въ возможности поставить войска свои на зимнія квартиры. Онъ расположилъ ихъ кардономъ отъ Тюрингіи чрезъ Саксонію, Лузацію и Силезію, и заключилъ перемиріе съ Австрійцами, которымъ изъ всѣхъ завоеваній въ семь кампаній остался нынѣ небольшой округъ близь Дрездена и Графство Глацъ. Теперь увидѣли они, что король, хотя оставленный Русскими, все былъ весьма силенъ для нихъ, они также имѣли потребность въ отдыхѣ и весьма довольны были этимъ перемиріемъ, хотя исключительно до Саксоніи и Силезіи относящимся.

Союзники открыли кампанію при невыгодныхъ для себя предзнаменованіяхъ. Хотя и ожидали они на помощь себѣ 20,000 Русскихъ, для коихъ были учреждены и магазейны, но главная подпора ихъ, казалось, ослабѣвала въ Англіи. Новый Англинскій министръ былъ противу войны въ

Германіи, и неслишкомъ заботился содѣйствовать операціямъ Фердинанда, однакоже не осмѣливаясь не уважить воли народа, Лордъ Бутъ, весною, отправилъ въ Нѣмецкую землю нѣсколько рекрутъ, и одинъ вновь набранный полкъ горныхъ Шотландцевъ.

Но съ истеченіемъ зимы, войска союзниковъ начали движенія. Наслѣдный Принцъ атаковалъ замокъ Аренсбергъ, защищаемый гарнизономъ Французовъ, которымъ сіе мѣсто было нужно для сохраненія своихъ коммуникацій съ Касселемъ. Комендантъ замка Мюре потребовалъ себѣ свободнаго выхода, въ чемъ ему было отказано, но какъ по Аренсбергу открыли сильную канонаду, то спустя 6 часовъ, Мюре съ 240 человѣками сдался на волю побѣдителей; при семъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ, исключая одного Англинскаго офицера, не было ни одного ни убитаго, ни раненаго. Пользуясь сими выгодами наслѣдный принцъ приближился къ Рейну, набирая всюду рекрутъ, требуя контрибуціи и аманатовъ. Его успѣхи наконецъ пробудили Французовъ. Въ эту кампанію маршалы: Субизъ и д'Этре командовали на верхнемъ, а принцъ Конде на нижнемъ Рейнѣ, и скоро сдѣлалось примѣтнымъ, что Броліо уже не былъ ихъ главноначальствующимъ. Множество ударовъ Французамъ, въ этомъ походѣ нанесенныхъ, отмстили опалу его при Дворѣ, нисколько маршаломъ

не заслуженную (*). Фердинандъ, съ арміею выступившій впередъ, ударилъ на Французовъ близь Вильгельмсталя, и, по упорной битвѣ, отбросилъ ихъ до стѣнъ Касселя, между тѣмъ другая часть бѣжавшихъ старалась перебраться на тотъ берегъ Фульды, они оставили на полѣ сраженія 4000 человѣкъ убитыми и плѣнными, въ числѣ коихъ находилась большая часть Французскихъ гренадеръ; пораженіе ихъ было бы совершенное, ежелибы кавалерія союзниковъ имѣла возможность участвовать въ этомъ дѣлѣ. Французскіе офицеры, взятые здѣсь въ плѣнъ, потеряли весь свой дорожный обозъ. Фердинандъ щедро вознаградилъ ихъ утрату. На другой день сраженія онъ далъ имъ роскошный обѣдъ, за десертомъ, между прочими блюдами, стояла чаша весьма болшая, но закрытая. Когда уже

(*) Когда въ Парижѣ было получено извѣстіе, что маршалъ Броліо, по придворнымъ интригамъ, былъ удаленъ изъ арміи, весь городъ, щитая его самымъ отличнѣйшимъ генераломъ, пришелъ въ сильное негодованіе. На другой день давали на большомъ театрѣ трагедію Танкредъ и при стихѣ:

On dépouille Tancrède, on l'exile, on l'outrage;
C'est le sort d'un héros d'être pérsécuté....

Зрители столь сильно начали апплодировать, что съ большимъ трудомъ заставили ихъ умолкнуть.

Переводч.

хотѣли вставать изъ за стола, принцъ сказалъ офицерамъ, указавъ рукою на чашу «вотъ и это, господа, также для васъ». Сколь было велико ихъ удивленіе, когда въ таинственномъ сосудѣ они увидѣли множество часовъ, табакерокъ, золотыхъ перстней и другихъ драгоцѣнностей, изъ которыхъ, по своему желанію, всякій офицеръ могъ выбрать для себя то, что ему правилось. Фердинандъ на тотъ конецъ, дабы выгнать Французовъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря при Касселѣ, отрѣзалъ у нихъ коммуникацію и съ Франкфуртомъ. Французскій генералъ Рошамбо, сохраняющій тѣ сообщенія, былъ атакованъ имъ и обращенъ въ бѣгство послѣ самаго упорнаго сопротивленія; большіе магазейны, въ окрестностяхъ Ротенбурга устроенные, достались союзникамъ. 23-го Іюля, близь Люттенберга они атаковали и разбили корпусъ Саксонскаго принца Ксаверія, при чемъ взяли въ плѣнъ тысячу гренадеръ и 500 Саксонскихъ кавалеристовъ. Брауншвейгскій наслѣдный принцъ также вытѣснилъ неиріятелей изъ Кратценбергской горы, и отбилъ у нихъ множество плѣнныхъ.

Сіи неудачи до того ослабили Французовъ, что принцъ Конде поспѣшилъ идти въ Гессенъ на помощь большой арміи. Наслѣдный принцъ пошелъ встрѣтить его и 1-го Сентября, по близости Іоганнигсберга, атаковалъ Конде. Сначала

счастіе благопріятствовало союзникамъ, но выгодная позиція Французовъ, превосходное число ихъ войскъ, и опасная рана наслѣднаго принца въ нижнюю часть живота рѣшили участь сраженія. Фердинандъ, находившись не подалеку, явился на помощь побитымъ войскамъ, еще довольно во время, чтобы предохранить ихъ отъ совершеннаго пораженія. Союзники потеряли въ сей день 2400 человѣкъ.

Ничто не препятствовало болѣе соединиться Французскимъ арміямъ, которыя снова начали дѣйствовать наступательно. Онѣ осадили замокъ Аменсбургъ на Омѣ, на которой рѣкѣ союзники оспоривали имъ овладѣть мостомъ. Съ обѣихъ сторонъ безпрерывно являлись на подкрѣпленіе своихъ свѣжія войска, и сраженіе продолжалось 14 часовъ. Чтобы спасти Кассель, Французамъ непремѣнно слѣдовало получить эту переправу на Омѣ во власть свою; наконецъ, ночь прекратила здѣсь сраженіе, въ коемъ на каждой сторонѣ щитали убитыми и ранеными до 1000 человѣкъ. Ни тѣ ни другіе не были побѣждены, но какъ союзники дрались здѣсь болѣе для чести, нежели для существенной пользы, и какъ сила Французовъ позволяла имъ удерживаться болѣе, то Фердинандъ предоставилъ во власть ихъ пунктъ, толь сильно оспориваемый, приказавъ удалиться своимъ войскамъ, и Аменсбургъ на другой день сдался Французамъ.

Наступила зима и хотя Кабинеты договаривались о мирѣ, но сіе было дѣломъ, подверженнымъ сомнѣнію. Между тѣмъ Фердинадъ, желая окончить кампанію блестящимъ подвигомъ, обратилъ свои виды на Кассель. Взятіе онаго очистило бы все Ландграфство отъ непріятелей, и указывало ему особенно значительныя выгоды. Онъ поручилъ сію осаду принцу Фридриху Брауншвейгскому, брату наслѣднаго принца, оказавшему въ молодыхъ лѣтахъ опыты неустрашимости, наслѣдственной въ сей фамиліи. 16 Октября были открыты траншеи. Атака и оборона были равномѣрно жестоки. Гарнизонъ дѣлалъ часто отважныя вылазки, но всегда безъ успѣха; какъ не полагали вовсе, что сія крѣпость должна будетъ выдерживать осаду, то по этому она и нуждалась всѣми потребностями. Фердинандъ заперъ всѣ проходы и расположился столь выгодно, что не было ни какой возможности Французамъ послать помощь осажденнымъ, коимъ, еще сначала осады, выдавали лошадиное мясо. Но скоро голодъ обнаружился до такой степени, что въ городѣ фунтъ самаго дурнаго мяса продавался по 2 гульдена, что собственно и принудило гарнизонъ сдаться 1-го числа Ноября. Спустя два дни, были подписаны прелиминарныя статьи о мирѣ между Франціею и Англіею. Фердинандъ тогда распустилъ войска сіи, онъ произнесъ имъ трогательную рѣчь,

которая извлекла слезы у всѣхъ слушающихъ, онъ благодарилъ ихъ за ту довѣренность, которую они оказывали ему за ихъ послушаніе, заключивъ, что онъ сохранитъ до гроба память войскъ толико храбрыхъ, съ коими онъ сражался за дѣло своего отечества! Англія рукоплескала въ честь этого знаменитаго военачальника и Парламентъ, въ торжественномъ изъявленіи ему своей признательности, адресомъ назначилъ ему пожизненнаго пансіона ежегодно по 3000 фунтовъ стерлинговъ. 17 тысячь Англійскаго войска, изъ 25 тысячной арміи оставшагося, выступили въ Голландію, откуда на транспортныхъ судахъ были перевезены въ Англію.

Франція болѣе всѣхъ воюющихъ державъ желала заключить миръ. Финансы этого сильнаго государства были совершенно истощены, коммерція чрезвычайно упала, морскія силы разрушены, отдаленныя владѣнія ея завоеваны Англичанами. Во всѣхъ провинціяхъ ея показался большой недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ, коихъ знатныя суммы высылались въ Германію, или на моряхъ были перехватываемы корсарами и переходили въ Англію. Лудовикъ XV, принцы, знатнѣйшее Французское дворянство, отправили свои сервизы для передѣлки въ деньги на Монетный Дворъ. Но такое пособіе было недостаточно къ уврачеванію столь великаго зла.

Напротивъ, оно ясно обнаруживало затруднительное положеніе Франціи. Другія пожертвованія, дань великодушной любви къ отечеству, также были недостаточны. Чины нѣкоторыхъ большихъ провинцій сего государства, и иные значительные города вооружали на свой щетъ корабли и корсаровъ, но сіе не приносило ожидаемой пользы, ибо лишь только тѣ показывались въ море, какъ падали во власть Англичанъ. Предположили на 6000 плоскодонныхъ судахъ учинить дессантъ въ Англію, но, при самомъ выполненіи этого отважнаго предпріятія, одинъ Ирландецъ, фамиліею Макаллестеръ, открылъ Лондонскому Двору секретъ о мѣстахъ, гдѣ собирались флоты, отъ чего зависѣлъ собственно и весь успѣхъ сего дѣла; и множество плоскодонныхъ судовъ тогда были истреблены Англичанами на Французскихъ берегахъ. Несчастіе преслѣдовало Французовъ на сухомъ пути и на морѣ. Волтеръ сказалъ по сему случаю, что «Франція, во время своего шестилѣтняго союза «съ Австріею, истощилась людьми и деньгами «болѣе, нежели во всѣ войны, которыя два сто-«лѣтія она вела съ симъ Домомъ.»

Король Гишпанскій, новый союзникъ Французовъ, къ большему отягощенію ихъ, въ одинъ годъ былъ поставленъ Англичанами въ невозможность продолжать войну. Они взяли у него Гавану, ключъ Гишпанскихъ владѣній въ

Америкѣ, ограду золотыхъ и серебренныхъ рудниковъ, со всѣми сокровищами тамъ накопленными, покорили богатую Манилію; Португалія, которою овладѣли было Гишпанцы, была почти совершенно очищена; Пондишери срытъ и Канада, со всѣми важнѣйшими островами Франціи, находились въ рукахъ Англичанъ. Трезубецъ Нептуна, казалось, на многія столѣтія былъ укрѣпленъ Британіи; соединенные флоты всѣхъ народовъ казались помраченными предъ исполинскими морскими ополченіями ихъ, которыя блестѣли на водяной стихіи, какъ метеоръ новый, озаряли на всѣхъ моряхъ трофеи Британцевъ, распространяя свои лучи до обоихъ полюсовъ. Всѣ эти завоеванія, купленыя неимовѣрною храбростію, потоками крови и народнымъ долгомъ, тягость коего падетъ на многія поколѣнія, при заключеніи мира столь же страннаго, какъ была и сія война, исключая Канады, были возвращены непріятелямъ.

По этому миру, творцемъ коего былъ лордъ Бутъ, Фридриха оставили и какъ будто съ намѣреніемъ его непріятелямъ; чтобы устроить новыя препоны для героя, служащаго удивленіемъ цѣлой Европы, въ трактатѣ именно было сказано, что области: Ганноверъ, Гесенъ и Брауншвейгъ, съ прочими землями союзниковъ, будутъ *очищены и обратно отданы* Французамъ; относительно же Прусскихъ владѣній въ Вест-

фаліи, напримѣръ герцогствъ: Клевскаго, Гельдрскаго и другихъ округовъ, бывшихъ во власти Французовъ, сказано было только, что они будутъ *очищены.* Новый Англинскій министръ, не обращалъ никакого вниманія на мирный трактатъ, между Англіею и Прусіею заключенный, гдѣ въ 4 артикулѣ сказано: что ни одна сторона не заключаетъ отдѣльнаго мира, или перемирія безъ согласія другой. Такимъ образомъ совершенно были упущены изъ виду пользы короля и націи — честь и единодушное желаніе народа, такъ что день обнародованія мира, былъ днемъ печали въ цѣлой Великобританіи. Прусскій посланникъ, при Лондонскомъ Дворѣ, формально протестовалъ противу сего вѣроломнаго мира, столь противнаго трактатамъ, съ его государемъ заключеннымъ, но напрасно, миръ былъ ратификованъ 10-го февраля 1763-го. Этотъ поступокъ произвелъ большое впечатлѣніе надъ Фридрихомъ и посѣялъ въ немъ негодованіе не противу Двора, который одинъ былъ виновенъ въ томъ, но противу всего Англійскаго народа, чтившаго его. Никогда ни одинъ иностранный государь не былъ любимъ Британцами болѣе Фридриха. Знаменитые ораторы Парламента разныхъ партій превозносили его до небесъ, Англійскіе поэты воспѣвали тріумфы его, и народъ истребилъ въ публичныхъ мѣстахъ всѣ портреты державствующихъ непріятелей его. Сіе едино-

душное чувство народа вольнаго и просвѣщеннаго не могло однако же изгладить въ понятіяхъ Фридриха политическія ошибки Сен-Джемскаго Кабинета; тогда онъ началъ отдаляться отъ Английской націи, которую онъ никогда хорошо не зналъ. Благородный энтузіазмъ Англичанъ къ нему, и субсидіи, толь великодушно приносимыя ими на дѣло имъ чуждое, скоро забылись, и Фридрихъ вмѣсто признательности получилъ отвращеніе къ сему народу, обнаруживая оное разнымъ образомъ до конца дней своихъ. Неприязнь, постепенно усиливающаяся между воюющими народами, возрасла мало помалу у Пруссаковъ и Австрійцевъ на высокую степень, о чемъ исторія сія сохранила уже нѣкоторыя черты. Преимущественно Австрійцы, тогда еще поотставшіе въ образованности, отличили себя этою національною враждою: по ихъ идеи сія война, начатая Фридрихомъ, была бунтъ противу Императора и Имперіи, достойный каранія, и по религіознымъ предразсудкамъ ихъ, они сражались противу еретиковъ, изтребленіе коихъ было дѣломъ спасительнымъ. Прусскіе солдаты, бывшіе у нихъ въ плѣну, въ Вѣнѣ были заперты по тюрьмамъ, гдѣ содержались уголовные преступники, и тамъ разными чрезвычайно дурными пріемами, приневоливали ихъ вступать въ Австрійскую службу. Но офицеры Прусскіе, были размѣщены по це-

большимъ городкамъ, дабы они не могли разливать яда своихъ религіозныхъ мыслей, и въ семъ мнѣніи ихъ трактовали самымъ неприличнымъ образомъ; цѣлые пять мѣсяцевъ не производили имъ никакой выдачи денегъ и жребій ихъ существованія предоставили состраданію человѣколюбивыхъ особъ. Генералъ Фукетъ, также плѣнный, почелъ обязанностію своею открыто приносить жалобы на тѣ отношенія къ его офицерамъ, лишеннымъ всякаго пособія Сей генералъ, другъ короля своего, преисполненный энтузіазма къ его службѣ, и зная, что собственно потому-то его лично ненавидѣли въ Вѣнѣ, съ большою горячностію дѣлалъ свои жалобы. Онъ употреблялъ противу Императрицы и ея министровъ такія выраженія, какія только можно было произносить ненаказанно, въ одной Англіи. Наказаніе не умедлило свершиться: Фукетъ былъ сосланъ на заключеніе въ Карлштадтъ, что въ Кроаціи. Король употребилъ право возмѣздія, приказавъ содержать подъ тѣснымъ карауломъ въ Магдебургской цитадели четырехъ Австрійскихъ генералъ лейтенантовъ, жившихъ доселѣ въ городѣ на свободѣ; это послужило поводомъ къ перепискѣ частной маркграфа Карла Прусскаго съ генераломъ Лаудономъ, въ которой взаимно были дѣланы жаркіе упреки, но которые однако же не имѣли никакихъ послѣдствій. Мщеніе шло

своимъ путемъ. По повелѣнію Императрицы королевы, четыре плѣнные Прусскіе генералъ лейтенанта были увезены въ Куфстейнъ. Фридрихъ, имѣя у себя въ плѣну большее число генералъ лейтенантовъ, опредѣлилъ всѣмъ имъ имѣть пребываніе въ Магдебургской цитадели, на что многіе изъ нихъ согласились съ трудомъ, а одного принудили къ тому силою. Страданія Фукета за дѣло короля не оставались безъ возмѣздія. Фридрихъ никогда и ни къ кому неоказывалъ столь особенныхъ знаковъ своего благоволенія, какъ къ этому генералу, дозволивъ ему, по заключеніи мира, жить гдѣ пожелаетъ въ отдаленіи отъ своего полка и губерніи. Фукетъ понесъ съ собою и въ могилу любовь своего государя.

Король Прусскій, по случаю прекращенія военныхъ дѣйствій не токмо въ Саксоніи и Силезіи, но и во всѣхъ Прусскихъ и Австрійскихъ владѣніяхъ, послалъ 10 тысячный корпусъ въ Имперію, дабы силою заставить Имперскіе чины, ему непріязненные, принять неутралитетъ. Гусарскій генералъ Клейстъ, отправленный съ таковымъ порученіемъ, выполнилъ оное съ благоразуміемъ и быстротою. Онъ явился въ Франконію, которая почти вся находилась въ союзѣ противу Фридриха, и овладѣлъ Бамбергомъ и многими другими важными городами, наложилъ на Бамбергъ контрибуціи милліонъ ефимковъ, и

оттуда пошелъ на Нирембергъ, Нѣмецкую Венецію. Этотъ городъ являлъ въ себѣ странную противуположность: своимъ языкомъ, нравами онъ былъ похожъ на городъ Нѣмецкій, но его конституція, законодательная власть, и политическая надмѣнность его правителей, во многихъ отношеніяхъ, уподобляли его Венеціи.

Въ Нирембергѣ нѣкоторыя фамиліи исключительно занимали всѣ правительственныя должности; тамъ гражданинъ пользовался небольшею свободою, мудрые законы, для ободренія промышленности, были рѣдки; но при всемъ томъ городъ имѣлъ большее мнѣніе о своей знаменитости. Ниренбергскій магистратъ отворялъ ворота Прусскому генералу, предварительно отославъ къ нему проэктъ капитуляціи, написанный варварскимъ канцелярскимъ слогомъ, употребляемымъ въ Имперіи, и на депутатовъ возглагалось выговорить въ договорѣ для себя всѣ вольности города имперскаго: in saecularibus et ecclesiasticis, in civilibus et Militaribus. Этотъ языкъ былъ новъ для гусарскаго генерала. Онъ обѣщалъ отвѣчать на всѣ пункты, когда будетъ въ городѣ, и дѣйствительно долго не заставилъ ждать своего отвѣта, конечно въ другомъ стилѣ: слѣдовало заплатить ему полтора милліона имперскихъ ефимковъ и сдать арсеналъ. Въ сію операцію Клейстъ не оставилъ своихъ гусаръ безъ дѣла: подобно роямъ, они разсѣя-

лись по всѣмъ около лежащимъ мѣстамъ, исторгали контрибуціи, и разлили ужасъ даже до береговъ Дуная. Тамъ освободили они всѣхъ заложниковъ, коихъ въ сію войну захватили Имперскія войска въ Прусскихъ областяхъ, и увели съ собою. Въ южной полосѣ Нѣмецкой Имперіи, прежде знали Пруссаковъ только по слухамъ, и съ высоты городскихъ стѣнъ обыкновенно насмѣхались надъ плутонгами легкой кавалеріи, дерзнувшей подъѣзжать къ нимъ. Но теперь, увидѣли Прусскихъ гусаръ, которые смѣшивались, чтобы идти на приступъ, какъ ими былъ и взятъ Имперскій городъ Виндегеймъ, а Ротенбургъ на рѣкѣ Тауберѣ отворилъ ворота 25-ти гусарамъ, угрожавшимъ взять его штурмомъ. Вооружившіеся граждане онаго должны были сойдти съ городскихъ стѣнъ и внесли сто тысячь ефимковъ контрибуціи.

Гусары, усмотря, что непріятельскія области обороняются весьма слабо, подавались все впередъ, и подошли на одну милю отъ Ратисбона. Амфикты Германской Имперіи испугались появленія ихъ; преимущественно объявлявшіе себя въ эту войну главными противниками короля Прусскаго, нынѣ страшились его мщенія. Многіе приняли мѣры предохранить себя отъ опасности, суда, плавающія по Дунаю, нагрузились ихъ дорогими пожитками, и Сеймъ, казалось, былъ оконченнымъ. Въ этой суматохѣ за-

были о политическихъ планахъ, и правилахъ и о пользѣ общей, всѣ думали только о своемъ собственномъ интересѣ. Прусскій посланникъ Плото, которому большинство Сейма оказывало особенную ненависть, цѣлыя семь лѣтъ преслѣдуя его съ великою злобою, формально былъ прошенъ явить имъ свое покровительство, умоляли его о сохраненіи народного собранія, которое съ такимъ неутомимымъ жаромъ заботилось о погибѣли его государя. Ратисбонскій магистратъ отправилъ къ нему торжественную депутацію умолять о милосердіи короля Прусскаго. Плото, имѣя его полномочіе, явилъ имъ испрашиваемое покровительство, гусары Прусскіе не появлялись болѣе въ окрестностяхъ Ратисбона

Австрійскія войска, во всю экспидицію Клейста, оставались спокойными зрителями оной, полагая быть принеболенными къ тому перемиріемъ. Напослѣдокъ, полученнымъ изъ Вѣны повелѣніемъ, болшой Австрійскій корпусъ соединился съ Имперскими войсками, подъ начальствомъ принца Столберга. Сія армія слѣдовала во Франконію. Принцъ Ксаверій, съ значительнымъ корпусомъ, туда же подходилъ изъ Саксоніи, Французы дошли до Вирцбурга. Клейстъ, не рѣшаясь вступить въ дѣло противу цѣлой арміи, отступилъ, благополучно достигъ въ Саксонію съ множествомъ заложниковъ, съ боль-

шими денежными суммами, и съ довольно значущимъ числомъ Ниренбергскихъ пушекъ

Имперскіе чины своими дѣйствіями обнаружили теперь сколь они удаляются отъ сей войны. Баварія приступила первая къ неутралитету, подвинула войска свои на границы по Дунаю, и воспретила переходъ Австрійцамъ. Баварскія и Палатинатскія войска первыя отдѣлились отъ Имперской арміи, и еще въ половинѣ Генваря возвратились во свояси, не взирая на повелѣнія генераловъ Германскаго Сейма. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Мекленбургъ заключилъ отдѣльный миръ съ Пруссіею, и вносилъ королю 120,000 ефимковъ, въ видѣ недоимки контрибуціи, ссужденной оному королемъ Датскимъ.

СОДЕРЖАНІЕ 1763 ГОДА.

Бѣдствія Нѣмецкой земли. Губертсбургскій миръ.

Сія блистательная экспедиція Пруссаковъ, въ нѣдра Имперіи, была послѣднею въ эту войну, которую Марія Терезія теперь весьма желала окончить. Послѣ отдѣльнаго мира Россіи и Швеціи изчезла и вся надежда ея овладѣть Силезіею, и война продолжалась только для одной чести. Между тѣмъ Австрія составила проэктъ о пріобрѣтеніи областей Прусскаго короля, во власти Французовъ бывшихъ, и Версальскій Дворъ, по вѣроломству, или отъ небреженія Англинскаго министерства, придерживаясь буквально трактата, неотдавшій обратно, но только очистившій владѣнія Фридриха, не затруднялся предоставить ихъ Австрійцамъ. Потому-то выступленіе Французскихъ войскъ изъ разныхъ земель все отсрочивалось дотолѣ, какъ сильный корпусъ Австрійцевъ собрался близь Рюремонда. Но Фридрихъ, не имѣя недостатка въ въ солдатахъ, сверхъ того могъ употребить Гессенскія и Брауншвейгскія войска, находящіяся безъ занятій, и потому, дабы остановить намѣренія Австрійцевъ, началъ угрожающія дви-

женія и одну дивизію послалъ въ Вестфалію. Это разстроило планы Австрійцевъ, коихъ Французы не хотѣли болѣе подкрѣплять вооруженною рукою, и въ Декабрѣ мѣсяцѣ Пруссаки спокойно вошли во владѣніе всѣхъ областей своихъ.

Въ Вѣнѣ постепенно ослабѣвала горячность на продолженіе войны. Фридрихъ, снова владѣвшій провинціями, столь долгое время занятыми непріятелемъ, королевствомъ Пруссіею и своими Вестфальскими областями, безъ союзниковъ и безъ субсидій, никогда не казался толь страшнымъ и столь мощнымъ, какъ нынѣ, полагали, что онъ съ весьма великими силами снова войдетъ въ Богемію. Марія Терезія, послѣ того какъ всѣ чины Имперіи, чрезвычайно утомленные этою войною, и устрашившись послѣдняго вторженія Пруссаковъ, постепенно отозвали свои войска, оставалась противу него одна, съ своими арміями, безъ союзниковъ. Конечно Австрія не столько нуждалась въ деньгахъ, какъ Франція, но въ замѣну того финансы первой находились въ совершенномъ разстройствѣ. Государственныя наличныя суммы, при началѣ войны неслишкомъ покрывающія расходы, не взирая на займы, на налоги и другія пособія политическія, были недостаточны для удовлетворенія всѣхъ потребностей, которыя день отъ дня становились ощутительнѣе. У Фридриха, напротивъ, вовсе не было примѣтно подобнаго оскудѣнія, никогда не ка-

салось у него до займа капиталовъ ни у себя въ государствѣ, ни въ чужихъ краяхъ, и что всего еще удивительнѣе, его подданные никогда не были отягощены никакими чрезвычайными налогами. Но Германія слишкомъ много претерпѣла въ сію войну. Цѣлые округи ея были опустошены, въ другихъ были прерваны торговля и ремесла, не взирая на приливъ въ Нѣмецкую землю денегъ изъ Франціи, Англіи, Швеціи и Россіи, и несмотря на тѣ суммы и субсидіи, которыя издерживали и проживали въ ней арміи, и коихъ общій итогъ простирался свыше 500 милліоновъ рейхсталлеровъ! Вся дальная Померанія и часть Бранденбургіи уподоблялись пустынѣ. Другія области не дошли еще до столь гибельнаго положенія, но въ нихъ или совсѣмъ не находилось жителей, или не было мущинъ. Во многихъ провинціяхъ женщины пахали поля, въ другихъ нельзя было найдти даже плуговъ. Всюду представлялись большія плодородныя земли, до коихъ, какъ видно, не дотрогивалась соха пахаря. Дикія Американскія пустыни Огіо и Оронока представляли вѣрную картину полей Германіи, орошаемыхъ водами Одера и Везера. Одинъ офицеръ, проѣхавши семь деревень въ Гессенѣ, нашелъ въ нихъ только одного человѣка, который былъ церковный причетникъ и варилъ бобы, чтобы поѣдать.

15-го Февраля былъ подписанъ миръ въ

Губертсбургскомъ замкѣ,что въ Саксоніи, спустя два дни какъ Ратисбонскій Сеймъ формально объявилъ себя неутральнымъ; и тѣмъ былъ положенъ конецъ общимъ бѣдствіямъ. Сіи важные переговоры были окончены въ нѣсколько недѣль, ибо были приняты всѣ зависящія мѣры, чтобы ускорить ихъ. Вести сіи негоціаціи избрали не посланниковъ или министровъ, нерѣдко желающихъ блестѣть пышностію, этикетомъ, роскошнымъ столомъ болѣе, сколько неутомимыми трудами, но отъ Вѣнскаго Двора былъ посланъ, въ Губертсбургъ надворный совѣтникъ Колленбахъ,а со стороны Прусскаго короля совѣтникъ посольства Герцбергъ, и отъ Саксоніи тайный совѣтникъ Фричъ; люди умные и дѣятельные, блестящіе болѣе своими достоинствами, нежели титлами; во всемъ уполномоченные, они составили статьи мирнаго трактата, содержаніе коихъ имѣло главнымъ предметомъ—очищеніе провинцій и завоеванныхъ мѣстъ во время войны, или тѣхъ, въ кои были введены войска. Обѣ стороны отказались отъ всѣхъ вознагражденій. Такимъ образомъ, послѣ семи кровопролитныхъ кампаній, дѣла находились на той же точкѣ, какъ и при началѣ войны. Замыслы непріятелей Фридриха не токмо разстроились, но совершенно уничтожились. Герой, коего погибель казалась неизбѣжною въ глазахъ всего Свѣта, который, среди успѣховъ своего оружія, сомнѣвался

избѣжитъ ли онъ паденія, теперь заключаетъ миръ, не потерявъ ни одной деревни.

Такимъ образомъ кончилась эта *семилѣтняя война*, достопримѣчательнѣйшая изъ всѣхъ, какія сохранились въ лѣтописяхъ другихъ царствъ, которая не уступаетъ ни въ чемъ самымъ изумительнымъ бранямъ временъ новыхъ и древнихъ, война обильная разными чрезвычайными дѣйствіями, обманувшая ожиданія всей Европы, и которая останется назидательною для генераловъ, людей государственныхъ и для философовъ грядущихъ столѣтій.

КОНЕЦЪ.

2007081568